К. КУНИН

МАГЕЛЛАН

*

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«…замечательное плавание. Лишь ничтожная кучка смельчаков завершила дело, начатое Магелланом. Большинство моряков погибло в пути. Погиб и сам командир, бесстрашный Фернандо Магеллан».

- Константин Ильич Кунин
  -
  - «За горами»
  - Лиссабон
  - Вокруг Африки
  - Первые битвы Фернандо Магеллана
  - Индийская служба
  - По неведомым морям
  - Под знаменами д’Альбукерка
  - К островам пряностей
  - Марокканская кампания
  - Проект Магеллана
  - Король Маноэль «Счастливый»
  - Испанский путь
  - Переговоры
  - Снаряжение экспедиции
  - Через Атлантический океан
  - Вдоль берегов Южной Америки
  - Бунт
  - Зимовка
  - Пролив
  - Тихий океан
  - «Остров пресной воды с добрыми признаками»
  - Филиппинские острова
  - Смерть Магеллана
  - Завершение экспедиции
  - Основные даты жизни Магеллана
  - Библиография
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69

Константин Ильич Кунин
Магеллан
Жизнь замечательных людей
Выпуск 3–4 [159–160]
1940

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

•

СЕРИЯ БИОГРАФИЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

АКАД. В. Л. КОМАРОВА, МИХ. ЛИФШИЦА (ОТВ. РЕДАКТОР),
АКАД. Е. В. ТАРЛЕ, АКАД. А. Н. ТОЛСТОГО, Ю. Н. ТЫНЯНОВА,
Е. Ф. УСКЕВИЧ, А. А. ФАДЕЕВА, АКАД. А. Е. ФЕРСМАНА,
ПРОФ. В. Ф. ЮДИНА.

•

ВЫПУСК

3–4

[159–160]

МОСКВА MCMXL

К. КУНИН

МАГЕЛЛАН

•

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1940

Современный портрет Магеллана. (Заокеанская библиотека-музей в Мадриде).

«За горами»

«…Мой род — один из самых замечательных, самых древних в королевстве…»

Из завещания Фернандо Магеллана от 17 декабря 1504 года.

Фернандо Магеллан, или, как называли его на родине, Фернао де Магальяеш, родился около 1480 года в Саброжа, в португальской области Траз-уж-Монтиш. По-португальски Траз-уж-Монтиш означает «за горами». Это суровый и гористый край, отделенный от остальной Португалии горными хребтами.

Траз-уж-Монтиш — единственная область Португалии, не имеющая выхода к морю, — всегда была самой отсталой, самой дикой во всем королевстве. Это страна быстрых, холодных потоков, угрюмых дубовых и буковых лесов, страна горных пастбищ, где выращиваются лучшие на всем полуострове кони и мулы. Зимой здесь холодно и выпадает снег. Старая португальская пословица говорит, что в Траз-уж-Монтиш «девять месяцев зимы и три месяца ада». Леса изобилуют дичью. Зимой стаи волков подходят близко к селениям. Дикие коты и лисы забираются в курятники и погреба. В старину дворяне Траз-уж-Монтиш охотились на вепрей, оленей, косулей, медведей и волков.

В Саброжа, родовом имении семьи Магелланов, стоял старый господский дом с толстыми стенами, с узкими окнами, забранными решетками, с гербом, высеченным на камне над входной дверью.

В доме было много холодных, неудобных и нежилых комнат с голыми стенами. Мебели, ковров и посуды осталось очень мало. Старинный род Магелланов приходил в упадок; в родовом гнезде царила плохо прикрытая пышными именами и старинным гербом бедность.

Центром дома была высокая зала, служившая столовой. Зимой здесь целый день топили огромный закопченный камин, и долгими зимними вечерами к жаркому его огню собирались все домочадцы.

Семья вела замкнутую и однообразную жизнь: занимались хозяйством, ездили на охоту, посещали церковь.

Вокруг простирались лесистые нагорья, по долинам — поля

ячменя и ржи, небольшие сады. Виноградные лозы обвивали буковые деревья на дорогах. Маленькие бедные деревни ютились в защищенных от северного ветра лощинах — белые или покрашенные в голубой цвет домики, сады за низкими каменными оградами, виноградники.

Мимо господского дома шла большая дорога. Много столетий тому назад ее проложили римляне. Тогда эта дорога пересекала весь полуостров, и по ней проходили легионы завоевателей. С тех пор она пришла в упадок, мосты обрушились. Во многих местах дорога стала непроходимой.

Теперь по источенным и выщербленным камням старой римской дороги брели крестьяне в дождевых накидках из соломы, женщины с тяжелыми корзинами на голове, нищенствующие монахи в засаленных и оборванных рясах, разносчики с тяжелыми тюками за спиной, лениво трусил священник на откормленном муле или гарцевали на рослых конях дворяне, сопровождаемые слугами, пажами и соколятниками.

Под вечер крестьяне вели с пашни сизых большерогих быков, запряженных в ярмо — огромный, украшенный затейливой резьбой деревянный брус. Это ярмо — гордость каждого хозяина — переходило по наследству от отца к старшему сыну. Часто мимо дома гнали на продажу в Испанию табуны превосходных коней с горных пастбищ.

Испания была близко — ближе и понятнее, чем далекий и шумный Лиссабон. Траз-уж-Монтиш граничила с испанской областью Галисией. Галисийцы говорили на языке, очень близком к говору своих португальских соседей, и гораздо лучше понимали язык людей Траз-уж-Монтиш, чем кастильский.

В то время граница не отделяла наглухо Траз-уж-Монтиш от Галисии. Правда, короли Португалии и испанского королевства Леон нередко решали на полях Галисии и Траз-уж-Монтиш свои вековые усобицы, но война была делом господским, — простые люди, жившие по разным сторонам границы, часто встречались на ярмарках и богомольях, знакомились и роднились между собой.

Даже у дворян Траз-уж-Монтиш было немало родичей и друзей по ту сторону границы. В испанских летописях и старинных документах неоднократно встречаются дальние родственники Магальяешей, или, по-испански, Магелланов.

Старинный обычай гласил, что старший сын в дворянской семье должен посвятить себя службе при дворе короля, и Фернандо с детства готовили к военному делу. Он учился ездить верхом, принимал участие в опасных охотничьих забавах того времени — облавах на вепрей и медведей. Во время этих далеких

поездок он привык безропотно переносить любую погоду и долго обходиться без пищи. Фернандо свободно владел копьем, мечом и шпагой, умел перевязать рану и остановить кровь. Он был невысок, но крепок и хорошо закален.

Подростком Фернандо покинул навсегда родной дом и попал в столицу — чужой и шумный Лиссабон.

Лиссабон

«Лиссабон — величайший город Европы, где богатства Востока разгружаются для распределения по всему миру».

Мигель Сервантес, «Персилес и Сихисмунда».

Какая разительная перемена! Из тихой, заброшенной в суровых горах долины попал он в шумный, пронизанный теплым ветром приморский город. Здесь все было по-другому, и самый темп жизни был иной.

Он увидел блестящий королевский двор с его праздниками, церковными церемониями и интригами; веселый порт, где всегда стоял запах смолы и свежего дерева; верфи с кучами мокрых канатов, ящиками, тюками, низенькими складами; толпы разноплеменного люда — португальцев, испанцев, голубоглазых англичан и фламандцев, негров-рабов, вежливых и лукавых купцов из Генуи и Венеции, греков с островов Эгейского моря, французских и немецких паломников. Все было в движении в Лиссабоне тех дней. Город богател и рос, строились новые дома, церкви и корабли, появлялись новые люди.

Вокруг Африки

«…если я умру за границей или на этой армаде, на которой я плыву ныне в Индию… пусть погребальные обряды по мне совершат, как по обыкновенному матросу…»

Из завещания Фернандо Магеллана от 17 декабря 1504 года.

Никогда еще не отправлялась из Лиссабона такая крупная эскадра. В ней был двадцать один корабль. В состав эскадры входило пятнадцать крупных кораблей, так называемых «навио». Самое большое судно было построено в Басконии и имело 1400 тонн водоизмещения, два других — 1000 и 800 тонн. Водоизмещение остальных «навио» колебалось между 300 и 500 тонн.

Далее во флоте д'Альмейды было шесть небольших быстроходных каравелл. Кроме того, на кораблях везли в разобранном виде несколько гребных судов — бригантин и галей. Гребные суда не были пригодны для океанского плавания — их должны были собрать в Индии и использовать для каботажных перевозок.

Вообще суда, плывшие в составе эскадры д'Альмейды, предназначались для различных целей. Самые крупные суда везли на Восток ценные товары; там их рассчитывали нагрузить индийскими товарами и отправить обратно в Португалию. На судах среднего размера в Индию плыли войска и продовольствие. Это были по большей части старые, менее надежные суда. На них не решались грузить дорогие товары и предпочитали возить солдат. Эти суда оставались в Индии и вместе с третьим видом судов — каравеллами — должны были составить грозный и быстроходный флот для пиратства и набегов на индийские и африканские города.

На кораблях д'Альмейды плыло более двух с половиной тысяч человек. Набрать такую массу людей было не легко. В Португалии было не очень много квалифицированных моряков, и с тех пор, как португальские корабли стали плавать за море, все время ощущалась нехватка опытных моряков. Король не очень дорожил людьми, немало их погибало во время каждого плавания. Многие уходили искать счастья в другие страны.

Поэтому уже во время снаряжения армады д'Альмейды пришлось набирать на корабли деревенских парней, не знавших моря. На одной из каравелл команда не могла даже отличить правую сторону от левой, и командир Жоао Гомеш придумал привязать к левому борту лук, а к правому чеснок, и командовал: «Руль к чесноку! Руль к луку!»

Д'Альмейда взял с собой в Индию большую свиту из знатных дворян, сто шестьдесят телохранителей, алебардщиков, множество слуг, музыкантов и даже походную капеллу с целым штатом священников и певчих. Король Маноэль считал, что на Востоке такая пышность необходима, тем более, что командир эскадры дом Франсиско д'Альмейда должен был по прибытии в Индию принять титул вице-короля. Этим подчеркивалось, что время разведок прошло и что португальцы намерены прочно обосноваться на побережье Индостана.

Д'Альмейда получал во время плавания и пребывания в Индии по тридцать тысяч крусадо в год и еще две тысячи крусадо на расходы по столу. Он имел также право бесплатно привозить на королевских судах тысячу пятьсот квинталов перцу ежегодно, отдавая лишь четвертую долю стоимости королю и двадцатую — храму Мадонны в Белеме.

Простой солдат получал двадцать четыре крусадо в год, в море его кормили на казенный счет, а в Индии уплачивали еще двенадцать крусадо в год на пропитание. Кроме того, каждый солдат мог ежегодно отправлять бесплатно на родину два с половиной квинтала перцу.

Несколько раз на корабли приезжал сам адмирал Индии, грозный Васко да Гама. Он недавно вернулся из своего второго плавания в Индийский океан, во время которого залил кровью африканское и индийское побережье и навеки запятнал свое имя самой изощренной жестокостью.

Этого сурового и высокомерного человека в черной одежде моряки не любили. Они не могли забыть унижения, которым он подверг их товарищей. Когда во время первого его плавания в Индию среди команды начался ропот, Васко да Гама подавил возмущение в самом зародыше и поклялся, что по возвращении проведет в цепях через Лиссабон всех его участников. Он сдержал клятву, и во время торжественного шествия через Лиссабон лучшие кормчие Португалии — люди, которым Васко да Гама был обязан своим успехом, — шли, позвякивая ручными кандалами.

Теперь по поручению короля Маноэля адмирал Индии следил за снаряжением кораблей, отправлявшихся за море. Он побывал всюду, осмотрел трюмы, подсчитал запасы продовольствия и боевых припасов, проверил прочность канатов и парусов.

Армадой д'Альмейды он остался доволен.

На корабли погрузили для обмена на индийские товары четыре тысячи центнеров меди, двести центнеров свинца, около шестидесяти центнеров киновари, много ящиков стеклянных изделий и фландрских сукон, пятьдесят центнеров ртути, сорок два центнера кораллов — на общую сумму восемьдесят тысяч дукатов. На эти товары в Индии существовал постоянный спрос.

Все снаряжение эскадры обошлось в двести пятьдесят тысяч дукатов, но португальский король знал, что прибыль от привезенных из Индии товаров и добычи, награбленной в Индийском океане, с лихвой покроет все расходы. Так было с предыдущими экспедициями в Индию, когда, несмотря на гибель половины судов, прибыль намного превышала все издержки.

Армада Франсиско д'Альмейды существенно отличалась от других эскадр, посылавшихся в начале XVI века из Португалии в Индию, — в снаряжении ее впервые приняли участие южно-немецкие торговцы.

Когда выяснилось, что плавание за пряностями по открытому португальцами пути сулит огромные выгоды, агенты богатейших торговых домов Германии — Фуггеров, Вельзеров, Госсепрота и Хохштеттера из Аугсбурга, Имхофов и Хиршфогелей из Нюрнберга — поспешили в Лиссабон.

В феврале 1503 года король Маноэль заключил с немецкими купцами соглашение. Немцы получили право соорудить в Португалии три корабля. Это были «Лионарда», «Сао-Херонимуш» и «Рафаэль» — самые крупные суда армады д'Альмейды. На этих кораблях, нагруженных привезенными из Германии, Нидерландов и Венеции товарами, немецкие купцы отправляли своих приказчиков. Однако экипажи судов были португальскими, и все распоряжения командира эскадры должны были выполняться беспрекословно. Немцы обязались по возвращении в Португалию отдать королю тридцать процентов всех привезенных товаров, а остальные могли увезти беспошлинно за границу.

Некоторые немецкие приказчики вели во время путешествия в Индию дневники. Особенно ценный дневник оставил приказчик Вельзеров Балтазар Шпренгер из Фильса на Лехе, плывший на «Лионарде».

Последние недели перед отъездом проходили в спешке и суете. Все знали, как опасен путь в заморские страны: добрая половина участников первых плаваний в Индию погибала во время штормов и боев, умирала от ран и тропических болезней.

Отплывавшие в дальний путь делали последние распоряжения и писали завещания. Завещание Фернандо Магеллана от 17 декабря 1504 года дошло до нас. Он завещал все

имущество своей сестре донье Терайже де Магальяеш, ее мужу Жоао да Сильва Теллеж и их сыну Луижу.

Он просил своих наследников увеличить по мере возможности дедовское имение и прибавлял, что род его, род Магелланов, относится к наиболее выдающимся, лучшим и старейшим в королевстве. Фернандо Магеллан писал в завещании: «Я желаю, чтобы если я умру за границей или на этой армаде, на которой я плыву ныне в Индию служить моему повелителю, величайшему и могущественнейшему государю Дом Маноэлю, да хранит его господь, — то пусть погребальные обряды по мне совершат, как по обыкновенному матросу, и пусть отдадут капеллану корабля мою одежду и оружие, дабы он отслужил по мне заупокойные мессы».

Одно непредвиденное обстоятельство ускорило отъезд эскадры. Португальцы совершали в Индии, в Африке, в Индийском океане необычайные зверства. Всюду, где только могли, они уничтожали своих главных соперников — арабов, не останавливаясь перед самыми утонченными пытками и сожжением заживо женщин и детей. Арабские купцы обратились к турецкому султану за помощью. Султан, доходы которого от транзита индийских товаров через его земли значительно снизились после появления португальцев в Индии, пригрозил уничтожить христианские святыни в Палестине, если португальцы тотчас же не прекратят своих зверств. Священники из Синая и Палестины, спешно отправившись в Рим, обратились к папе с просьбой воздействовать на короля Маноэля. Папа отправил посланцев в Португалию, снабдив их письмом к королю. Узнав об этом, Маноэль приказал, не дожидаясь приезда папских посланцев, отправить эскадру д'Альмейды в путь. Это давало д'Альмейде возможность по-прежнему проводить политику насилий и зверств, прикрываясь тем, что, уезжая из Португалии, он ничего не знал о заступничестве папы.

25 марта 1505 года армада д'Альмейды под звон колоколов и пение молитв покинула устье реки Тежу.

Для Магеллана начиналась новая жизнь.

Еще в устье Тежу произошло первое происшествие. Корабль немецких купцов — неуклюжая «Лионарда» — налетел на другое судно и сломал часть бушприта. Пришлось оставить «Лионарду» в Лиссабоне.

В то время кораблевождение по океану было делом новым. Моряки не очень доверяли своим мореходным инструментам и кораблям; португальские командиры стремились насколько возможно реже отпускать одинокий корабль в открытое море. Поэтому с «Лионардой» оставили в Лиссабоне еще два корабля.

Все три корабля могли присоединиться к эскадре только у Мадейры.

Между тем армада д'Альмейды поплыла на юг.

Все было ново для Магеллана: игра дельфинов на волнах, быстрые смерчи, внезапно возникавшие вдали и столь же неожиданно рушившиеся в море, жара, возраставшая с каждым днем, суровый и строгий распорядок жизни на кораблях, торжественная церемония утреннего и вечернего салюта адмиральскому кораблю, когда все прочие корабли по очереди подходили к нему и матрос, взобравшись на мачту, кричал оттуда раз навсегда установленные слова приветствия д'Альмейде, как главному начальнику и командиру армады.

Фернандо до сих пор знакомился с мореходным делом лишь на пристанях и верфях Лиссабона, на кораблях, приходивших в порт, и по картам в башне королевского замка. Теперь ему приходилось учиться морскому делу по-настоящему — учиться на корабле, плывущем в открытом океане. Понемногу он постигал все тонкости сложного и тяжелого ремесла моряка. Он научился по изменению цвета облаков, по внезапным порывам ветра и столь же внезапным затишьям, по легкой дымке, стелющейся на горизонте, предсказывать перемену погоды, по полету птиц узнавать близость земли. Он умел уже определять в открытом море широту по звездам, луне и солнцу, знал, как пользоваться компасом и тяжелой астролябией[8], как узнать скорость судна, бросив у носа корабля щепочку и читая подряд одну и ту же молитву, пока щепочка не окажется за кормой.

Многие товарищи Магеллана по плаванию уже побывали в Индийском океане. Они рассказывали новичкам о грозных бурях у мыса Доброй Надежды, о цинге — новой болезни, появившейся с тех пор, как корабли стали уходить в дальнее плавание, о томительных штилях у жарких берегов Аравии, о битвах в открытом море, о пестрых и шумных городах Индии, об украшенных золотом слонах, гуляющих по улицам, и обезьянах, которым воздают божеские почести, — о всем дивном и страшном, мире, уже несколько лет владевшем мечтами Магеллана.

В ночь с 28 на 29 марта армада прошла мимо острова Мадейры, а через день вдали показалась цепь вулканических Канарских островов. Д'Альмейда приказал взять курс на юго-восток, ближе к африканскому берегу. Капитаны велели закинуть сети, не уменьшая хода кораблей. Улов был обильный. Моряки радовались свежей рыбе.

7 апреля армада подошла к бухте, которая на севере завершалась далеко уходившим в море мысом. Это была крайняя

западная оконечность Африки — Зеленый мыс. За два поколения до Магеллана португальские моряки впервые добрались до этих мест. В те времена живы были еще сказки древних о юге, где солнце жжет так сильно, что из океана испаряется множество воды, море становится вязким и на суше ничего не может расти. Пока португальские капитаны плыли вдоль безводных, песчаных берегов, переходивших далее на восток в Сахару, все, казалось, подтверждало слова древних о том, что на юге солнце несет смерть всему живому.

Но в 1445 году капитан португальского корабля Диниш Диаш добрался до западной оконечности Африки. Он нашел здесь траву, огромные деревья и ручьи. Диниш Диаш назвал это место «Зеленым мысом». Так была разрушена еще одна древняя легенда.

Корабли д'Альмейды вошли в бухту и бросили якоря у трех небольших островков около мыса. Самый крупный звался островом Пальм. Там под тенью огромных баобабов стояла небольшая, крытая соломой церковь, вокруг которой теснились могилы португальцев, не вынесших тягот плавания по дальним морям.

Но на острове Пальм воды было мало. Поэтому в инструкции, которую составили для д'Альмейды лучшие моряки Португалии, было указано: чтобы не терять лишнего времени на стоянку у Зеленого мыса, он должен брать воду не из небольшого ручья на островке, а в реке, впадавшей в бухту, в месте, которое называлось Порто д'Але. Д'Альмейда послал людей за водой; поехал и Магеллан. Первый раз в жизни видел он тропическую страну: громадные баобабы, конические соломенные крыши в негритянской деревне, поля проса и тыкв.

Португальцы запасали воду и дрова, скупали провизию у живших в бухте негров племени жолоф. Предстояло длительное плавание в открытом океане, и д'Альмейда не напрасно заботился о пополнении запасов продовольствия. Кроме того, он позволил морякам заняться меной с неграми. Но когда д'Альмейде стало известно, что один из вождей жолофов, подаривший пожилому моряку, ветерану многих плаваний, большой нож, изготовленный жолофоким кузнецом, получил от старого моряка красную шапку и меч, он приказал немедленно арестовать старика. В ближайшее воскресенье во время проповеди моряка с веревкой на шее выставили на палубе у мачты. Старик был повинен в том, что нарушил королевский указ и папскую буллу, разрешавшие мену, но запрещавшие продавать или дарить неверным оружие. Д'Альмейда часто сам нарушал это запрещение, неоднократно снабжая своих языческих союзников оружием, но действия его оправдывались государственными соображениями, а здесь

пренебрег указом и буллой простой матрос.

Магеллан с большим интересом присматривался к неграм-жолофам. Это были превосходные моряки и рыболовы. У обитателей окрестностей Зеленого мыса лодки были небольшие, на два-три человека, без мачты и паруса. Негры гребли стоя короткими, похожими на лопаты веслами. Но на этих лодках они уплывали за двадцать километров от берега. У жолофов, живших южнее Зеленого мыса, лодки были на шестьдесят и даже на сто человек.

Одежда богатых и знатных негров состояла из рубашки хлопчатобумажной ткани, длинных штанов, шапки с наушниками и накидки из синей и красной полосатой материи, привозившихся на верблюдах через Сахару мавританскими купцами. Бедные ходили почти нагими. Войны были вооружены метательными копьями, ножами и крупными щитами из шкуры антилопы.

В Порто д'Але была стоянка для судов, плававших в Индию и Гвинею. Многие негры понимали по-португальски, хотя португальцы добрались до их мест всего пятьдесят лет назад.

В бухте моряки застали португальскую каравеллу, плывшую с гвинейского берега с грузом рабов. Португальцы в то время ежегодно ввозили из Гвинеи в Лиссабон до двух тысяч черных невольников. Кроме рабов, португальцы привозили из Гвинеи и другие товары. В трюме каравеллы были сложены слоновая кость, «райские орешки» — пряность, не встречающаяся ныне на рынке, — и гвинейский перец. В 1505 году португальцы вывезли в Европу очень много гвинейского перца, но в 1506 году король Маноэль наложил на ввоз его строжайший запрет, чтобы не было конкуренции индийскому перцу.

В Африку португальцы привозили маленькие зеркальца, латунные кольца и браслеты, цветные стеклянные бусы. Негритянские красавицы особенно ценили бусы, разрисованные красными и синими полосками. Еще один товар — бусы из сердолика — попадал в Африку кружным путем. Эти бусы делали в Индии. В Португалию их везли через Египет и Венецию или вокруг мыса Доброй Надежды, а уже из Португалии их направляли в Африку. Но торговля этими бусами давала такие барыши, что большие расходы по перевозке полностью оправдывались.

Д'Альмейда перегрузил на эту каравеллу всех больных со своих кораблей и 14 апреля велел поднимать паруса.

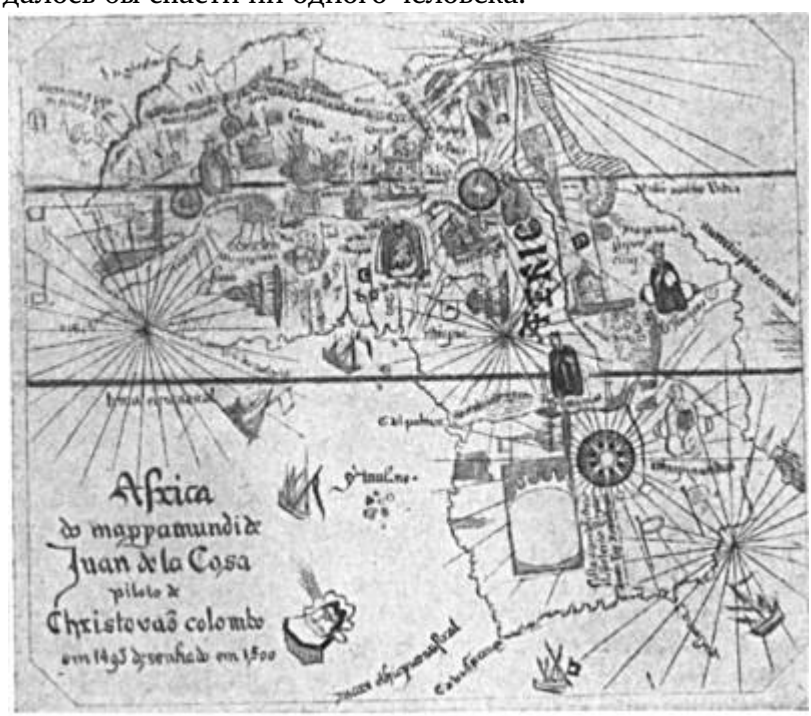
Бартоломеу Диаш во время плавания к южной оконечности Африки и Васко да Гама во время первого путешествия в Индию, вместо того чтобы пробиваться на юг сквозь зону устойчивых

встречных пассатов, расположенную южнее Зеленого мыса, решили обойти эту зону стороной. Они уходили далеко на юго-запад в открытое море, пересекали почти весь Атлантический океан и выходили к земле где-нибудь неподалеку от мыса Доброй Надежды. Этот опыт использовали и другие португальские капитаны. Д'Альмейда, встретив противные ветры, также последовал примеру Диаша и да Гамы и ушел в открытое море.

Девяносто восемь дней плыли корабли в открытом море. Вскоре по выходе из Порто д'Але армада попала в полосу штилей и надолго задержалась. Тогда д'Альмейда приказал разделить армаду на две эскадры. Чтобы одни корабли не замедляли плавания других, первую эскадру составили из крупных, но более медленных кораблей, вторую — из легких, быстроходных судов.

Во время штиля потонул корабль «Белья». Это было старое, видавшее виды судно. 5 мая утром в трюме «Белья» открылась большая течь. Вода хлынула сразу, и судно начало погружаться. К счастью, море было спокойно и поблизости плыл корабль «Херонимо». Поэтому моряки успели спасти с тонущего корабля не только людей, но и самый ценный груз, в том числе серебряное облачение и алтарь для походной капеллы д'Альмейды.

К полудню судно затонуло. Через день погода резко изменилась. Начались штормы. Один из участников плавания пишет, что, если бы течь на «Белья» открылась на два дня позже, не удалось бы спасти ни одного человека.



Карта Африки, составленная знаменитым испанским мореходом и картографом Хуаном де ла Коса (1500 г.).

Вообще в армаде было много ненадежных кораблей. Д'Альмейда писал королю из Индии: «После всего, на что я во время этого плавания насмотрелся, я больше не решусь довериться кораблю, который будет так оборудован вашими чиновниками».

Обе эскадры забрались далеко на юг. Сначала морякам встречались птицы. Потом появились взлетавшие над водой летучие рыбы с белыми плавниками-крыльями. Затем и они исчезли. Шпренгер, приказчик немецких купцов, сопровождавший товары в Индию, писал в своем дневнике, что в сердце Атлантики они «ни рыб, ни каких иных созданий не встречали».

Корабли были под 33–40° южной широты.

Небо стало чужим, незнакомым. Начались холода. Когда эскадра покидала Португалию, там была в разгаре радостная весна Средиземноморья. Теперь моряки попали в зиму южной Атлантики.

Здесь часто налетали внезапные штормы. Небо, еще недавно синее, вдруг покрывалось черными тучами, и наступала темнота, гремел гром, сверкала молния. Разражалась буря, а через час вновь сияло солнце. В 1500 году недалеко от мыса Доброй Надежды такая внезапная буря погубила часть эскадры Кабраля, причем погиб Бартоломеу Диаш.

Д'Альмейда и его капитаны все время были настороже. Вахтенные непрерывно следили за морем и небом. Всегда наготове были люди, чтобы без промедления убрать все паруса, когда налетит буря.

Настала середина июня, а Шпренгер записал, что холод был такой, «как в наших странах на рождество». Через несколько дней выпал снег. По словам одного из участников плавания, Неро-Фернандеша Тиноко, «холод был так силен, что, когда нам приходилось собираться для еды, мы чувствовали себя хромыми клячами… а в канун Иванова дня в бурю плыли мы с зажженными фонарями на марсе и на вантах, и наутро, на рассвете, когда у нас поют птички, мы сидели засыпанные снегом». Д'Альмейда и его свита, чтобы спастись от холода, навьючили на себя все шелка, бархаты и полотна, все шапки и чулки, которые были в кладовых корабля. Придя в каюту командира, Неро-Фернандеш застал тепло укутанного д'Альмейду лежащим на койке перед жаровней, наполненной горячими углями. Каюта командира эскадры была изнутри вся обита коврами.

Холода принесли с собой увеличение заболеваний, но смертности не было. В этом отношении плавание д'Альмейды

представляет редкое исключение среди дальних плаваний начала XVI века, когда обычно до трети, а иногда и до половины команды погибало в пути.

Здесь сказалась предусмотрительность командира. Пока корабли плыли от Зеленого мыса в тропических водах, д'Альмейда приказал сократить ежедневный рацион вина, оливкового масла и других видов довольствия. Это дало возможность, когда корабли попали в холодные края, выдавать морякам усиленный паек.

Чтобы понапрасну не расходовались продовольствие и вода, он приказал капитанам держать у себя ключ от помещений, где хранились их запасы. В конце каждого месяца капитан вместе с писцом должны были проверять состояние запасов продовольствия и устанавливать размеры пайка на следующий месяц.

Вообще суровый воин очень заботился о своих моряках и солдатах.

Магеллану было чему поучиться у старого д'Альмейды. И прежде всего он понял, как много значит предусмотрительность командира, его умение замечать мелочи, его знание всех тонкостей морского дела, его забота о команде — все то, что может предопределить успех. Гаспар Корреа[9] пишет, что сподвижники д'Альмейды «очень любили его, так как его поступки были безупречны; это был человек без тени фальши».

И в самом деле, д'Альмейда чрезвычайно умело руководил эскадрой. Подчас он был суров. Но Магеллан знал, что суровость эта необходима в столь длительном плавании. Кораблевождение в те дни представляло немалые трудности. Все морские суда имели округлый корпус, что делало их чрезвычайно неустойчивыми, а во время большого волнения очень затрудняло продвижение вперед; по этой же причине они испытывали очень сильную килевую качку. Для того чтобы надуть их паруса, требовался очень сильный попутный ветер; не было ни носовых, ни кормовых парусов, за исключением треугольных контр-бизаней — небольших парусов, прикрепленных внизу на бизань-мачте, — поэтому корабли эти очень плохо лавировали. Кроме того, у крупных португальских кораблей того времени было недостаточное бортовое сопротивление, и под влиянием бокового ветра они сильно отклонялись в сторону.

В середине июня корабли достигли 44° южной широты. Тогда д'Альмейда приказал повернуть на восток.

26 июня армада прошла долготу мыса Доброй Надежды и взяла курс на север.

Достойно удивления искусство португальских кормчих того

времени. В Индию португальцы плавали всего несколько раз. Навигационные инструменты их были очень несовершенны. Плыли они на неуклюжих, ненадежных судах. Однако, уходя в открытое море на несколько месяцев, они смело спускались до 44° южной широты и, с громадным трудом определив весьма приблизительно долготу, на которой находились, поворачивали на северо-восток, затем на северо-запад и выходили к африканскому побережью Индийского океана.

В Индийском океане стало теплее, но морякам по-прежнему досаждали внезапные штормы. 2 июля шторм налетел так неожиданно, что на «Сао-Херонимуше» и «Лионарде» порвало все паруса, с палубы «Лионарды» волна смыла трех людей в море, и только одного из них удалось спасти, а корабль «Ботафого» («Извергатель огня») потерял из виду остальную армаду, нагнав ее лишь у африканского берега.

Васко да Гама. Рисунок в рукописи португальского историка XVI века Гаспара Корреа.

Первые битвы Фернандо Магеллана

«Счастье, что португальцев так же мало, как тигров и львов, иначе они истребили бы весь род человеческий».

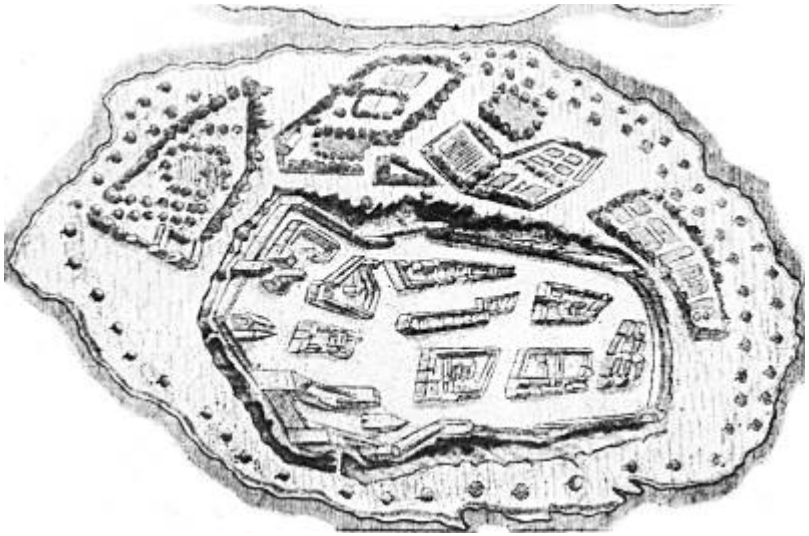
Старинная индусская пословица.

18 июля измученные качкой, голодом и бессонными ночами моряки после трехмесячных скитаний в открытом море увидели землю. Это были пять небольших островков, расположенных в ста пятидесяти километрах от города Мозамбика. Д'Альмейда послал в Мозамбик каравеллу для закупки свежей провизии, а сам с восемью кораблями подошел к Килоа.

Килоа была одним из типичных мусульманских городов, раскинувшихся в те времена вдоль всего восточного побережья Африки. Наиболее крупными среди этих городов были: Софала на крайнем юге, против Мадагаскара, Мозамбик, Килоа, Занзибар, Момбаса, Малинди и, наконец, Магадокша на сомалийском побережье.

Основаны они были в IX–XI веках работорговцами — арабами и персами. Их населяли «белые мавры» (арабы и персы-ширазцы) и «черные мавры» (потомки арабов или персов и негритянок-невольниц). С соседними негритянскими племенами эти городки обычно поддерживали худой мир, но иногда вели и войны. Для защиты от нападений негритянских воинов арабы-работорговцы часто строили свои городки на островах, недалеко от берега.

По описанию Гаспара Корреа, «Килоа стоит на острове, который окружен со всех сторон морем; со стороны сущи пролив мелок — даже во время прилива воды там по колено. Это большой город с хорошими каменными оштукатуренными домами и террасами. Дома богато украшены деревянной резьбой. Город спускается к берегу и опоясан со всех сторон стенами. В нем насчитывается двенадцать тысяч жителей. Окрестности изобилуют деревьями и садами, полными всевозможных растений — цитронов, лимонов, самых лучших на свете апельсинов, сахарного тростника, винных ягод, гранатов. Там множество стад, особенно овец с огромными жирными хвостами. Улицы города очень узки, а дома очень высоки — по три, по четыре этажа. Наверх можно забраться по террасам, так как дома эти стоят близко друг от друга. В порту множество судов».



Город Килоа. Фрагмент карты XVI века.

22 июля д'Альмейда пригласил эмира Килоа на корабль. Но повелитель Килоа уже вынес печальный опыт из своих сношений с португальцами. Летом 1502 года, во время своего второго плавания, Килоа посетил Васко да Гама. В Килоа он поступил, по своему обыкновению, вероломно. Он заманил на свой корабль эмира Ибрагима, объявил его заложником и потребовал выкупа. Правда, хитрый эмир смог выпутаться и подсунул вместо себя заложником своего врага, крупного торговца Магомеда Аргуна. Разгневанный Васко велел избить старика плетьми и выставить затем обнаженным на солнцепек. Получив с Магомеда Аргуна выкуп, португальский пират оставил город в покое, но эмир Ибрагим с тех пор понял, что португальцев надо остерегаться. Он уклонился от приглашения командира армады и поспешил послать подарки — пять коз, молодую корову и множество кокосовых орехов и фруктов.

Д'Альмейда еще раз предложил эмиру явиться на корабль. На этот раз эмир прислал целую делегацию с просьбой передать, что он, к сожалению, не может явиться, так как у него гости, но он готов прислать дань, которой его обложил Васко да Гама.

Тогда д'Альмейда решил захватить город. Он созвал совет капитанов и разработал план действий. Вскоре португальцы узнали, что эмир Ибрагим со всеми своими домочадцами бежал из города и укрылся в недоступных зарослях, а город защищает Магомед Аргун — тот самый, которого пытал Васко.

24 июля д'Альмейда повел своих людей на приступ. Он разбил пятьсот человек, которых выделил для высадки, на два отряда. Одним командовал он сам, другим его сын — очень смелый воин и талантливый полководец дом Лоренсо

д’Альмейда.

Старый адмирал повел свой отряд из гавани и приказал дом Лоренсо штурмовать дворец эмира. В отряде молодого д’Альмейды сражался и Фернандо Магеллан. Это был его первый бой.

Сначала арабы оказывали сильное сопротивление. Плоские каменные дома они превратили а настоящие крепости, бросали с крыш камни и песок, стреляли из луков, укрывшись за баррикадами, которыми они перегородили узкие переулочки. Но потом отпор арабов ослабел, и вскоре большая часть бойцов отступила. Правда, в отдельных домах жители еще оказывали упорное сопротивление. Но с ними справились легко.

Отряд Лоренсо д’Альмейды пошел быстрее и, наконец, вышел на площадь перед дворцом. Ворота были закрыты наглухо, но в окне показался мавр. Крича: «Португаль, португаль!», он размахивал португальским флагом, который Васко да Гама вручил эмиру Килоа как вассалу короля Маноэля.

Ворота взломали. Дворец был покинут. На верхнюю башню поднялся трубач. Он водрузил наверху португальское знамя и затрубил сигнал победы. Тотчас же с кораблей послышались салюты из бомбард[10]. Скоро весь город был очищен от арабских воинов.

После благодарственной молитвы д’Альмейда разрешил своим людям ограбить город, но запретил поджоги. Все награбленное сносили в два специально отведенных дома у гавани. Набралось много продовольствия, тканей, золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней, но владельцы, очевидно, успели унести часть своего добра в лесные дебри.

Вечером д’Альмейда посвятил наиболее отличившихся молодых воинов в рыцари. В тот же день стали строить крепость у гавани. Вокруг нее благодаря множеству снесенных домов образовалось пустое пространство, которое должно было помешать внезапному нападению. Камни и бревна из разрушенных домов пошли на сооружение стен и башен крепости.

Узнав, что Магомед Аргун скрывается с полуторатысячным войском неподалеку от города, д’Альмейда предложил ему заключить мир, с тем чтобы эмир Ибрагим был объявлен низложенным, повелителем Килоа стал Магомед Аргун, а население возвратилось в город. Всем гарантировалась безопасность. Мир был заключен 26 июля. Повелитель Килоа сделался данником короля Маноэля.

Новый эмир торжественно проехал по городу на богато убранном коне, подаренном ему португальским адмиралом. Впереди шел гренадский еврей Гаспар да Гама. Этого человека

Васко да Гама захватил в плен во время своего первого плавания и привез в Португалию. В Лиссабоне гренадец крестился и принял имя Гаспара да Гамы и теперь сопровождал д'Альмейду в качестве переводчика. Выступая впереди Нового эмира, Гаспар Да Гама кричал по-арабски: «Именем короля Маноэля португальского, подданными которого вы являетесь! Вот ваш повелитель, его должны вы слушаться!»

Магомед Аргун проехал по городу к строившейся крепости, и здесь д'Альмейда короновал его золотой короной. Но после церемонии корону вновь бережно спрятали в каюту командира эскадры. Корона эта могла понадобиться и в дальнейшем.

Новый эмир прислал рабочих и припасы; строительство крепости пошло еще быстрее, и 9 августа крепость была готова. Трехэтажная цитадель из огромных камней была окружена стенами и башнями с амбразурами. В крепости были построены фактория, склады провизии и боевых припасов и квартиры для ста шестидесяти бойцов. Д'Альмейда озаботился, чтобы крепость легко сообщалась с гаванью. Старому адмиралу Килоа очень нравилась. Он писал королю, что «якорная стоянка в Килоа — лучшая в мире, ландшафт — самый прелестный, какой только может быть», и с гордостью добавлял: «Я отдал бы два года жизни, только бы ваше величество могло видеть эту крепость. Она достаточно сильна, чтобы в ней можно было обороняться от самого короля Франции».

Пока строили крепость, шел ремонт кораблей, пополнялись запасы провизии. 9 августа, оставив в Килоа каравеллу, одну из бригантин, привезенных в разобранном виде, и восемьдесят человек гарнизона в крепости, д'Альмейда поплыл в Момбасу.

Франсиско д'Альмейда. Рисунок в португальской рукописи XVI века (Британский музей).

Через пять дней армада португальского короля развернулась на внешнем рейде Момбасы. Как и Килоа, Момбаса была расположена на острове. С кораблей видны были плоские крыши, много пальм, поля сахарного тростника, невысокая стена, защищавшая город от нападений негров.

Здесь д'Альмейда решил не терять времени даром и захватить внезапным ударом город. Но португальцы встретили неожиданный отпор. Со стен крепости их обстреляли из бомбард, снятых арабами с португальского корабля, сгоревшего недалеко от Момбасы в 1501 году.

Ночью португальцы подъехали к берегу, чтобы «добыть языка». Поехал и Магеллан. Все было тихо, но, когда лодка подошла к стенам города, с башни кто-то закричал на чистом португальском языке: «Эй вы, собаки, жрущие свинину, если ступите на берег, вас разрубят на куски! Момбаса не Килоа! Не думайте, что вы и здесь легко найдете кур для еды! У нас все готово к бою».

«Кто ты?» спросили с португальской лодки.

Кричавший с башни ответил, что он португалец,

дезертировавший в 1502 году с португальского корабля и принявший мусульманство. Тогда португальцы предложили дезертиру вернуться к своим, обещая от имени д'Альмейды помилование. Тот отказался наотрез.

Все-таки португальцам удалось захватить одного из жителей города. Это был евнух из дворца султана. Узнав от него все, что было нужно, о силах противника, адмирал назначил на 15 августа штурм. Вновь он разделил отряд на две части. Португальские отряды должны были напасть на город с двух сторон. Перед высадкой д'Альмейда обещал отдать город своим людям на разграбление.

На рассвете отряды старого д'Альмейды и его сына подошли к берегу, и по сигналу, данному выстрелом из пушки с «Сао-Херонимуша», португальцы начали бой. Магеллан опять сражался в отряде дом Лоренсо. Португальцы боготворили смелого, рыцарски благородного и искусного в боях юношу.

Старый адмирал со своим отрядом сравнительно легко пробился ко дворцу. Султан бежал из города.

Отряду дом Лоренсо пришлось гораздо тяжелее. Здесь португальцы принуждены были подниматься по крутому каменистому откосу, застроенному домами. Их осыпали метательными копьями, стрелами и камнями, обливали кипящей водой. Ветер гнал им в лицо дым из горевших домов. Защитники города отстаивали каждую улочку. В бою принимали участие женщины и даже дети. Португальцы продвигались вперед очень медленно. Многие были ранены. Все страдали от жажды и жары.

Сопротивление все время возрастало, и португальцы остановились. Но в это время они увидели, как над дворцом султана взвилось белое знамя с крестом.

«Португалия побеждает!» закричали бойцы.

С новыми силами они бросились в бой. В то же время старый д'Альмейда ударил в тыл арабам, сражавшимся с отрядом его сына. Защитники города были разбиты. Потери португальцев оказались очень незначительными.

Очистив город от войск султана, д'Альмейда дал сигнал к грабежу. Солдаты и моряки рассыпались по городу, грабя и убивая.

Очень долго португальцы не находили почти ничего ценного в покинутых домах. Д'Альмейда решил было, что жители Момбасы успели заблаговременно вывезти все ценное из города. Но на закате к нему прибежал запыхавшийся солдат. Забравшись в один из арабских домов и не найдя там никакой добычи, он с досадой ударил копьем в стену. Но копье застряло в дыре. Удивленный солдат осмотрел стену и нашел тщательно

замурованную комнату, наполненную тканями, золотом, серебром и дорогой посудой.

Оказывается, жители Момбасы, чтобы уберечь свое добро во время частых нападений негритянских племен, устроили такие тайники в очень многих домах. Узнав об этом, д'Альмейда приказал вновь обыскать весь город и тщательно исследовать все стены домов. Но люди его так устали, что грабеж отложили до следующего дня. 16-го победители собрали огромную добычу: персидские ковры, тонкие индийские ткани, дорогую парчу, изделия из золота, серебра и слоновой кости.

Вечером все португальцы покинули город, взяв с собой большое количество пленных для работы на галерах и бригантинах.

Один из немцев, плывших с товарами в Индию, писал в своем дневнике: «Не успели христиане покинуть город в одни ворота, как мавры вошли в город с противоположной стороны, чтобы лицезреть свое несчастье. На улицах и в домах валялось множество убитых; говорили, что их было более тысячи пятисот человек».

Султан Момбасы писал повелителю Малинди: «Бог хранит тебя, Саид Али! Я извещаю тебя, что сюда явилось в пылании пламени большое войско. Оно напало на мой город с такой мощью и жестокостью, что никому не даровало жизни — ни мужчине, ни женщине, ни юному, ни седому, ни даже ребенку, как бы мал он ни был. Спаслись лишь те, которые бежали от их ярости. Они убивали и сжигали не только людей, но даже птиц с неба сбивали выстрелами на землю. Вонь от трупов в моем городе так сильна, что я не решаюсь туда показываться. Нельзя даже передать тебе, какое множество сокровищ увезли они с собой из этого города. Я сообщаю тебе все эти печальные вести для того, чтобы ты остерегался».

Может показаться странной та легкость, с которой португальцы одерживали победы на берегах Индийского океана. Но нужно учесть, что военная техника португальцев намного превышала технику их врагов. Португальские корабли были более прочными и обладали большей маневренностью, чем корабли их соперников на морях. Кроме того, португальцы гораздо лучше владели самой тактикой морского боя, искусством управления судами во время битвы, умением брать вражеское судно на абордаж. Но самое главное преимущество их заключалось в широком применении огнестрельного оружия, которое было очень мало распространено на побережье Индийского океана. В Индии и Восточной Африке не умели лить хорошие пушки, не умели по-настоящему стрелять из них, и вплоть до конца XVIII

века индийские владыки пользовались услугами европейских пушкарей и пушечных дел мастеров.

Даже в Аравии легкое огнестрельное оружие было в то время почти неизвестно. Так, в Йемен египетские и турецкие войска привезли первые ружья лишь в 1516 году. В одном арабском сочинении того времени есть весьма любопытное описание огнестрельного оружия, показывающее, что для автора и его соотечественников это оружие было подлинной новинкой, вызывающей растерянность и изумление: «Солдаты повелителя румов[11] были вооружены самострелами, из которых стреляли пулями. Это самое поразительное оружие, и кто бы ни противостоял ему, — будет побежден. Это — нечто вроде пушки, только длиннее и тоньше. Оно — пустое, и, наполнив порохом эту пустоту и вложив туда же кусок свинца величиною с финик, этот самострел разряжают с помощью запала из основания, и если он поражает кого-нибудь — тот должен погибнуть, ибо заряд входит с одной стороны и выходит с другой».

Естественно, что португальцам, давно уже освоившим огнестрельное оружие, нетрудно было одерживать победы над своими храбрыми, но плохо вооруженными противниками. Позднее, когда им пришлось столкнуться в Индийском океане с венецианско-египетским флотом, они принуждены были испытать и тяжелые поражения.

Но в Момбасе военно-техническое преимущество было целиком на стороне португальцев. Мощным залпам корабельной артиллерии д'Альмейды защитники города могли противопоставить лишь несколько неумелых выстрелов из устаревших бомбард. Во время уличных боев португальцы широко пользовались аркебузами[12]; большинство португальских воинов вело бой в доспехах. Все это обеспечило португальцам победу.

Ограбив и разорив Момбасу, д'Альмейда хотел немедленно отправиться в Индию. Но сначала противный ветер не позволил начать дальнейшее плавание, а потом произошла авария: «Лионарда» наскочила на камни и потеряла руль. Корабль удалось снять с камней, но, так как запасного руля не было, пришлось снова задержаться, пока изготовляли новый руль из запасных частей других судов армады.

Только 18 августа армада покинула Момбасу, взяв курс на Индию. Ветер был попутный, и 27 августа с кораблей увидели индийский берег.

Индийская служба

«Не трудно убедиться, что среди всех бедняков нет никого беднее солдата, так как он существует либо на ничтожное жалованье, которое вовсе не выплачивается или выплачивается с опозданием, либо на то, что награбит собственными руками с явной опасностью для своей жизни и совести!»

Мигель Сервантес, «Дон-Кихот».

Началась индийская жизнь Магеллана. Он все еще находился в тени: документы и хроники тех дней упоминают о нем чрезвычайно редко. Некоторые его биографы пытаются объяснить это исключительной скромностью Магеллана, действительно не любившего говорить о себе, а тем более подчеркивать свои заслуги. Но вряд ли эта черта его характера является причиной того, что деятельность Магеллана упорно замалчивалась во все время его службы за морем.

Вернее всего такое отношение к Магеллану объяснялось узкосословным, кастовым характером верхушки армии феодальной Португалии. Выходец из разорившейся семьи мелких дворян, уроженец далекой, затерянной в горах Траз-уж-Монтиш, Магеллан был чужаком среди родовитых и богатых военачальников.

Подобно Мигелю Сервантесу и Луижу Камоэншу, тоже обедневшим, мелким дворянам, он знал лишь труды и лишения. Слава же и награды доставались узкому кругу любимцев короля — влиятельным и знатным вельможам.

И все же каждый раз, когда в документах того времени встречается имя Фернандо Магеллана, всегда речь идет о смелом подвиге, благородном поступке или о проявлении редкой для того времени независимости и способности отстаивать свои мнения даже против таких людей, как д'Альмейда и прославленный полководец Аффонсо д'Альбукерк[13].

Аффонсо д'Альбукерк. Рисунок в португальской рукописи XVI века (Британский музей).

За годы индийской службы Фернандо Магеллан прошел тяжелую школу. Долгие месяцы дождливого сезона, когда непрерывный тропический дождь заливает наскоро сколоченные бараки, сухари покрываются плесенью, а огнестрельное оружие ржавчиной, ему приходилось сидеть в заброшенных крепостях индийского или африканского берега, чувствуя вокруг себя настороженный, молчаливый, враждебный город, жители которого ждут удобного часа, чтобы уничтожить непрошеных гостей.

Несколько раз, страдая от индийской лихорадки или от раны, полученной в бою, он подолгу лежал в переполненном походном госпитале, где вокруг умирали товарищи, а лекарь терял голову, не зная, как лечить незнакомые тропические болезни.

Пришлось ему изведать и немилость командира, когда он долгие дни томился от вынужденного безделья, а приближенные вице-короля презрительно усмехались ему в лицо и перешептывались за спиной.

На его долю выпала честь совершить несколько плаваний в морях, которые никогда до тех пор не посещали его

соотечественники. Вместе с товарищами он смело двигался по неизведанным путям, когда за каждым мысом или за излучиной берега мог открыться незнакомый город — достойная добыча для смелого воина, а может быть, и эскадра врагов, готовая уничтожить корабль дерзкого пришельца.

Но больше всего ему пришлось воевать. Он бился на узких улочках восточных городов, когда женщины и дети бросали с крыш камни и песок, лили кипящую воду или смолу, а мусульманские бойцы шли с песней в последний бой. Он участвовал в морских сражениях, когда два корабля, сцепившись острыми крючьями, превращаются в поле битвы, на палубах и в трюмах идет отчаянная резня и в море валятся сотни раненых и убитых.

Он был смелым солдатом, всегда сражался в первых рядах, неоднократно получал тяжелые раны. Впервые он был ранен в 1506 году в морском бою у Каннанора[14]. Уже тогда имя Магеллана становится известном португальским военачальникам в Индии. Но, воздавая должное мужеству, военному искусству и опыту Магеллана, португальские полководцы упорно держали в тени этого, чуждого им, молчаливого и скрытного человека. Только однажды, когда в декабре 1506 года вице-королю Индии понадобился опытный и смелый капитан, Аффонсо д'Альбукерк сообщил: «Только Фернао де Магальяеш, Луиж-Мендеж де Вашконселош и Перо де Фонсека годятся быть капитанами бригантины в Килоа».

Вскоре д'Альмейда послал Магеллана под начальством его друга Нуньо-Важ Перейра на африканский берег строить крепость Софалу.

«Золотая Софала» была самым южным поселением мусульман-работорговцев. Она славилась своими золотыми приисками. Еще король Жоао II через своего разведчика Перо де Ковильяма узнал о Софале и ее золотоносных землях. Ковильям, отправившийся на Восток в 1487 году, в отчете португальскому королю о своем путешествии совершенно точно наметил маршрут для тех португальских кораблей, которые будут искать путь в Индию. Он писал: «Корабли, которые поплывут мимо гвинейского берега, (несомненно могут достичь оконечности материка, плывя на юг, а когда они попадут в восточный океан, самым лучшим для них будет найти Софалу и остров Луны [Мадагаскар]».

Как известно, Васко да Гама последовал совету Ковильяма, — только он попал не в Софалу, а вышел к суше южнее.

Кабраль и Васко да Гама во время своего второго плавания постарались укрепить португальское влияние в Софале, но тогда властитель Софалы еще подчинялся эмиру Килоа. Теперь же,

когда эмир Килоа стал послушной игрушкой в руках португальцев, настала пора прибрать к рукам и Софалу.

В Софале Магеллан строил крепость, скупал у туземцев золото, разузнавал пути, по которым шла торговля с далекими областями, лежащими в глубине материка. В сентябре 1507 года из Португалии пришло судно с гарнизоном для Софалы, и Магеллан со своим другом и начальником Перейрой поплыли в Индию. Но в это время начались северо-западные муссоны, и корабль надолго застрял в Мозамбике.

Как и в большинстве других поселений восточного побережья Африки, в Мозамбике уже существовала португальская фактория, но жившие там португальцы были измучены тропической лихорадкой и дизентерией. Больные лежали вповалку. Пришлось первым делом строить госпиталь.

Магеллан и другие командиры сами ухаживали за больными. Гаспар Корреа пишет: «Они очень были заняты врачеванием больных, давали им много сладостей и сухарей, что им очень помогало».

Муссоны по-прежнему не выпускали корабль из гавани. Но Перейра, Магеллан и другие португальцы использовали вынужденную остановку в Мозамбике для постройки в этом городе небольшой крепости.

Магеллан много бродил по переулкам, среди белых домов, вдоль каменных оград, за которыми виднелись кокосовые пальмы, апельсиновые и померанцевые деревья или тянулись грядки дынь, арбузов, огурцов и перца. На окраинах были пасеки. Ульи помещались в пустых кокосовых орехах, подвешенных к пальмам.

В порту было шумно. У берега стояли большие гуджератские[15] корабли, на которых были опытные кормчие, применявшие компасы и карты. С одних кораблей выгружали хлопчатобумажные ткани, шелка, бусы и стеклянные фляжки из Ормуза[16]. Другие суда направлялись в Аравию, Персию и Индию. По узким, шатающимся сходням бежали черные носильщики со слоновыми клыками на плечах, с ящиками золотого песка, амбры и большими кругами воска. Под вечер на эти корабли сгоняли невольников, главным образом детей и женщин. Взрослых мужчин вывозили мало — их труднее было взять живыми, кроме того, из них не легко было сделать покорных рабов.

На песчаном берегу чинили самбуки — небольшие суда с навесом из пальмовых листьев. Самбуки строили без применения железа, подгоняя доску к доске и связывая накрепко кокосовыми веревками. Они служили для каботажного плавания и для

экспедиций охотников за рабами.

Однажды Магеллан и его товарищи отправились на материк закупить провизию. Португальцы ехали на конях по редкому лесу, местами переходившему в болото. Впереди на ослике ехал проводник. К вечеру добрались до негритянской деревни, расположенной в предгорьях. Вся деревня состояла из множества пещер, вырубленных в откосе. Одни пещеры служили жильем, в другие на ночь загоняли скот. Стемнело. Португальцы сели у костра. Негритянские воины собрались вокруг. Это были высокие, почти нагие люди. Их волосы были вымазаны глиной и сбиты в пышную прическу, лица украшены костями и палочками, вдетыми в отверстия на губах и ушах. Быстро началась мена. За бритву, колокольчик и рубашку португальцы выторговали пятнадцать коров, причем негры обязались доставить скот к проливу, отделяющему Мозамбик от материка.

Наконец, ветер изменил направление, и Перейра со своими товарищами поплыл в Индию.

В Кочине их ждали плохие вести о столкновении с египетским султаном и венецианцами и о гибели дом Лоренсо д'Альмейды.

Венецианцы с каждым годом убеждались, сколь пагубно для их торговли появление португальцев в Индийском океане. Венецианские корабли то и дело возвращались без груза пряностей, в то время как из индийских городов в Лиссабон прибывали многочисленные суда португальцев, нагруженные восточными товарами. «И теперь все убедились, всем стало ясно, — отмечает Джироламо Приули, — что отныне это путешествие в Индию установилось и что каждый год будут прибывать оттуда португальские караваны; венецианские же купцы не смогут плавать в Сирию, так как они не в состоянии будут закупать там пряности, ибо все они будут скупаться еще в Индии португальцами».

Но венецианцы не сдавались без борьбы, так как для республики торговля с Левантом была вопросом жизни и смерти. Ни религиозная рознь, ни папские запреты не помешали венецианцам объединиться с египетскими мусульманами для совместной борьбы против португальцев.

Египетский султан при деятельной помощи венецианцев, доставивших ему корабельный лес из Далмации, пушки, порох и опытных пушкарей, кормчих и кораблестроителей, снарядил мощный флот и послал его к берегам Индии под командой Мир-Хуссейна. В Индии египтяне получили подкрепление от властителей Гоа и Каликута[17] и напали на дом Лоренсо

недалеко от города Чаул[18]. На этот раз противниками португальцев были первоклассные солдаты и моряки — венецианцы и египтяне. Несмотря на отчаянное сопротивление, португальцы были разбиты, а дом Лоренсо убит.

Казалось, старый вице-король спокойно перенес известие о гибели любимого сына. Когда капитаны стали его утешать, он сухо ответил, что скорбь — удел женщин. Но, с гибелью сына, в душе старого д'Альмейды произошел перелом. Он не думал более ни о нуждах португальских владений в Индии, ни о будущем Португалии. Им всецело завладела мысль о мщении. Он подготовлял войска, снаряжал корабль, готовил припасы для решительного боя с Мир-Хуссейном.

Этот бой произошел 2 и 3 февраля 1509 года недалеко от города Диу[19]. На египетских кораблях было много превосходных воинов — мамелюков, венецианцев и славян из Далмации. Вице-король решил сам сразиться в абордажном бою с флагманским кораблем врагов. Но после долгих просьб командиров он уступил эту честь Нуньо-Важ Перейре. На корабле Перейры «Сан-Эспириту» находился Магеллан. «Сан-Эспириту» и другой португальский корабль подошли к флагманскому кораблю Мир-Хуссейна и с двух сторон взяли его на абордаж. Начался рукопашный бой.

Мигель Сервантес так описал одно из подобных сражений:

«…Две галеры сцепляются на абордаж, напирают и теснят одна другую… солдатам приходится стоять на доске сходен шириной в два фута; прямо на них наведены неприятельские пушки — слуги смерти, грозящие гибелью; жерла их — на расстоянии копья, каждый неосторожный шаг может отправить сражающихся в глубокое лоно Нептуна; и, несмотря на все это, побуждаемые чувством чести, они выставляют свою грудь против огнестрельных орудий и устремляются по узкой доске на вражеский корабль. Но вот что особенно достойно удивления: лишь только один упадет туда, откуда не подняться ему до окончания века, как другой уже занимает его место; один упадет в волны, подстерегающие его, как врага, а новые и новые заменяют его, и не хватает времени заметить их гибель. Поистине большего мужества и отваги не найти вам среди всех ужасов войны!»[20]

Магеллан в самом начале боя ворвался на вражеский корабль и бился в первых рядах. Португальцы стали одолевать своих врагов. После ожесточенного боя флагманское судно было захвачено.

Во флоте Мир-Хуссейна не было единства. Египтяне не очень доверяли своим христианским союзникам, а полководцы

индусских владык опасались усиления египтян в Индийском океане. Поэтому гибель флагманского судна решила исход морского боя под Диу. Каждый думал теперь о своем опасении. Началась бойня. Португальская артиллерия топила и поджигала корабли и уничтожала воинов Мир-Хуссейна. Более трех тысяч человек перебили португальцы в бою под Диу. Из восьмисот мамелюков спаслись всего двадцать два человека.

Понесли значительные потери и португальцы. Нуньо-Важ Перейра был убит стрелой, пронзившей ему горло. Раненых насчитывалось очень много. Был ранен вновь и Фернандо Магеллан.

Морской бой под Диу решил судьбу индийской торговли Венеции и Египта. Отныне венецианцы и египтяне не решались оспаривать у Португалии господство над Индийским океаном. Экономический и политический упадок Венеции и Египта был теперь лишь вопросом времени.

Магеллан и другие раненые в морском бою при Диу были увезены в Кочин[21]. Туда же прибыл веселый и, казалось, помолодевший д'Альмейда. Он был увлечен новыми планами. Но на сцене появился Аффонсо д'Альбукерк и предъявил свои права на титул вице-короля. Трехлетний срок, на который был назначен д'Альмейда вице-королем, кончился, а преемником д'Альмейды, согласно указу Маноэля, являлся д'Альбукерк.

Но португальский историк того времени Фариа-и-Суза[22] недаром писал: «Португальские чиновники и их должности подобны душе и телу: их нельзя разлучить без агонии».

Д'Альмейда отказался подчиниться приказу короля. Он заявил: «Д'Альбукерк болен, но эту болезнь нельзя лечить лекарственными травами и мазями. Осталось одно средство — холодное оружие, ибо болезнь его — это измена. Король не знает, что делает: он отдает Индию безумцу, который ввергнет ее в пучину».

Д'Альмейда арестовал д'Альбукерка и его сторонников. Между двумя полководцами началась длительная борьба.

Весной 1509 года Кочин посетила эскадра Диого-Лопеж Секейры. Король Маноэль дал этому командиру очень путаную инструкцию. Секейра должен был побывать в Софале, забрать там золото, скопленное в португальской фактории, потом исследовать незадолго до того открытый остров Мадагаскар. После этого Секейра был обязан плыть в моря, расположенные к востоку от Цейлона, чтобы разведать области, лежащие вокруг Малакки, и побольше разузнать о Китае.

Диого-Лопеж Секейра. Рисунок в португальской рукописи XVI века (Британский музей).

Магеллану давно наскучили закулисная борьба, склоки и интриги, разделявшие португальскую колонию в Кочине на два враждебных лагеря. Он попросил у вице-короля разрешения отправиться в плавание с Секейрой. Примеру Магеллана последовали многие недовольные, в числе их его друг Франсиско Серрао.

Д'Альмейда охотно удовлетворил просьбу Магеллана и других командиров, найдя повод избавиться от большой группы недовольных. Про одного из них, Нуньо-Важ де Кастеллобранко, летописец Баррош[23] прямо пишет, что д'Альмейда отпустил его с Секейрой «из-за разногласий, существовавших между ним и вице-королем».

Недовольных оказалось много, и д'Альмейде пришлось снарядить целый корабль под командой Гарсиа-и-Суза. В казне Кочина денег не было, уезжавшим платили жалованье натурой. Сохранилась собственноручная расписка Фернандо Магеллана, выданная альмораксифу, то есть начальнику рынка Кочина, в том, что он, Магеллан, получил 30 июля 1509 года «двадцать мер пшеницы вместо жалованья».

19 августа 1509 года четыре корабля Секейры и вспомогательная барка — тафореа — вышли в море и поплыли к югу на поиски новых земель.

По неведомым морям

«Так плывут они на кораблях к другим островам, разбросанным по всему морю…»

Глава о Малакке из книги Дуарте Барбоса «Описание Восточно-Африканского и Малабарского берегов».

Посоветовавшись с опытными людьми, Секейра решил нарушить инструкцию короля и плыть на восток, не заходя в Софалу и на Мадагаскар. Он понял, что в восточные моря надо плыть со свежими силами, на крепких, еще не истрепанных бурями кораблях.

Пройдя вдоль индийского берега, армада Секейры обогнула Цейлон.

Далее начинались моря, куда еще никогда не заплывали португальские корабли.

Но Секейра и его кормчие кое-что знали об этих краях. Еще в 1506 гаду к португальскому военачальнику в Каннаноре, дом Лоренсо д'Альмейде, явился некий Людовико ди Варгема. Это был типичный авантюрист, один из тех бесчисленных искателей приключений, которыми славился этот век открытий.

Выдавая себя за врача-мусульманина, Вартема много лет странствовал по Востоку — от Афганистана до Абиссинии, от Дамаска и Мекки до Малакки. Он первым из европейцев побывал на Молуккских островах и сообщил множество драгоценнейших сведений о землях, лежащих к востоку от Цейлона, и о торговле пряностями.

Кроме ди Вартема, Секейра взял с собой индусских кормчих и карты, составленные индусскими мореходами. Это избавило его от ненужных странствований по незнакомым морям. Прямо от берегов Цейлона флот взял курс на северо-западную оконечность Суматры.

Армада подошла к городу Педир на берегу Суматры.

Магеллан жил теперь новой жизнью. Работа открывателя новых стран увлекала его. За каждым поворотом берега в туманной дали ему чудились сказочные страны. Магеллан с жадностью расспрашивал индусских кормчих; по отрывочным записям старинных путешественников, по рассказам Людовико ди Вартема пытался он представить себе облик этих новых стран.

Перед отъездом из Португалии Секейра захватил с собой много книг о путешествиях. Фернандо охотно пользовался ими и среди них, конечно, нашел записки Марко Поло, который проезжал в этих местах в конце XIII века.

«Остров этот не так-то мал, — пишет Марко Поло, — в округе более двух тысяч миль… Богатств и всяких дорогих пряностей тут много: есть и алойное дерево, и такие пряности, какие в наши страны не заходят… Много здесь бразильского дерева, камфоры… Родится здесь самая лучшая камфора *фансури*, продается она на вес золота…

В этом королевстве есть мука, добываемая из особых больших и толстых деревьев… Кора у них тонкая, а внутри одна мука; из нее делают вкусное тесто. Много раз мы ее пробовали и ели…

Во всех этих лесах, скажу вам, большие и дорогие деревья. Есть у них красное дерево, сандаловое, индийские орехи, гвоздика, бразильское дерево и множество других хороших деревьев…»

Но в этой замечательной стране, по словам Марко Поло, живут кровожадные люди: «Едят они человеческое мясо… никакого закона у них нет… Прожили мы здесь пять месяцев вот как… построили крепости из леса, там и жили, потому что боялись этих злых людей; жрут они людей, как звери».

Видел Фернандо и записки другого венецианца, Никколо Конти, бродившего в начале XV века по Востоку целых двадцать пять лет. В 1441 году он явился к папе римскому и рассказал о своих странствованиях. Его рассказ записал секретарь папы Поджо Браччолини. Португальцы, искавшие по всей Европе записки путешественников, побывавших на Востоке, поспешили перевести его книгу на португальский язык. Рассказ Никколо Конти подтверждает то, что более ста лет до него рассказал Марко Поло:

«…На этом острове произрастает перец, который больше обыкновенного, а также длинный перец, камфора. Здесь также добывается в изобилии золото… жители одной части острова, называющейся Батех, едят человеческое мясо и всегда воюют со своими соседями. Человеческие головы они сохраняют в качестве ценного имущества: убивая врагов, они отрезают голову и, съев мясо, сохраняют череп и употребляют его вместо денег. Когда они хотят купить что-нибудь, они дают в обмен одну или больше голов, в зависимости от стоимости товара, и тот, у кого в доме больше голов, считается самым богатым».

Магеллан вспоминал рассказы Людовико ди Вартема. Вартема говорил, что в Педире много золота, но предупреждал, что жители Суматры — людоеды и грабители. По его словам, им

ничего не стоит убить человека. Покупая новый нож или кинжал, они будто бы пробуют его на первом встречном.

Но, несмотря да все эти предостережения, в Педире дело обошлось мирно: арабские и малайские купцы оказались людьми, сведущими в вопросах торговли. Для них появление португальцев было выгодным, ибо купцы из индийских портов и китайцы были хозяевами рынка пряностей и драгоценных камней и могли назначать любые, самые низкие цены. Купцы суматрийских городов думали, что на соперничестве между старыми покупателями и новыми — португальцами — можно будет нажить большие барыши.

Секейра заключил с раджой Педира договор о дружбе и торговле, и армада пошла на восток, в город Пасем, лежащий также на берегу Суматры. Заключив и там договор, португальцы отправились дальше.

Теперь корабли плыли вдоль лесистого берега Суматры, среди бесчисленных островов и островков, покрытых тропическим лесом. Днем стояла жара, а к вечеру, когда огромные стаи летучих собак проносились над кораблем, спеша на ночлег к берегу, появлялся легкий ветер. Он приносил запах цветов, свежей зелени и сырости. Иногда в лесу виднелся одинокий огонек.

Корабли шли медленно, путь был незнаком, а индусские карты неточны и малопонятны, — положиться же на индусских кормчих было опасно. Эскадра приближалась к Малакке — городу, прославленному на всем Востоке.

Вот что говорит один из португальских летописцев, сын Аффонсо д'Альбукерка, о Малакке:

«Гавань Малакки совершенно безопасна, там не бывает штормов, и никогда еще корабль не погибал там. В этом месте одни муссоны начинаются, а другие кончаются, так что жители Малакки называют жителей Индии людьми Запада, а яванцев, китайцев и жителей Горес[24] людьми Востока. И так как Малакка расположена в центре, те, кто плывет с востока на запад, находят здесь западные товары и увозят их, оставляя взамен те, что привезли с собой, и так же поступают те, кто приезжает с запада.

Благодаря этому Малакка так выросла. Прежде она была лишь окраиной города Пасе. Ныне Пасе не больше, как окраина Малакки, ибо большинство мавров, живших в Пасе, переселилось туда.

Каждый год в Малакку прибывают суда из Камбая[25], Чаула, Дабула[26], Каликута, Адена[27], Мекки, Шехра[28], Джидды[29], Короманделя[30] и Бенгалии, Китая, Явы, страны Горес, из Пегу[31] и из всех близких гаваней. Но из Сиама корабли с товарами не

приходят в Малакку, ибо сиамцы всегда воюют с малайцами.

Сведения, полученные мною о делах Малакки, убедили меня, что, если бы был другой мир и другой годный для мореплавания путь, все равно все бы сходились в этот город — там они найдут все сорта пряностей и снадобий, существующих на свете, ибо гавань Малакки более благоприятно расположена по отношению к муссонам, дующим от мыса Коморин[32] на восток, нежели какая-либо иная гавань в тех краях».

Итак, корабли Секейры приближались к воротам Дальнего Востока, к крупнейшему торговому городу всей Юго-Восточной Азии.

Португальцы уже захватили контроль над морскими путями, идущими от Индии на запад. Обладание Малаккой завершило бы делю. Тогда весь Индийский океан оказался бы во власти португальцев.

Но завоевания не входили в задачу Секейры. Ему даже запрещалось обострять отношения с туземцами. Секейра должен лишь разведать пути, ведущие от Цейлона к Малакке, и познакомиться с положением дел в Малакке.

Поэтому перед тем, как армада подошла к Малакке, Секейра собрал всех командиров и объявил, что запрещает обижать местных жителей и приказывает обращаться с туземцами как можно приветливее.

«Еще раз говорю вам, — добавил он, — помните: мы не завоеватели сейчас, а разведчики. Когда-нибудь мы придем сюда с мощной армадой и тогда будем говорить с ними по-иному. А сейчас остерегайтесь необдуманным словом или делом вызвать раздражение местных жителей…»

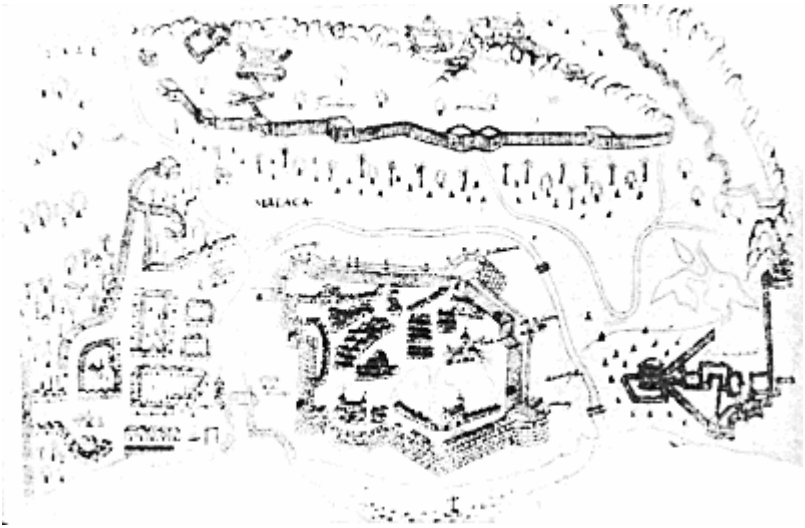
11 сентября 1509 года армада Секейры подошла к Малакке. Был час заката. Дневная жара спадала., легкий ветер дул к берегу. Косые солнечные лучи освещали множество кораблей в бухте. Тут были громадные китайские джонки с четырехугольными парусами из циновок, раскрашенные в яркие цвета — синий и белый, красный и зеленый, черный и желтый. На носах у них виднелись огромные глаза: китайские мореходы думали, что без глаз судно не будет знать дороги и налетит на камни. Остроносые ладьи, пришедшие с Явы или с дальних островов, покачивались на волнах вперемежку с маленькими рыбачьими лодками.

Город круто спускался к берегу; множество крытых пальмовыми листьями домов в беспорядке раскинулось на холме. Вокруг темнел лес. Было время ужина, и повсюду — на кормах кораблей, на песчаном берегу и у порогов домов — загорались костры.

Тонкие струи синего дыма поднимались и таяли в вечернем

воздухе.

Так вот она Малакка — столица Дальней Индии, преддверие морей, омывающих Китай, острова пряностей и другие неведомые земли!



План города Малакки. Рисунок в португальской рукописи XVI века. (Британский музей).

Сначала появление португальцев в гавани Малакки вызвало панику. Туземцы схватились за оружие, купеческие корабли начали втихомолку уходить в море. Но Секейра послал на берег переводчика, которому было велено передать, что пришельцы — люди мирные и просят лишь разрешения торговать в Малакке. Султан Малакки всю ночь совещался со своими вельможами, с доверенными арабскими купцами, а наутро послал Секейре подарки и велел передать, что рад гостю и просит его торговать в городе Малакке спокойно и безбоязненно.

Казалось, все шло хорошо, и Секейра, убаюканный ласковыми словами султана и его приближенных, забыл о всякой осторожности. Один летописец говорит, что Секейра вел себя так, как будто бы его корабли стояли на лиссабонском рейде. Он охотно отпускал своих подчиненных на берег и позволял туземцам посещать корабли.

Между тем Ахмед, султан Малакки, и его арабские советники готовились внезапно напасть на португальцев и, истребив их, захватить корабли. Португальские историки объясняют это вероломством султана и мавров, но дошедшая до нас малайская летопись «Hikâyat Hang Tûah» объясняет все по-иному.

Малайская хроника сообщает, что с первого дня своего появления в Малакке португальцы начали оскорблять гостеприимных туземцев Они прибегали будто бы к тому же

коварному приему, которым, по славам Вергилия, пользовался Эней. Купив у султана клочок земли в Малакке, величиною с бычью шкуру, они будто бы, взяв бычью шкуру, разрезали ее на тонкие ремни, связали их и, оцепив этими ремнями большой участок земли, объявили его своей собственностью и начали возводить там мощную крепость, угрожавшую всему городу.

Султан Ахмед пригласил португальцев на пиршество, надеясь напоить их допьяна и потом перебить. Но даже доверчивый Секейра отказался, почувствовав ловушку. Тогда султан пошел на другую хитрость. Он послал сообщить португальскому командиру, что, если он хочет еще в этом году вернуться в Индию, он должен ускорить погрузку пряностей, а то скоро муссоны переменятся, и тогда корабли португальцев надолго застрянут в Малакке. Со своей стороны, он, султан, готов помочь португальцам, предоставив им множество грузчиков, если Секейра пошлет к месту погрузки все свои лодки и как можно больше людей.

Гарсиа-и-Суза, Магеллан, Серрао и другие португальцы, присоединившиеся к Секейре в Индии, предупреждали его, что в воздухе пахнет предательством. Ссылаясь на свой индийский опыт, они просили командира не распылять сил, посылая людей на берег, а, прекратив погрузку, готовиться к бою.

В эту ночь к кораблю Гарсиа-и-Суза подъехала маленькая лодка. Вахтенный окликнул ее. В ответ женский голос произнес имя Франсиско Серрао. Вахтенный хотел было прогнать непрошенную гостью, но женщина молила, чтобы ее выслушали. Тогда доложили командиру. Гарсиа-и-Суза велел позвать ее к себе и разбудил Серрао и Магеллана. Это была яванка — возлюбленная Серрао, с которой веселый португалец познакомился на другой день по приезде в Малакку. Яванка рассказала, что приехала предупредить Франсиско и его товарищей: завтра на них нападут и всех истребят.

— А что послужит сигналом к нападению? — спросил командир.

Этого яванка не знала, но вновь повторила, что на берегу уже все готово к нападению, расставлены бойцы и им роздано оружие.

Гарсиа-и-Суза приказал спрятать яванку где-нибудь на корабле, а сам немедленно отправился на лодке к командиру армады и заявил ему, что нападение назначено на завтра и что надо, не теряя времени, готовиться к отпору.

Но Секейра ничего не слушал. Успех плавания вскружил ему голову. Он был опьянен алчностью: никогда еще португальцы не покупали по такой дешевой цене пряностей; он предвидел огромные барыши и оставался глух ко всем предупреждениям.

Наутро командир приказал отправить почти все лодки на берег. Франсиско Серрао руководил погрузкой на берегу. С каждым часом все яснее становилось ему, что близко время, намеченное султаном для нападения на португальцев. Правда, носильщики работали, как всегда, ловко и быстро — груда мешков с перцем, камфорой и кардамоном все время возрастала, и лодки не успевали переправлять товар на корабли. Но всюду чувствовалось напряженное ожидание чего-то. Исчезли нагие ребятишки, еще вчера толпившиеся у лодок и мешавшие работать. В толпе, молча смотревшей за погрузкой, почти не было женщин.

Все как будто ждали сигнала. Сигнал мог быть дан каждое мгновенье, но никто из португальцев не знал, как и когда он будет дан. Поэтому Серрао решил ждать и делать вид, что ничего не замечает. Он поставил вокруг караулы и продолжал погрузку.

Фернандо Магеллан остался на корабле. Он тоже чувствовал, что делю неладно. По обыкновению, с утра нахлынули посетители с берега. Но торговцев среди них было мало. Все это были рослые молчаливые люди. Все были вооружены копьями и узорчатыми кривыми крисами — смазанными ядом кинжалами, на которых было выгравировано изображение змеи.

Утренние часы тянулись томительно долго. Наконец, Гарсиа-и-Суза не выдержал. Он велел выгнать с корабля всех гостей и послал Магеллана на последней оставшейся на корабле лодке к командиру армады.

Магеллан нашел командира в каюте. Секейра играл в шахматы с малайским вождем. Вокруг стояли малайцы.

Не повышая голоса, Магеллан сказал:

— Командир, все готово к нападению, на берегу наших окружают вооруженные люди, на кораблях полно малайцев, готовых к бою. Даже вы окружены врагами.

Секейра, наконец, понял, какую рискованную партию в шахматы он играл. Однако он сохранил присутствие духа. Не отрывая глаз от шахматной доски, он спокойно и весело сказал Магеллану:

— Спасибо, Фернандо. Поднимитесь наверх и пошлите на мачту матроса. Дайте ему молоток, пусть он делает вид, что чинит что-нибудь. Если он увидит, что на берегу что-то случилось, пусть крикнет мне. А вы возьмите нескольких людей и спешите на помощь к Серрао. Может быть, есть еще время спасти его.

Магеллан поднялся на палубу и послал на мачту матроса. Тот взглянул на берег. Серрао и несколько португальцев пробивали себе путь к берегу сквозь толпу врагов. Один из португальцев

упал. Очевидно, те, кто был вокруг Серрао, не дождались сигнала и напали на португальцев преждевременно.

— Измена! — крикнул матрос.

Магеллан заглянул в окно каюты. Один из малайцев, стоявший позади Секейры, наполовину вытащил из ножен крис и, ожидая сигнала, смотрел на своего предводителя.

— Измена, спасайте командира! — крикнул Магеллан.

Португальцы бросились к каюте. Магеллан еще раз заглянул в окно. Секейра, защитив грудь от ударов шахматным столиком, размахивал мечом. Человек с кинжалом в руках валялся у его ног, а в дверь вбегали португальцы.

Магеллан прыгнул в лодку. Он торопил гребцов, и лодка стрелой понеслась к берегу, разрезая волну.

В этот момент был дан сигнал. С малаккской крепости послышались выстрелы из бомбард. Тотчас же на всем берегу раздались крики и выстрелы. Малайцы со всех сторон напали на португальцев. С корабля до Магеллана доносились крики: то Секейра очищал от врагов палубу. Но Магеллан больше не оглядывался. Наконец, лодка врезалась в песок, и Магеллан, выскочив на берег, кинулся в бой. За ним бросились гребцы, оставив двух человек охранять лодку. С трудом пробились они к Серрао и его товарищам.

Магеллан и Серрао сражались плечо к плечу, медленно отступая к берегу. Пока люди Серрао достигли лодки, друзья прикрывали тыл и вскочили в нее уже на ходу.

Так Магеллан в первый раз спас жизнь своему другу Франсиско Серрао.

Когда лодка была на полпути к кораблям, раздались залпы португальской артиллерии: Секейра и другие командиры громили целую флотилию лодок, которую султан послал к кораблям, надеясь захватить их врасплох во время растерянности, вызванной нападением на берегу. В заливе виднелись другие лодки португальцев, которым удалось выбраться да города и спастись.

Все же в этот день погибло шестьдесят португальцев. Кроме того, малайцы захватили в плен начальника португальской фактории и двадцать португальцев.

О мщении не могло быть и речи. На своих четырех кораблях Секейра не рисковал бороться против одного из наиболее укрепленных портов Азии. Пришлось уходить, оставив пленных португальцев на произвол судьбы.

Несмотря на неудачу под Малаккой, плавание Секейры дало португальцам очень много. Впервые познакомились они с обширным водным бассейном, раскинувшимся к востоку от

Цейлона, впервые побывали в крупнейшем торговом центре Юго-Восточной Азии, Малакке, впервые получили сколько-нибудь достоверные сведения о странах, лежащих еще дальше на восток, за Малаккским проливом.

Несомненно, что участие Фернандо Магеллана в плавании очень способствовало его успешному исходу. Даже враждебно относящийся к Магеллану летописец Баррош говорит: «Благодаря участию этих двух людей — Магеллана и Серрао — экспедиция Секейры и следующие за ней принесли очень большую пользу».

На обратном пути Секейра уже занимался пиратством не стесняясь. Он нападал на купеческие суда, ловил в море одинокие лодки.

Туземные корабли Малайского архипелага в конце XVI века. Гравюра 1598 года.

Однажды португальский корабль, на котором плыл Серрао, вступил в абордажный бой с арабским судном. Но португальцы не рассчитали своих сил. Арабы стали одолевать их. Серрао и товарищи стали звать на помощь. Тогда Магеллан поспешил на тафореа к месту боя. Барка подошла к вражескому кораблю с другой стороны. Мавры, зажатые с двух сторон португальскими кораблями, были побеждены. Так Магеллан во второй раз спас жизнь Франсиско Серрао.

В январе 1510 года вся армада Секейры, исключая корабль, который пришлось сжечь, так как, получив пробоину, он отставал и задерживал всю эскадру[33], подошла к берегам Индии. Здесь Секейра разделил эскадру: сам он с двумя кораблями поплыл в Европу, не заходя в Индию, а третий корабль, где был Магеллан, и тафореа поплыли в Кочин.

В Кочине полновластно правил д’Альбукерк.

После долгих препирательств д’Альмейда принужден был уступить власть и покинуть порт. На пути в Европу д’Альмейда остановился у мыса Доброй Надежды, чтобы запастись водой. Здесь у португальцев произошло столкновение с готтентотами, после чего была организована карательная экспедиция в негритянское селение.

Эта экспедиция кончилась позорным разгромом португальцев. Готтентоты заманили их в горы и истребили весь отряд. Под ударами деревянных копий готтентотов погиб и первый вице-король Индии — прославленный Франсиско Д’Альмейда.

Под знаменами д’Альбукерка

«Дом Аффонсо д’Альбукерк был прозван великим из-за своих героических дел, ибо он преисполнил Европу восхищением, а Азию ужасом и трепетом…»

«Комментарии о великом Аффонсо д’Альбукерке».

Вскоре после приезда в Кочин Магеллан решил вернуться на родину. Годы индийской службы многому научили его. Он знал теперь, что ему, бедному провинциальному дворянину, лишенному влиятельных покровителей, нечего и рассчитывать на успех в Индии. Несмотря на все свое мужество, несмотря на ранения и подвиги, он всегда останется на вторых и третьих ролях.

В это время в Индии снарядили три корабля для отправки в Португалию пряностей. Магеллан занял место на одном из этих кораблей. Но на этот раз ему не суждено было попасть домой.

Безлунной ночью эскадра шла мимо рифов Падуа, находящихся недалеко от индийского берега, в ста милях от Каннанора. Передний корабль благополучно миновал опасное место, но два других наскочили на камни. На одном из этих кораблей был Магеллан.

Головной корабль ушел далеко вперед, и потерпевшие крушение не могли дать знать о себе. Корабли крепко застряли на камнях. Вода стала заливать трюмы.

Когда рассвело, моряки увидели вдали маленькую отмель. Они переправили туда на шлюпках все, что могли спасти: драгоценности, оружие, часть пряностей. Волны быстро разрушали застрявшие на камнях суда, и скоро всем пришлось перебраться на отмель.

Отмель — узкая низкая полоса мокрого песка — на полметра возвышалась над водой. Все сгрудились в середине — там, куда не добиралась волна. Надо было искать пути к спасению.

Командиры быстро нашли выход: все знатные португальцы, все командиры, взяв с собой самое ценное имущество, отправятся на лодках к берегу, а матросы и солдаты останутся на отмели и будут ждать, пока с берега за ними пришлют судно.

Это решение вполне соответствовало существовавшим тогда в Португалии отношениям между знатными дворянами —

командирами — и простолюдинами — матросами и солдатами.

Командиры объявили о своем решений. Наступило молчание. Тогда Магеллан шагнул вперед и заявил, что остается с матросами. Он взял с уезжавших командиров клятву, что они при первой возможности пришлют помощь.

Шлюпки ушли. Магеллан и его товарищи остались на узкой отмели. Вскоре португальцев стала мучить жажда. Солнце палило все сильнее и сильнее. Магеллан приказал устроить из ящиков и досок навесы и положить в тень всех, кто сильно ослабел. Он влез на груду ящиков и всматривался вдаль — туда, откуда могла прийти помощь. Но сверкавшее под лучами солнца море было пустынно. Так прошло несколько часов. Наконец, от нестерпимого блеска у Магеллана в голове зашумело, в глазах замелькали яркие круги. Командир спустился вниз и сел на мокрый песок. Тотчас его место на ящиках занял другой наблюдатель.

Прошел день, солнце зашло, жара спала. Но измученные люди, казалось, не чувствовали облегчения.

Настала ночь. Многие бредили и жалобно просили пить.

Магеллан не спал. Взошло солнце второго дня. Моряки уже подумывали о постройке плота, когда Магеллан, стоявший на ящиках, тихо сказал: «Парус».

Это была каравелла, посланная на выручку из Каннанора.

Благородный поступок Магеллана произвел большое впечатление. В те времена казалось необычайным, чтобы португальский командир рисковал своей жизнью для спасения рядовых бойцов — матросов и солдат. Даже португальские летописцы, которые вообще относятся к Магеллану враждебно, сочли нужным упомянуть о героическом поведении его во время кораблекрушения у рифов Падуа.

Вскоре Магеллан совершил еще один поступок, вызвавший среди португальцев в Индии не меньшее удивление.

Прежний вице-король Индии д'Альмейда полагал, что раньше всего нужно захватить в свои руки контроль над морскими путями в Индийском океане. Он считал, что для этого достаточно создать мощный морской флот. Территориальным захватам он не придавал большого значения. Он писал королю Маноэлю: «Морское могущество превыше всего. Избегайте захвата новых земель, не стройте новых крепостей, кроме тех случаев, когда это совершенно необходимо для защиты ваших факторий от внезапного нападения. Мы не можем тратить на это наших моряков».

Совсем иной точки зрения держался Аффонсо д'Альбукерк. Первый из европейских государственных деятелей, он выдвинул

идею создания колониальной империи. Он полагал, что, только захватив несколько опорных пунктов, португальцы могут закрепить за собой контроль над индийской торговлей и упрочить свое могущество в водах Индийского океана. Он строил планы захвата Адена и Ормуза — городов, через которые шла торговля Индии с Египтом и Персией, одного из крупнейших портов Индии — Гоа и, наконец, Малакки. Д'Альбукерк считал, что, завладев пунктами, контролирующими выходы из Индийского океана, — мысом Доброй Надежды, Аденом, Ормузом и Малаккой — и обладая базой в Индии — городом Гоа, португальцы будут непобедимы.

Пока у власти был д'Альмейда, д'Альбукерк не мог развернуть свою завоевательную программу. Но, став вице-королем Индии, он приступил к осуществлению своих заветных планов.

Прежде всего он направил удар против Гоа. Разногласия среди правителей этого города дали д'Альбукерку возможность внезапно захватить город. Но повелитель Гоа Адиль-Хан, собрав большую армию, осадил португальский гарнизон в Гоа и принудил его покинуть город.

Побывав в Гоа, д'Альбукерк окончательно убедился, что захват этого города — необходимое звено в его завоевательных планах.

Он писал португальскому королю: «В Кочине нельзя срезать ветки без разрешения раджи. Если один из моих людей откажется заплатить на базаре требуемую цену или затронет мусульманскую женщину, форт подвергается осаде. В Кочине лишние пятьсот человек вызывают голод. Там нет ни мяса, ни рыбы, а куры слишком дороги.

В Гоа множество говядины, рыбы, хлеба и овощей, и лишние две тысячи человек никак не отразятся на снабжении города. В Гоа есть пушкари, оружейники, столяры — все, что нам нужно».

Решив во что бы то ни стало овладеть Гоа, д'Альбукерк собрал мощную армаду. Он потребовал даже, чтобы в походе на Гоа приняли участие торговые корабли, пришедшие в Индию за пряностями. 10 августа 1510 года д'Альбукерк созвал по этому поводу военный совет командиров, купцов и капитанов кораблей, стоявших в Кочине. До нас дошел протокол этого совета. В длинном списке участников упоминается и Магеллан. В противоположность остальным командирам, принимавшим участие в совете, против имени Магеллана не указано ни должности, ни звания, но зато подчеркнуто, как резко выступил Магеллан против проекта д'Альбукерка. Протокол военного совета гласит: «Фернао де Магальяеш сказал, что, по его мнению,

капитан-командир не должен брать в Гоа торговые суда, потому что тогда они не смогут в этом году уйти в Португалию. Уже близко 12 октября, а это значит, что, если даже плыть самой короткой дорогой, не заходя ни в Каннанор, ни в какой другой порт, ранее 8 ноября невозможно довести флот до Гоа, ибо ветры ныне противные. Теперь относительно команды: пусть его светлость скажет, будет ли хорошо, если и они должны будут плыть туда? Ему [Магеллану] кажется, что их брать не стоит, ибо тогда у них не хватит времени ни потратить деньги, ни сделать все необходимое для плавания. И это сказал Фернао Магальяеш».

Д'Альбукерк поступил, конечно, по-своему, и купеческие суда, которые он заставил повести к стенам Гоа, не успели вовремя отплыть в Португалию. Магеллан оказался прав, но д'Альбукерк не простил ему этого. В страшном уличном бою в Гоа Магеллан, как всегда, сражался в первых рядах, но не получил никакой награды, ибо д'Альбукерк не забыл кочинского военного совета.

Поведение Магеллана на этом совете свидетельствует не только о том, что он превосходно знал режим ветров в западной части Индийского океана, но и о том, что он хорошо понимал нужды торговли.

Некоторые биографы считают, что Магеллан сам был в какой-то степени заинтересован в торговых делах.

Основанием для такого утверждения послужило его выступление в защиту купцов на военном совете в Кочине, а также сохранившийся до наших дней договор, заключенный Магелланом 2 октября 1510 года (то есть за восемь дней до созванного д'Альбукерком военного совета) с неким португальским купцом Педро-Аннеш Абральдежем. Согласно договору, Магеллан давал этому купцу деньги на покупку перца, а в Португалии Абральдеж должен был вернуть ему часть вырученной прибыли.

Подобный договор был довольно обычным явлением. Португальские воины имели право ежегодно отправлять бесплатно на родину определенное количество товаров на королевских судах. Это право они обычно перепродавали купцам. Судя по всему, Магеллан поступил так же. Кроме того, он доверил Абральдежу свои индийские сбережения, что также практиковалось среди португальских моряков.

Но одна фраза договора представляет большой интерес. Магеллан назван там «*человеком, который вел дела с купцами Кочина*». На основании этих слов биографы Магеллана полагают, что, отправляясь на родину после возвращения из Малакки, он получил увольнение со службы и, оставшись после

кораблекрушения в Индии, не возобновил контракта, а занялся торговыми делами. Это соображение биографов Магеллана не подтверждается обстоятельствами его дальнейшей жизни. Магеллан и позже принимал участие во многих походах д'Альбукерка. Далее, вернулся он на родину бедняком и ни в какие коммерческие предприятия не вступал. Однако несомненно, что в последние годы своего пребывания в Индии Магеллан не только заинтересовался работой открывателя новых стран, но приобрел очень большие познания в торговых делах. Он знал цену пряностям там, где они произрастают, и размеры накидок в пути, прекрасно разбирался в сложных и запутанных вопросах денежных курсов того времени и хорошо изучил те каналы, по которым двигались потоки товаров на запад. Все это очень пригодилось ему потом, во время переговоров с чиновниками испанского короля.

Итак, о последних годах индийской жизни Магеллана известно сравнительно мало. Несмотря на то, что Магеллан еще несколько лет провел в Индии, служил под знаменами д'Альбукерка и совершал боевые подвиги, имя его почти не встречается в документах той эпохи.

Овладев Гоа, д'Альбукерк спокойно и методично вырезал все мусульманское население города. Четыре дня шла охота на людей. Были убиты все женщины и дети. Пленников было немного, но и тех д'Альбукерк приказал уничтожить. Их заперли в мечеть и сожгли.

Покончив с мусульманским населением Гоа, д'Альбукерк приступил к очистке города от трупов и развалин, к укреплению стен и башен. Поставив своей задачей превратить Гоа в столицу Португальской Индии, он начал строительство жилых домов, факторий и церкви, чеканил монету, сооружал корабли.

Однако все эти заботы о новой столице не заслонили других планов д'Альбукерка. Он снарядил армаду и отправился к одному из крупнейших портов Азии — Ормузу, лежавшему у входа в Персидский залив. Но когда эскадра уже находилась в пути, ветер переменился и подул навстречу кораблям. Тогда д'Альбукерк быстро переменил свое решение. Круто повернув курс на юго-восток, он отправился к Малакке.

По дороге д'Альбукерк совершил много пиратских нападений, грабил и пускал ко дну торговые корабли, пытал пленников. Недаром англичанин Хью Клиффорд пишет: «Надо помнить, что в старину белые люди были самыми дерзкими и безжалостными из всех разбойников, кишевших в азиатских водах»[34].

25 июня 1511 года д'Альбукерк начал осаду Малакки. Силы

осаждавших был невелики. Д'Альбукерк привез с собой под стены Малакки около полутора тысяч бойцов — португальцев и индусов из Кочина, Каннанора и Гоа. У защитников города было двадцать тысяч воинов. Но д'Альбукерк знал, что среди них нет единодушия. Обитатели Малакки — арабы, индусы, малайцы, яванцы, сиамцы, японцы, островитяне Риу-Киу — не доверяли друг другу, боялись предательства. Поэтому д'Альбукерку легко удалось внести раздор в ряды защитников Малакки и переманить на свою сторону китайцев, индусов и яванцев. В августе Малакка была взята после длительной осады, нескольких штурмов и многодневного уличного боя.

Магеллан участвовал в этой экспедиции и сражался на улицах Малакки так же смело, как под стенами Гоа и на кораблях д'Альмейды. Испанский историк Эррера[35] пишет, что Магеллан вел себя, «как прекрасный солдат».

Но ни за подвиги под Гоа, ни в других боях Магеллан и на этот раз не получил никакой награды. Д'Альбукерк хорошо запомнил невысокого капитана в темной одежде, который так смело возражал ему на кочинском военном совете.

Огромная добыча досталась португальцам в Малакке — склады и корабли, набитые перцем, гвоздикой, кардамоном и другими пряностями, множество тканей и ковров, дорогая утварь и посуда, слитки серебра и золота, груды слоновой кости и драгоценного дерева.

Но важнее всего был сам город — ключ к Дальнему Востоку. Д'Альбукерк хорошо знал это и поспешил завязать сношения с Явой, Сиамом и Бирмой.

Он распорядился даже, чтобы на каждом корабле, отплывающем из Малакки в страны, где португальцы еще не побывали, обязательно находился португальский разведчик.

Людовико ди Вартема, принимавший участие в осаде Малакки, много рассказывал д'Альбукерку и его приближенным о Молуккских островах и островах Банда. По его словам, на Молукках растет самая лучшая гвоздика, а на островах Банда — лучший на свете мускатный орех. В остальных странах торгуют либо привозными с Молукк и Банда гвоздикой и мускатным орехом, либо третьесортным товаром. Д'Альбукерк твердо решил завладеть этими островами.

К островам пряностей

«Вся область, где произрастает гвоздика, называется Молукками».

Антонио Пигафетта, «Путешествие и открытие Верхней Индии, совершенное мною, Антонио Пигафетта, винчентским дворянином и родосским кавалером».

Еще на окраинах Малакки валялись трупы, еще не успели убрать мусор, обгорелые бревна и камни с пожарищ, когда д'Альбукерк начал готовить экспедицию на Молуккские острова.

Это плавание сыграло очень большую роль в истории изучения нашей планеты. Его непосредственным результатом было проникновение португальцев в громадную область тропических островов Юго-Восточной Азии — от Суматры до Борнео и Молуккских островов.

Но еще важнее то, что плавание это послужило косвенной причиной, побудившей Магеллана предпринять первую экспедицию вокруг света.

Португальцы были сильно ослаблены осадой Малакки, и вице-король не мог выделить для плавания крупную армаду. Д'Альбукерк отправил в плавание всего три корабля с экипажем в сто португальцев, дав им на помощь отряд малабарских лучников. Командиром эскадры вице-король назначил Антониу д'Абреу. Это была награда за удаль, с которой д'Абреу, раненный в бою, сражался на улицах Малакки. Командирами других кораблей были Симао-Аффонсо Бисагудо и лучший друг Магеллана Франсиско Серрао.

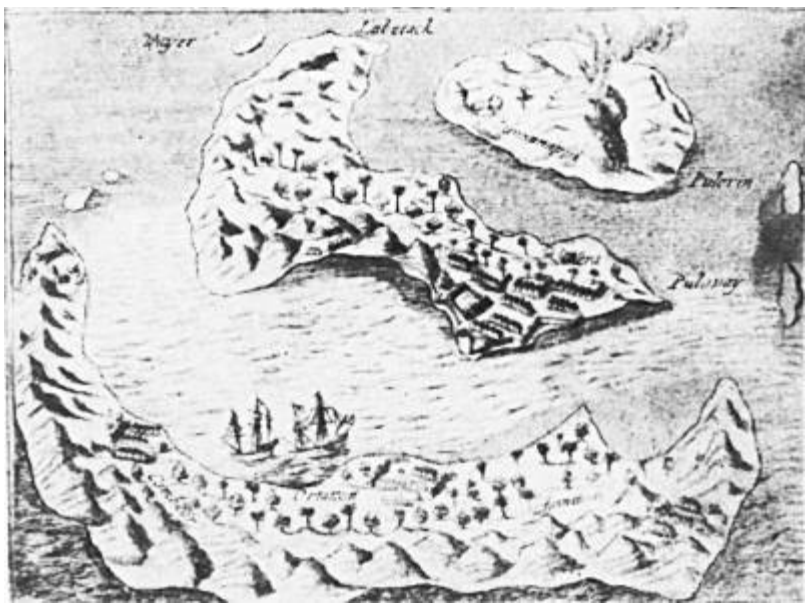
Появляясь в новых местах, португальцы обычно выдавали себя за мирных купцов. Королевские инструкции строжайше запрещали открывателям новых земель грабить корабли, прибрежные селения и города или обижать туземцев.

Но скоро, вернувшись с мощной армадой, португальские завоеватели сбрасывали личину миролюбия и доброжелательства. Они появлялись на этот раз алчными пиратами, жестокими поработителями. Так делал Васко да Гама во время первого и второго плаваний в Индию, так поступили португальцы в Малакке, когда вслед за «мирным торговцем» Секейрой явился грозный д'Альбукерк. Отправляя армаду на острова пряностей,

д’Альбукерк поступил точно так же. Запретив морякам совершать насилия и грабежи, он приказал платить полноценной монетой или дорогими товарами за все, что придется купить или выменять у туземцев.

Покинув в конце декабря 1511 года Малакку, корабли д’Абреу прошли Сингапурским проливом мимо Суматры. Дальше португальцы никогда еще не плавали, но на судне был опытный яванский кормчий Накода Исмаэль. У Серрао и Бисагудо тоже были туземные кормчие. Кроме того, д’Абреу пользовался яванскими картами.

Пройдя мимо Явы и Мадуры, вдоль северных берегов Бали и Сумбавы, д’Абреу вышел в море Банда и повернул на север, к Амбоине.



Европейские корабли в водах Малайского архипелага. Гравюра 1706 года.

Все изменилось вокруг. Исчезли дворцы и храмы Индии; вместо гуджератских и аравийских кораблей навстречу путешественникам выплывали легкие долбленые лодки. Моряки не видели больше вельмож, одетых в расшитые золотом ткани: их встречали нагие туземцы, совсем как в землях, открытых недавно Колумбом.

Корабли добрались до родины мускатного ореха — островов Банда, и португальцы очутились, наконец, в тех местах, откуда поступал на мировые рынки самый ценный товар того времени — пряности. По словам кормчих, Молуккские острова были близко.

Но д’Абреу не хотел затягивать плавание. Скоро должна была наступить смена ветров, к тому же д’Абреу закупил по дешевке

столько мускатного ореха, что гвоздика Молукк его уже мало привлекала, и он спешил вернуться в Малакку. Серрао решительно этому воспротивился. Он не хотел уходить с полдороги, не добравшись до Молуккских островов. Тогда моряки решили разделиться.

Серрао плыл на ветхом индийском корабле, захваченном при штурме Гоа. Теперь этот корабль очень повредило бурями. Он шел медленно и давал сильную течь. Посовещавшись, моряки решили его сжечь. Вместо него для Серрао и его товарищей купили на одном из островов китайскую джонку.

Д'Абреу поплыл назад, а Серрао отправился дальше. Вскоре страшный тайфун потопил джонку. Серрао и моряки спаслись на небольшом островке.

После многих приключений Серрао добрался до Молуккских островов. Болейс, властитель острова Тернате, давно уже слышал от китайских, яванских и арабских купцов, что на берегах Индийского океана появились новые завоеватели — одетые в латы люди, применяющие огнестрельное оружие. Узнав, что эти люди прибыли и на Тернате, султан острова поспешил привлечь их на свою сторону. Он сделал Серрао своим военным советником и предоставил ему право скупки пряностей.

Франсиско Серрао обосновался на Тернате. Он быстро сделался одним из самых влиятельных людей на острове.

Летописцы сообщают, что Серрао неоднократно писал с Тернате своему другу Магеллану, рассказывал ему о богатствах Молуккских островов и звал его приехать туда.

Теперь нам придется остановиться на самом темном, самом неясном периоде жизни Фернандо Магеллана. Как мы знаем, в августе 1511 года Магеллан сражался под стенами Малакки и на улицах города. Позже мы ничего не слышим о Магеллане вплоть до 1514 года. Прежде на основании одной расписки от 1512 года за подписью «Фернао де Магальяеш, сын Рюи де Магальяеша» считали, что Магеллан уже в 1512 году был в Португалии. Ныне установлено, что эта расписка принадлежит тезке и однофамильцу великого, мореплавателя. Первые достоверные данные о пребывании Магеллана в Португалии относятся к началу 1514 года.

Что же делал он в последние годы своей индийской жизни?

У летописцев того времени мы находим лишь отрывочные и зачастую противоречивые сведения об этом. Так, Аргенсола[36], рассказывая о пребывании Серрао на Молуккских островах, пишет: «В то время Магеллан, проплыв шестьсот лиг от побережья Малакки, находился на некоторых островах, откуда он переписывался с Серрао. Этот последний, весьма преуспев на

Тернате, писал своему другу и ему указывал на милости и богатства, которые он получил от Болейса, и звал его вернуться, чтобы присоединиться к нему». По словам Аргенсолы, Магеллан обещал своему другу приехать на Молуккские острова. Быть может, Магеллан не попал на Молукки, но побывал на других островах Малайского архипелага.

Французский исследователь Ами пишет: «Очень возможно, что они [острова, на которых жил Магеллан] соответствуют северному берегу Новой Гвинеи, открытие которой Тексейра[37] позднее приписывал Магеллану»[38].

Другой испанский летописец, Овиедо[39], говорит, что рукопись, которую Магеллан представил испанским властям перед отъездом в кругосветное плавание, «содержала много замечаний, на основании виденного собственными глазами в Восточной Индии, на островах Молукках и Пряностей».

И в самом деле, в рукописи Магеллана, о которой упоминает Овиедо, есть множество ценных сведений о странах, лежащих к востоку от Малакки; трудно предположить, чтобы Магеллан мог писать об этом лишь понаслышке.

Итак, имеются только смутные и противоречивые сведения о том, что в 1511–1513 годах Магеллан странствовал по каким-то морям, лежащим на три с половиной тысячи километров (шестьсот лиг) к востоку от Малакки. Быть может, Магеллан был одним из тех разведчиков, которых Аффонсо д'Альбукерк посылал из Малакки на яванских, малайских и китайских кораблях и лодках, которые во время своих плаваний побывали на каких-то тропических островах Малайского архипелага.

Возможно, что во время этих скитаний Фернандо Магеллан впервые задумался над проектом замечательного кругосветного плавания, ибо он видел, что, чем дальше на восток, тем примитивнее становится жизнь, тем больше похожи туземцы на жителей стран, открытых Христофором Колумбом и его преемниками.

Марокканская кампания

«Скажите мне, сеньоры, думали ли вы когда-нибудь, что на войне награждаются весьма немногие, а погибает множество?»

Мигель Сервантес, «Дон-Кихот».

Во второй половине 1513 или в начале 1514 года Магеллан вновь очутился в Португалии. Он приехал на родину, вдохновленный новыми замыслами. Первые, еще туманные мысли о возможности необычайного плавания волновали его. Он все более увлекался дерзкой идеей, позднее воплотившейся в замечательный проект плавания к Молуккским островам западным путем.

В разработке и осуществлении своего проекта Магеллан явился продолжателем и завершителем дела Колумба. В основе проекта Магеллана, как и в основе замыслов Колумба, лежало убеждение, что земля — шар. Даже цель, которую поставили перед собой и Колумб и Магеллан, была одной и той же: воспользовавшись шаровидной формой земли, добраться до берегов Восточной Азии новым, западным путем.

Но, в отличие от Колумба, полагавшего, что Восточная Азия лежит где-то недалеко за Атлантическим океаном, Магеллан уже знал, что Восточная Азия отделена от Западной Европы не только Атлантическим океаном, но и материком Америки, а также открытым как раз в то время огромным океаном, простирающимся на запад от Америки.

Перед Магелланом стояла более трудная задача, чем перед Колумбом. Он должен был не только пересечь Атлантику, но найти пролив в недавно открытый океан, а потом пересечь и этот океан.

Трудность и необычайность задачи делала для Магеллана разработку и осуществление проекта особенно привлекательными. Работа над проектом стала его любимым делом.

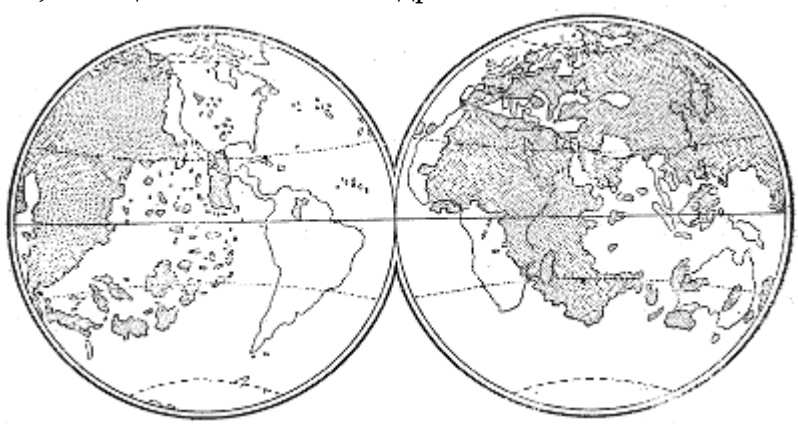
Но в Португалии обстоятельства складывались для этого неблагоприятно.

Магеллан приехал на родину бедным человеком. Годы Индийской службы не обогатили его. Все свои сбережения Магеллан ссудил, как было сказано, купцу Педро-Аннеш

Абральдежу. По приезде в Португалию моряк хотел получить свои деньги, но Абральдеж к тому времени умер, а наследники его не торопились отдавать долг. Магеллан возбудил судебное дело. Но в те времена процессы тянулись годами, особенно если истец не обладал средствами и не мог подкупить судейских крючков. Приходилось ждать. Разоренное поместье в далекой Траз-уж-Монтиш давно не приносило доходов.

Ничтожная королевская пенсия, так называемая «морадиа», казалась жалкой подачкой. Жить на нее было нельзя. И Магеллан решил снова заняться привычным военным ремеслом. В то время король Маноэль готовил большую военную экспедицию в Марокко. Покончив с маврами в Южной Португалии, португальские короли перенесли войну по ту сторону Гибралтарского пролива. Еще в 1415 году португальцы захватили марокканский город Сеуту. С тех пор война в Марокко не прекращалась.

На этот раз поводом для экспедиции послужило «неповиновение» одного из марокканских князьков — властителя города Азамор. Еще при короле Жоао II султаны Азамора обязались платить дань португальцам и допускать в свой город португальских торговцев. В 1513 году Мулей Зейям, султан Азамора, отказался платить дань Португалии. Король Маноэль решил наказать ослушника. Он снарядил для похода в Марокко огромный флот. Свыше четырехсот крупных и мелких судов собралось к августу 1513 года в устье Тежу. Был объявлен «крестовый поход против мавров», и в португальское войско прибыло множество искателей приключений из Испании, Италии, Англии, немецких земель и Фландрии.



Земной шар, согласно глобусу Мартина Бехайма (1492 г.), по сравнению с истинной конфигурацией материков и океанов.

В то время в Португалии было много ветеранов — участников индийских плаваний. Почти все успели прожить то, что добыли в

Индии, и сидели без денег. Когда был объявлен «крестовый поход», большинство индийских ветеранов записалось в марокканскую армию. В числе их был и Фернандо Магеллан.

Португальская армия обрушилась на Азамор и легко захватила город. Но мавры развернули партизанскую войну, очень изнурявшую португальские войска.

Марокканская кампания оказалась для Магеллана цепью неудач. Вскоре по приезде в Африку он принял участие в одной из схваток с маврами. Враги окружили его. Под ним была убита лошадь, а сам он с трудом пробился к своим.

Потеря коня была для неимущего воина серьезным ударом. По примеру других кабальеро Магеллан обратился к властям с просьбой об оплате стоимости коня, убитого во время боя. Он просил выдать тринадцать тысяч реалов. Но скаредные чиновники португальского главнокомандующего предложили Магеллану удовлетвориться тремя тысячами семьюстами реалов. Опять пришлось писать влиятельным лицам, жаловаться и ждать. В это время португальцы предприняли неудачный поход в глубь страны. При отступлении Магеллан был ранен в ногу. Удар копья пришелся по сухожилию, и Магеллан на всю жизнь остался хромым.

Потянулись томительные дни марокканской службы: караулы под безжалостным африканским солнцем, переходы по безводным, сожженным солнцем нагорьям, тревожные душные ночи, когда часовые тщетно вглядываются во тьму и напряженно прислушиваются к шумам ночи, бесчисленные схватки со смелым и ловким врагом. В это тяжелое время Фернандо все неотступнее одолевали мысли о дальнем плавании на запад — туда, где ждут его неведомые земли.

Новая беда подкараулила Фернандо. Во время одной из схваток португальцы отбили много скота. Заведывать захваченным скотом поручили Магеллану и еще одному португальцу. Однажды ночью мавры похитили часть скота. Тогда португальские власти обвинили Магеллана и его товарища в том, что они, якобы по предварительному сговору с маврами, дали тем возможность угнать четыреста коз. Такое обвинение было равносильно обвинению в государственной измене.

К тому времени командующий португальскими войсками Менезеш, хорошо знавший Магеллана, умер, и моряку пришлось иметь дело с враждебно настроенными военачальниками.

Магеллан пытался опровергнуть обвинение, но власти португальского лагеря стали распространять о нем порочащие его слухи. Говорили, что он прикидывается хромым, чтобы получить пенсию.

Тогда Магеллан отправился в Лиссабон, чтобы искать у короля справедливости. Но король Маноэль получил из Марокко доклад, рисующий поведение Магеллана в самом черном свете. Кроме того, командующий португальскими войсками писал своему повелителю, что Магеллан покинул Марокко без разрешения начальства.

Когда моряк явился к Маноэлю, король отказался его выслушать и приказал немедленно вернуться в Марокко, чтобы опровергнуть на месте обвинение.

Магеллан подчинился. Но португальские власти в Марокко отказывались начать расследование его дела из-за явной необоснованности, а признать невиновность Магеллана португальские военачальники также не хотели. Дело так ничем и не кончилось. Когда Магеллан во второй раз уехал из Марокко, власти не чинили ему препятствий, но позорное обвинение продолжало тяготеть над ним.

Проект Магеллана

«Вся речь твоя должна привести к заключению, что земля — звезда, почти подобная луне…»

Леонардо да Винчи, «О земле, луне и морских приливах».

Итак, он опять в Португалии. Лиссабон сильно изменился — город быстро богател на прибыльной заморской торговле. На реке теснились иноземные и португальские корабли, за море уходили армады.

На набережной слышалась чужая речь, всюду шла стройка: разбогатевшие на грабежах и торговле в колониях сеньоры и купцы возводили дворцы, склады и конторы. Даже «божьи люди» — монахи — урвали свою долю добычи. На принудительные отчисления от прибылей, на десятину, на проценты от данных в рост денег строили они новые монастыри, церкви и капеллы.

Но безработный ветеран индийской и марокканской службы, Фернандо Магеллан, чувствовал себя чужим в городе, где он вырос. Денег по-прежнему не было. Он томился от вынужденного безделья, а впереди не видно было просвета. Часто бродил он у пристаней и подолгу смотрел на суету, царившую на кораблях и на набережной. Магеллан завидовал морякам.

…На рассвете корабли покинут Португалию. Кто знает, куда занесет их судьба! Они увидят чужие земли, посетят дальние моря… Им раскрыта дорога в широкий мир… А он — капитан без корабля, на половинной пенсии! После марокканской истории военная служба закрыта для него. За море его больше не пустят. Он отдал Португалии лучшие годы жизни, много раз видел смерть в лицо. На далеких островах и в теплых морях, в Африке и в Индии он сражался, голодал, болел, выстаивал долгие ночи на вахтах, терпел кораблекрушения, получал и наносил раны. А теперь он завидует матросам, которые завтра поплывут за море и увидят иные города, иные страны…

Все чаще и чаще осаждали отставного капитана мечты о дальних плаваниях. Он забросил все и взялся за разработку плана путешествия к Молуккским островам западным путем.

Фернандо Магеллан хорошо понимал всю важность задуманного им плавания. Лучшие мореходы XV и XVI веков посвятили долгие годы попыткам достигнуть Восточной Азии,

плывя из Европы на Запад через Атлантический океан. Мысль о том, что, благодаря шарообразной форме земли, таким путем можно достичь Китая, Индии и Японии, определила весь жизненный путь Христофора Колумба и была одной из важнейших причин открытая Америки. До конца своей жизни Колумб был убежден, что открыл какие-то азиатские страны.

Отправляясь в первое плавание, он взял с собой людей, знающих греческий, еврейский, арабский, коптский и армянский языки, так как полагал, что во время пребывания кораблей в азиатских портах эти переводчики могут очень пригодиться.

Во время второго плавания Колумб заставил всех участников экспедиции клятвой подтвердить, что открыты азиатские земли. 12 июня 1494 года нотариус экспедиции составил особый акт присяги, под которым все подписались.

В то время, когда корабли его плавали среди Антильских островов, у берегов американского материка, Колумб был уверен, что вот-вот перед ним откроются берега Китая и Индии. Поэтому на все вновь открытые места он глядел глазами человека, подплывающего к азиатским берегам. Он даже давал им названия, заимствованные у Марко Поло.

Так, в 1503 году Колумб писал Исабели, королеве Кастилии: «Я прибыл 13 мая в провинцию Манги, которая является частью Катая».

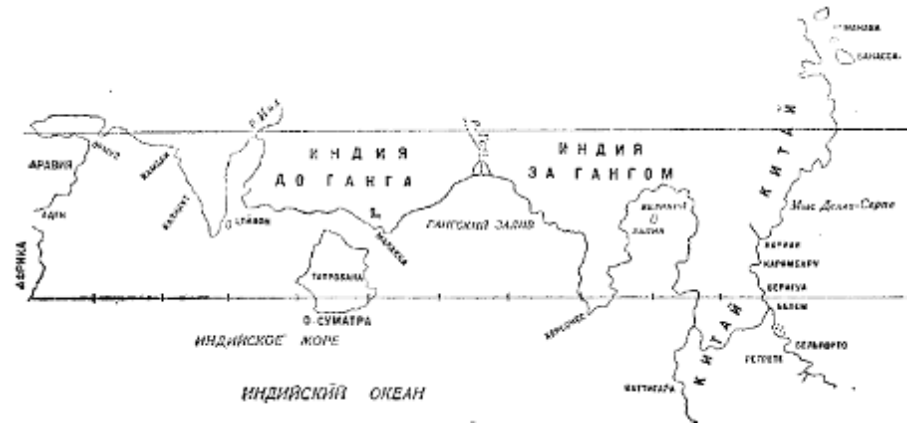
И Манги, и Катай — названия отдельных частей Китая в книге Марко Поло.

В том же 1503 году Колумб писал ей же с Ямайки:

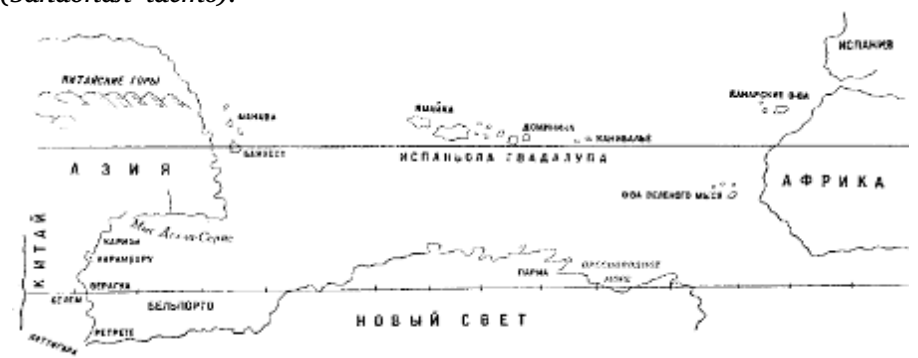
«…в десяти днях пути отсюда течет Ганг, и та земля [Индия] расположена напротив Верагуа подобно тому, как Тортоса расположена относительно Фуэнтаррабии, а Пиза — относительно Венеции».

Тортоса и Фуэнтаррабия находятся на противоположных сторонах Пиренейского полуострова, Пиза и Венеция — на противоположных сторонах Апеннинского полуострова. Верагуа расположена на атлантическом побережье Америки, там, где теперь находится Панама. Сравнивая положение Индии и Верагуа с местоположением Венеции, и Пизы или Тортосы и Фуэнтаррабии, Колумб хотел подчеркнуть, что Индия лежит где-то рядом, на другом берегу той земли, которую омывает Караибское море.

Эти устарелые, наивные воззрения Колумба уже тогда находились в явном противоречии с действительностью, и брат адмирала, Бартоломео, пытался найти компромиссное решение: на его карте берега Центральной Америки постепенно переходят в берега Восточной Азии.



Азия и Новый свет, согласно карте Бартоломео Колумба (западная часть).



Азия и Новый свет, согласно карте Бартоломео Колумба (восточная часть).

Но что еще интереснее — на этой карте есть пролив, пересекающий Панамский перешеек у бухты Ретрете.

После открытия Америки все моряки и прежде всего сам Колумб искали этот пролив. Американский материк казался им досадным препятствием, мешающим попасть морским путем к берегам Восточной и Южной Азии. Поисками пролива занимались моряки разных стран. Еще в конце XV века английский король Генрих VII поручил обосновавшемуся в Бристоле итальянцу Джованни Каботу добраться до Китая северным путем через пролив, якобы расположенный где-то в Северной Америке.

Во время своего третьего плавания Колумб обследовал значительный участок побережья Южной Америки. По словам кормчего Колумба, Педро де Лендесма, они «плыли на юго-юго-восток и искали повсюду Азию».

Когда Виченте-Яньес Пинсон зимой 1499/1500 года плавал недалеко от устья Амазонки, он полагал, что Китай остался уже позади и что корабли находятся около Индии, к востоку от Ганга.

Поиски пролива были важнейшей задачей четвертого и

последнего плавания Колумба (1502–1504 годы). Он заявил королеве Исабели, что собирается найти пролив в окрестностях бухты Ретрете. О существовании его Колумб узнал якобы во время сновидения.

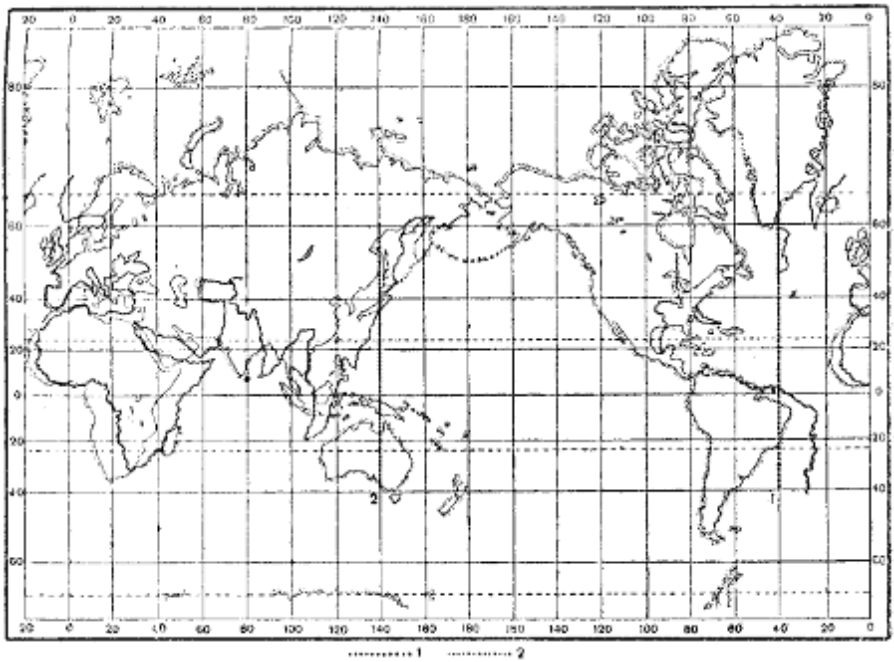
Колумб безуспешно искал пролив в каждой бухте, в устье каждой реки у берегов Центральной Америки.

Очень рано успехи Испании на Западе стали возбуждать зависть и тревогу в Португалии. Португальцы пытались перебить испанцам дорогу, отправляя туда корабли. Лиссабонское правительство посылало в Испанию своих секретных агентов и соглядатаев, стараясь выведать все, что касалось испанских открытий за морем. Между обеими странами возникло глухое соперничество. В спор между Испанией и Португалией вскоре вмешался римский папа.

Ранее, когда еще испанцы не отваживались выходить на просторы Атлантического океана и португальцы были пионерами в заморских плаваниях, римские папы неоднократно признавали за португальскими королями право на территории, лежащие к югу от Гибралтарского пролива. Об этом гласили торжественные папские грамоты, так называемые «буллы»: булла папы Евгения IV от 1438 года, булла папы Николая V от 1452 года и булла папы Пия II от 1459 года. Папские буллы отдавали Португалии все земли, лежащие на африканском берегу. Так, булла от 1459 года гласила, что Португалии принадлежат «все земли, которые открыли в этом море-океане от мыса Божадор… до Индии включительно» (цитируется по португальскому историку Баррошу).

В те времена испанцы не очень интересовались заморскими странами. После первого плавания Колумба положение изменилось. Колумб вернулся в Испанию 15 марта 1493 года. Немедленно в Рим полетели гонцы. В то время папой был испанец Родриго Борджиа, известный под именем Александра VI Борджиа, и испанцы могли оказывать на политику римской церкви решающее влияние. По настоянию испанского посла папа Александр VI издал буллу, закреплявшую за Испанией права на заморские страны.

3 мая 1493 года, то есть через пятьдесят дней после прибытия Колумба в Палое, эта булла была уже прибита к воротам Ватикана и торжественно зачитана на площади у Кампо-ди-Фиори в Риме. Один экземпляр буллы, снабженный огромной свинцовой печатью, был послан, испанскому правительству, а копия отправлена Колумбу. Этой буллой папа отдавал страны, открытые Колумбом, во владение Фернандо и Исабели.



Мир по данным карты Канейро (1502 г.) по сравнению с истинной конфигурацией материков и океанов.

[1] Демаркационная линия в Атлантическом океане и Бразилии. [2] Демаркационная линия в Тихом океане.

Однако ловкий Александр VI не хотел ссориться с королем Маноэлем португальским. Поэтому на другой день после опубликования первой буллы была издана вторая булла — знаменитая булла от 4 мая 1493 года о разделе мира. Согласно этой булле, Испания получала все уже открытые земли и острова, равно как и те, которые будут открыты и которые расположены к «западу от меридиана, образующего и составляющего линию от Северного до Южного полюсов», но не принадлежат еще христианским властителям. При этом пограничная линия этих земель должна была пройти в ста лигах к западу от Азорских островов и островов Зеленого мыса.

Казалось, вопрос был улажен, но на самом деле булла была составлена чрезвычайно поспешно и небрежно. Прежде всего булла от 4 мая 1493 года упоминала только разграничительную линию, проходящую по Атлантическому океану и соседним странам. Таким образом, португальцы и испанцы могли встретиться где-то на другой половине земного шара. Поэтому 2 сентября 1493 года римский папа издал еще одну буллу, в которой говорилось, что разграничительная линия продолжается и в восточно-азиатских водах.

Но в булле от 4 мая было еще одно важное упущение. Папа

Александр VI и его советники, судя по всему, были мало сведущи в вопросах географии. Линию, соединяющую оба полюса и проходящую на расстоянии ста лиг от Азорских островов, провести не так-то легко. Азорские острова лежат между 25°10′ и 31°18′ западной долготы, а острова Зеленого мыса — между 22°56′ и 25°25′ западной долготы. Булла римского первосвященника не указывала, от какого пункта надо отсчитывать сто лиг. Самый западный из Азорских островов, Флорес, лежит на 5°53′ западнее самого западного из островов Зеленого мыса — Сан-Антонио.

После долгих споров португальцы и испанцы решили «поделить мир», не обращая внимания на папские буллы. Шесть месяцев в городке Тордесильяс шли переговоры, и 7 июня 1494 года было достигнуто новое соглашение. В основу была взята долгота острова Сан-Антонио. Разграничительная линия была проведена на триста семьдесят лиг (или 2189 километров) западнее острова Сан-Антонио, то есть по 45°59′ западной долготы. К Португалии отошла часть Бразилии. Как известно, Кабраль попал в Бразилию лишь в 1500 году. Но некоторые старые карты и документы дают основание предположить, что португальцы знали о Бразилии гораздо раньше. Настойчивые требования послов Маноэля в Тордесильясе о том, чтобы разграничительная линия была отодвинута далеко на запад, лишь подтверждают предположение о том, что португальцы побывали в Южной Америке задолго до Колумба, но, по своему обыкновению, держали свое открытие в строгой тайне.

В противоположном полушарии разграничительная линия 1494 года, проходя по 134° восточной долготы, делит на равные части Австралию, пересекает Новую Гвинею, проходит через японский остров Сикоку и залив Петра Великого на территории нынешнего СССР. Эта разграничительная линия долгое время мало интересовала испанцев и португальцев. Но когда Франсиско Серрао попал на Молукки, а Бальбоа[40] на берега Тихого океана, вопрос о том, где встречаются испанская и португальская половины земного шара, сделался злободневным и оказался в тесной связи с вопросом о проливе, ведущем из Атлантического океана в моря Восточной Азии.

После того как попытки Колумба и других мореплавателей найти пролив в Центральной Америке потерпели неудачу, моряки перенесли свои поиски в Южную Америку.

Поискам пролива на юге Америки было посвящено третье плавание Америго Веспуччи, путешествовавшего на этот раз на португальских кораблях.

Америго Веспуччи. Гравюра XVI века.

В феврале 1502 года Веспуччи и его товарищи, плывя вдоль берега Южной Америки, достигли 32° южной широты. Потом корабли ушли в открытое море и сорок шесть дней плыли на юг; кормчие определили, что корабли находятся под 52° южной широты. Началась страшная буря. Она пригнала корабли к суровой и негостеприимной земле. По мнению Гумбольдта, это была Патагония, по мнению испанца Наваретта, — остров Тристан д'Акунья, по мнению бразильца Варнгагена, — остров Южная Георгия.

В отчете Америго Веспуччи очень мало подробностей, о многом говорится весьма туманно. Это дало многим ученым повод заподозрить Веспуччи во лжи. Но вероятнее всего, что купец и мореплаватель Америго Веспуччи умышленно затушевал многие детали — он рассчитывал вернуться в эти места и найти пролив, о котором мечтали столько моряков Испании, Португалии и Англии.

В самом деле, возвратившись в Лиссабон, Веспуччи представил королю Маноэлю грандиозный проект достижения Молуккских островов юго-западным путем. Несомненно, что именно Америго Веспуччи первый обратил внимание на

необходимость поисков пролива на крайнем юге Южной Америки. Письма и отчеты Веспуччи печатали в виде брошюр, и они расходились по всей Европе. С тех пор картографы стали придавать Южной Америке, по аналогии с Африкой и полуостровами Азии, форму треугольника, обращенного острым углом на юг. Дальше на их картах проходил пролив, а еще южнее — огромнейшая «Terra Australis Incognita», «Неведомая Южная Земля», широкой полосой опоясывающая весь земной шар, как противовес материкам Евразии и Северной Америки.

В Португалии проект Америго Веспуччи был встречен весьма сочувственно, и в 1503 году Веспуччи отправился в четвертое плавание. Он писал одному из своих друзей, что собирается добраться до Молукк западным путем. Но эта экспедиция не принесла никаких новых открытии, причем Америго Веспуччи жаловался, что руководители армады нарушили инструкцию короля и уклонились от предназначенного пути.

После неудачного плавания Веспуччи король Маноэль надолго охладел к поискам морского пути в Восточную Азию на западе. Вдобавок, португальские мореходы к этому времени уже успешно совершали регулярные рейсы в Индию вокруг мыса Доброй Надежды, и поэтому интерес к западному морскому пути временно ослабел.

После неудачного плавания 1503 года Веспуччи покинул Португалию и перешел на испанскую службу.

Уже давно испанцы весьма внимательно следили за попытками португальцев открыть пролив. Теперь на совещании кормчих и картографов было решено снарядить экспедицию под руководством Виченте-Яньеса Пинсона и Хуан-Диаса де Солиса к американскому побережью, на север от Верагуа.

Пинсон и де Солис должны были искать там «пролив или открытое море, которое вливается в море, лежащее еще далее на запад», — так гласила официальная инструкция. Но венецианский посол Франческо Корнер писал 16 июля 1508 года в секретном донесении из Бургоса, что на самом деле Веспуччи снаряжает экспедицию де Солиса и Пинсона для плавания в Португальскую Индию.

Экспедиция не дала никаких результатов. Де Солис был признан виновным в неудаче плавания и посажен в тюрьму.

В поисках пролива принимала участие и Англия. В 1508 году сын обосновавшегося в Англии итальянца Джованни Кабота, Себастиан, совершил плавание на север в поисках морского пути в Китай. В 1509 году Себастиан Кабот переселился в Испанию и предлагал испанскому правительству, вследствие неудачных поисков пролива на юге, искать его на севере.

Весть о захвате в 1511 году Малакки д'Альбукерком вызвала в Испании сильное беспокойство. Хуан-Родригес Фонсека, епископ Валенсии и председатель совета по делам Индии — учреждения, управляющего заморскими колониями Испании, — решил послать новые экспедиции на поиски пролива. В 1512 году он возобновил переговоры с Каботом о плавании на север и вновь привлек на испанскую службу Хуан-Диаса де Солиса, который к тому времени успел выйти из тюрьмы, послужить в Португалии и опять вернуться в Испанию.

На этот раз Хуан-Диас де Солис должен был плыть вокруг мыса Доброй Надежды и Цейлона к Малакке, Молуккским островам и «Стране джонок» (Китаю).

Организация этой экспедиции во многих деталях очень напоминает подготовку плавания Магеллана, потому что в снаряжении обеих армад принимал деятельное участие один и тот же человек — епископ Хуан-Родригес Фонсека.

Причины, помешавшие отправить в путь эту экспедицию де Солиса, неизвестны. Но есть все основания предполагать, что огромную роль здесь сыграли интриги португальцев.

Не ограничиваясь протестами перед испанским правительством, португальцы пытались переманить де Солиса и подкупали испанских чиновников.

Итак, когда Магеллан вернулся на родину, вопрос о проливе, ведущем из Атлантического океана в воды, омывающие Молуккские острова и берега Восточной Азии, привлекал общее внимание, и открытие этого никому не ведомого пути сделалось вопросом чести для португальских и испанских моряков. Правда, добыть карты и отчеты капитанов, искавших пролив, было теперь для Магеллана не легко. Он не состоял на королевской службе, а король Маноэль по-прежнему тщательно сохранял в тайне все, что относилось к заморским плаваниям. Капитанам и кормчим кораблей, отправлявшихся за море, казна выдавала карты и инструкции под расписку, причем моряки обязаны были по возвращении на родину вернуть их назад, не снимая копий и не делая выписок. Не ограничиваясь этим, король Маноэль велел просмотреть все старые архивы со времен инфанта Энрике и изъять оттуда все документы, касающиеся открытий. Даже летописи подвергались строгой цензуре, и из них вымарывалось все, что могло помочь соперникам португальцев попасть в лежащие за морем страны.

Магеллана эти трудности не могли остановить. Всюду искал он старых ветеранов заморских плаваний: в портовых тавернах, под навесами постоялых дворов, на набережной, среди ящиков и тюков, он беседовал с бывалыми моряками, узнавая у них тайны,

которые так тщательно прятали чиновники короля Маноэля за надежными запорами. «Он всегда был занят кормчими, картами и вопросами определения долготы», подтверждает летописец Баррош.

Его проект плавания к Молуккским островам, сначала туманный и неясный, получает все более четкие и определенные очертания. Два обстоятельства способствовали этому: известие о том, что испанский конкистадор Васко-Нуньес де Бальбоа, преодолев горные хребты Панамы, увидел на западе огромное море, и письма Франсиско Серрао с Молуккских островов, переданные Магеллану одним португальским капитаном, посетившим в 1513 году острова Банда и Амбоина.

Васко-Нуньес де Бальбоа открывает Тихий океан. Часть заглавного листа из книги начала XVII века.

Серрао по-прежнему благоденствовал на Молуккских островах. В письме он просил своего друга похлопотать перед королем и добиться, чтобы его, Серрао, достойным образом наградили. Он утверждал, что «открыл другой мир — больше и богаче, чем тот, который открыл Васко да Гама».

Хлопоты при дворе за друга ни к чему не привели, и Магеллан убедился, что король Маноэль очень неохотно награждает моряков за их заслуги.

В своих письмах Серрао вдвое преувеличил расстояние от Малакки до Молуккских островов. Возможно, что он сделал это для того, чтобы подчеркнуть свои заслуги по открытию Молуккских островов. Но Магеллан не знал этого и принял сообщение Серрао на веру. Впоследствии эти неверные данные о местоположении Молуккских островов легли в основу проекта Магеллана.

Все помыслы его были теперь сосредоточены на проекте. Скоро он будет совсем готов, и тогда Магеллан предложит его королю Маноэлю.

А пока надо стиснуть зубы, ждать и молча смотреть, как другие уходят на быстроходных кораблях за море, как снаряжаются для открытия далеких земель новые и новые армады.

Король Маноэль, закреплявший свои владения в Индии, не интересовался западным путем, да и не верил в его существование. Но лиссабонские купцы, нужды которых всегда отодвигались на второй план в завоевательной политике Маноэля, предприняли однажды самостоятельную попытку найти этот пролив.

Об их экспедиции упоминает лишь один документ — брошюра на немецком языке, озаглавленная «Copia der Newen Zeytung aus Presillg Landt» («Копия нового известия из Бразильской земли»). По мнению бельгийского исследователя Денусе, эта брошюра не что иное, как копия отчета, посланного в Аугсбург торговому дому Вельзеров с острова Мадейры агентом этой фирмы.

Титульный лист «Копии нового известия из Бразильской

земли».

По словам «Copia der Newen Zeytung», 12 октября 1514 года на остров Мадейру прибыли после долгого плавания два корабля. Кораблями командовал «самый крупный кормчий Португалии». Одни исследователи считают, что это Хуан-Диас де Солис, другие — что «Copia» имеет в виду одного из лучших португальских моряков того времени — Жоао де Лисбоа.

Корабли добрались до залива Сан-Матиас на южноамериканском побережье. Моряки приняли этот залив за пролив, который, по словам автора отчета, «послужит к большой пользе для сообщения с Индией».

Больше португальских экспедиций не было, но через год, в 1515 году, Хуан-Диас де Солис отправился в места, о которых упоминает автор «Copia», уже во главе испанской экспедиции.

Возможно, что старому перебежчику не очень доверяли. Во всяком случае, испанское правительство приставило к де Солису королевских контролеров. Экспедиция добралась до устья Ла-Платы, корабли вошли в реку, и де Солис высадился на берег, но был убит во время схватки с индейцами. Его товарищи вернулись в Испанию.

Итак, несмотря на многочисленные попытки найти на западе пролив, ведущий в море и омывающий берега Восточной Азии, ни одна из экспедиций не нашла его. Южноамериканский берег был обследован лишь до устья реки Ла-Платы. Появление пролива на некоторых картах и глобусах начала XVI века явилось результатом писем-отчетов Америго Веспуччи и «Copia der Newen Zeytung aus Presillg Landt».

Подробностей первого варианта проекта, разработанного Магелланом во время жизни в Лиссабоне, не сохранилось. Но, судя по косвенным данным, он собирался продолжить то, что начали Веспуччи и де Солис, то есть найти пролив в южной части Южной Америки, и, выйдя в море, открытое Бальбоа и названное им «Великим Южным морем», искать Молуккские острова, руководствуясь сведениями, сообщенными Франсиско Серрао, и собственным опытом плавания в морях Восточной Азии.

Король Маноэль «Счастливый»

«Король Маноэль отличался скаредным нравом, он подозрительно относился к своим слугам и всегда стремился лично руководить всеми деталями управления».

Лорд Стэнли-оф-Алдерли, «Первое путешествие вокруг света, совершенное Магелланами. Предисловие».

Годы жизни в Лиссабоне после возвращения из Марокко были самыми тяжкими в жизни Магеллана. Его спасала лишь работа над проектом. С гениальной прозорливостью он предвидел все, что может дать задуманное им плавание; он знал, что его проект сулит человечеству небывалое расширение горизонтов. Со страстью истинного ученого отдавался он разработке своего проекта. Воплощение этой грандиозной мечты стало основной задачей его жизни. Лишения, нужда, даже голод не останавливали его.

Давно уже прожил он выданную на год вперед жалкую пенсию, давно переселился в темную каморку грязного постоялого двора на рыночной площади.

Ни перед чем не останавливаясь, чтобы добиться осуществления своей мечты, он занимал деньги у старых товарищей по оружию, жил впроголодь, рано ложился спать, чтобы не жечь свечей. Гордый и самолюбивый, он старался познакомиться с влиятельными придворными, льстил и унижался, чтобы добиться приема у короля.

Но король Маноэль, прозванный раболепными историками «Счастливым», менее, чем какой-либо другой из государей тогдашней Европы, мог понять Фернандо Магеллана. Это был скупой и завистливый властитель. Он попал на престол благодаря нескольким случайностям: сын Жоао II, наследник престола, разбился, упав с лошади; за несколько лет до того король Жоао II на глазах у Маноэля заколол кинжалом своего шурина, старшего брата Маноэля — Фернао, герцога Вижеу. Так очистилась для Маноэля дорога к трону.

Король Маноэль Португальский. Портрет XVI века (Каса Пиа в Белеме).

Живя при дворе кровожадного деспота Жоао II, Маноэль привык таиться и лгать, сделался завистлив и подозрителен. Став повелителем Португалии в те дни, когда Бартоломеу Диаш, Васко да Гама, Кабраль, д'Альмейда, д'Альбукерк и десятки других первоклассных моряков и воинов превращали его страну в величайшую морскую державу, он до конца жизни не мог понять те исторические сдвиги, которые происходили на его глазах, не мог подняться над мелкими интересами, ограничивавшимися пределами Пиренейского полуострова.

Целью жизни он поставил объединение под своей властью или властью своих детей всего Пиренейского полуострова. Для этого он три раза брал себе в жены испанских принцесс, которые, по его расчетам, должны были принести ему в приданое испанскую корону, тратил много сил и средств на подкупы и интриги в Испании и Риме. Но все эти династические комбинации так и не принесли ему испанского престола, хотя этот вопрос занимал его больше всего на свете.

Даже открытия, которые превратили Португалию в мировую державу, интересовали короля Маноэля прежде всего потому, что

они могли дать новые источники золота, столь необходимого Маноэлю для подкупа арагонских и кастильских грандов и для интриг при испанском дворе.

К великим мореплавателям, совершавшим во время его царствования замечательные открытия, он относился подозрительно и завистливо. Он отстранил от всех дел Педральвареша Кабраля, заставил Васко да Гаму много лет томиться в бездействии, всеми силами мешал осуществлению планов Аффонсо д'Альбукерка.

Английский исследователь Джейн писал: «Художники и летописцы нарисовали правдоподобный, но вряд ли привлекательный портрет короля Маноэля — господина, которому так хорошо служил д'Альбукерк. Непроницаемое, почти угрюмое лицо, освещенное зеленоватыми глазами, темно-русые волосы, высокое, худое тело, где каждая жила стала жесткой благодаря постоянным физическим упражнениям, руки, похожие на обезьяньи и столь длинные, что, когда он стоял и прямо опускал их, пальцы оказывались ниже колен, — вот портрет человека, наиболее яркой чертой которого была железная сила воли и тела»[41].

Таким повелителем наградила судьба Фернандо Магеллана!

После долгих просьб и унижений Магеллану, наконец, сказали, что король милостиво соизволит его принять.

Весь вечер Магеллан провел в хлопотах и даже позволил себе неслыханную роскошь: когда стемнело, потребовал у хозяина постоялого двора свечу. Он тщательно осмотрел и почистил свое платье и обувь, а потом, сев к столу и пододвинув к себе свечу, начал в сотый раз перебирать давно знакомые бумаги, карты, планы, чертежи кораблей.

Он считал, что теперь все уже устроено: он добился самого главного — приема у короля. Мысленно он повторял заготовленную речь. Все было так просто и так понятно. Ему казалось, что он найдет нужные слова, и Маноэль тотчас же согласится со всеми его доводами и даст заслуженному моряку корабли для невиданного плавания.

Магеллан лег спать усталый, но радостный.

Утром он поспешил во дворец и стал протискиваться сквозь толпу к двери королевской приемной. Но к королю его не пустили.

Веселый паж сказал:

— Его величество молится, не угодно ли подождать? Вас позовут.

Потянулись томительные часы ожидания. Капитан затерялся в толпе роскошно одетых придворных, и пажу пришлось долго

кричать: «Сеньора капитана Магеллана к королю!», прежде чем моряк, находившийся в одной из дальних комнат, услышал его.

Явившись к королю, Магеллан сразу начал говорить о своем проекте. Он хорошо вызубрил речь. Слова лились плавно, ему казалось, что он приводит неопровержимые доказательства.

Но король плохо слушал его. Он ходил по комнате, кормил маленькую злую собачонку, несколько раз задавал капитану вопросы, не имевшие никакого отношения к его плану, и дважды зевнул ему в лицо.

Капитан начал сбиваться; ему показалось, что он повторяется, и он скомкал свою речь.

Фернандо Магеллан стоял, согнувшись в почтительном поклоне, и ждал ответа. Но едва Маноэль, король португальский, заговорил, капитан понял, что все пропало.

— Проект ваш занятен, — сказал король Маноэль. — Я не знал, что в моей столице еще живут подобные мечтатели. Но он не нов: мы потратили много сил и средств на поиски этого пролива и ничего не нашли. Наши испанские соседи тоже ничего не добились. Вернее всего — этого пролива вовсе не существует. Да к тому же нам, португальцам, он не очень нужен. У нас есть другой путь в Индию. Впрочем, вам, капитан, не пристало, по-моему, забивать себе и другим головы подобными бреднями, тем более, что на вас поступили жалобы. Утверждают, что вы, будучи в Марокко, совершили преступление.

Брезгливо оглядывая поношенную черную одежду моряка, король добавил:

— Сначала вам надо оправдаться в нарушении закона, а потом утруждать мое внимание несбыточными проектами. Вы же бездельничаете здесь, в Лиссабоне, на королевских хлебах и предаетесь мечтам, как мальчик.

Магеллан почтительно возразил:

— Я получаю лишь пенсию за старые боевые заслуги, ваше величество. Кстати, я прошу увеличить пенсию хотя бы на полдуката в месяц.

Этот моряк с самого начала не понравился Маноэлю. Летописец Баррош говорит, что король всегда ненавидел Магеллана. Он с нескрываемым недоброжелательством относился к этому упрямому и гордому горцу, выходцу из Траз-уж-Монтиш — области, где королевская власть все еще была непрочной, где крестьяне якшаются со своими сородичами за границей, а дворяне частенько поговаривают насчет объединения с соседней Испанской Галисией. Кроме того, короля раздражала наглость капитана, который не только настойчиво навязывал давно уже отвергнутый план, но еще требовал увеличения пенсии.

— Ваша пенсия не будет увеличена! — крикнул он. — Может быть, вы думаете, что вам поможет добиться этого ваша хромота? — спросил вдруг король. — Мне кажется, что ваша нога могла бы уже зажить, — добавил он усмехаясь.

Кровь бросилась в лицо Магеллану. Итак, эта клевета дошла сюда, в королевский дворец…

— Могу я рассчитывать, что ваше величество даст мне возможность служить под Вашими знаменами? — сдержанно спросил он.

— Нет, — ответил Маноэль. — Я не нуждаюсь в таких назойливых и алчных сумасбродах.

— Значит ли это, что вы, государь, совсем не нуждаетесь во мне? — проговорил капитан.

— Нисколько не нуждаюсь! — крикнул король так громко, что подслушивавшие у дверей придворные в испуге отшатнулись.

— Ваше величество, надеюсь, понимает, что для меня нет иного выхода, как предложить свою шпагу другому властелину? — сказал тихо Магеллан.

— Уверен, что вы не посмеете это сделать, — проговорил король и повернулся к своей собаке.

Моряк молча вышел из комнаты.

Капитан быстро шел по высоким залам, пышным приемным и длинным коридорам королевского замка. Слуги молча открывали перед ним двери, и часовые брали на караул, когда он проходил мимо.

Но слуги кланялись чересчур низко, часовые с излишней торопливостью отдавали ему честь алебардами. За всей этой почтительностью таилась насмешка.

Щеголи, жужжавшие в парадных комнатах лиссабонского замка, показывали дамам на невысокого, крепкого моряка в чистой, но сильно поношенной одежде и говорили вполголоса:

— Этот чернобородый загорелый моряк — Фернандо Магеллан. Он только что поссорился с королем Маноэлем и даже осмелился наговорить королю дерзостей.

Казалось, Магеллан не замечал всего этого. Не оглядываясь, быстрой, уверенной походкой он проходил в толпе придворных, торопясь к выходу. Только лицо его покраснело, и он не следил за собой, сильнее обычного припадая на раненую ногу.

Испанский путь

«…скоро я буду с тобой, если не португальским, то испанским путем, ибо течение дел ведет к тому».

Из письма Фернандо Магеллана к его другу Франсиско Серрао.

Вскоре португалец Фернандо Магеллан покинул навсегда родную страну и 20 октября 1517 года прибыл в Севилью.

Узнав об отъезде Магеллана в Испанию, король Маноэль пришел в ярость. Он проклинал тот день, когда позволил оскорбленному моряку живым покинуть дворец. Теперь этот бунтовщик был далеко, и на его выдачу испанскими властями было мало надежд, — за Магелланом не числилось никаких преступлений, на которые можно было бы сослаться. Оставался кинжал наемного убийцы — старое и испытанное средство. Но это требовало времени, а Маноэль хотел отомстить сейчас же. Он начал с того, что послал в Траз-уж-Монтиш приказ разрушить герб над главной дверью дома Магелланов в Саброжа.

Герб Магеллана. Рисунок, хранящийся в португальском архиве Торре дель Томбо.

Перед отъездом Магеллан публично объявил, что меняет подданство, потому что обижен королем и не может оставаться на родине.

На самом деле причина отъезда Магеллана в Испанию гораздо глубже, чем обида на короля Маноэля. Ведь и раньше Маноэль и его вельможи не жаловали Магеллана почестями и наградами, и раньше взводили на него всякую клевету. Он жил в бедности и нужде — ничего из захватываемых в битвах сокровищ ему не доставалось. И все же он честно и храбро, не жалея жизни, служил своему королю. Но теперь, когда он увидел крушение своих надежд, когда он понял, что в Португалии не только нельзя осуществить плавания к Молуккским островам западным путем, но самая мысль об этом осмеяна королем, — ему ничего другого не оставалось, как покинуть страну, ставшую ему злой мачехой.

Португальские летописцы того времени, а вслед за ними многие позднейшие историки всячески стараются заклеймить поступок Магеллана. Летописец Баррош говорит прямо, что «демон, который всегда тайно побуждает людей совершать зло, подстроил так, что Магеллан поссорился с королем».

Однако отъезд Магеллана из Португалии и переход его на испанскую службу не представляли в те времена ничего необычайного. Переезд из одной страны в другую, переход на службу к другому государю происходили тогда довольно часто.

Большинство знаменитых мореплавателей тех дней по нескольку раз меняли отечество. Так, генуэзец Колумб служил в Португалии и Испании и пытался наняться к английскому и французскому королям. Хуан-Диас де Солис так часто менял подданство, что теперь ученые не могут даже установить, кем он был — португальцем или испанцем. Генуэзец Джованни Кабот жил в Венеции, потом переселился в Англию. Его сын Себастиан служил Англии, Испании, опять Англии, снова Испании и, наконец, опять Англии. Флорентиец Америго Веспуччи служил Испании, потом Португалии.

Даже такой ревностный служака, как Васко да Гама, поссорившись с королем Маноэлем, угрожал ему, что покинет Португалию и переселится в Испанию. В ответ на эту угрозу король Маноэль написал адмиралу Индии ласковое письмо и поспешил удовлетворить все его требования.

Но это был исключительный случай. Завистливый и неблагодарный, король Маноэль никогда не умел ценить смелых людей. Он преследовал их мелочными придирками или, что еще хуже, отстранял от дел, заставляя годами томиться в бездействии. Многие, не желая сносить гнет, царивший в Португалии, бежали за границу. Баррош пишет, что вместе с Магелланом в Испанию уехало много кормчих и других моряков, так же, как и он, покинувших родину из-за короля Маноэля. Впоследствии эти люди послужили основным ядром экипажа кораблей Магеллана, отправлявшихся в первое кругосветное плавание.

Особенно многолюдная колония португальских изгнанников существовала тогда в Севилье — крупнейшем морском порту Испании. Севилье принадлежало тогда монопольное право торговли с вновь открытыми заморскими странами. Здесь находилась «Casa de contratatione de las Indies» — учреждение, ведавшее снаряжением экспедиций за океан.

Естественно, что португальские эмигранты, — а большинство из них было так или иначе связано с морем, — оседали главным образом в Севилье. Так, начальником севильского арсенала был принц крови дон Альваро Португальский. В Севилье жили крупные картографы — отец и сын Рейнель — и многие географы и моряки. Испанское правительство охотно принимало на службу этих смелых и опытных людей.

Несмотря на обширные завоевания Португалии в Индии и овладение восточными морскими путями, Испания значительно

обгоняла Португалию в своем экономическом развитии.

В результате объединения страны после изгнания мавров в Испании создался значительный внутренний рынок; приморские города Испании вели крупную заморскую торговлю. Экономическая жизнь страны не была тогда так стеснена всевозможными ограничениями и непомерными обложениями, как это имело место в Португалии. Это чувствовалось даже в самой организации заморских плаваний. В Португалии король почти монополизировал их, и мы знаем лишь о немногих попытках заморских плаваний, организованных португальскими купцами. В Испании начала XVI века купцы играли большую роль в организации дальних морских экспедиций: они на свой страх и риск снаряжали немало кораблей и совершали открытия. В те времена в Испанию съезжались не только португальские моряки. Там искали счастья и итальянцы, и немцы, и французы, и греки, и англичане, и негры, и арабы. Именно поэтому Магеллан мог рассчитывать, что его идея, осмеянная на родине, найдет признание в этой стране. Вполне естественно, что, покинув Лиссабон, Магеллан отправился в один из крупнейших портов того времени — испанский город Севилью.

В Севилье португальские изгнанники приняли Магеллана, как родного. Особенно близко он подружился с семьей Барбоса. Старый Диего Барбоса плавал в Индию еще в 1501 году. Но позднее, по возвращении Диего Барбоса из Индии, Маноэль жестоко обидел его, и тот уехал со всей семьей в Испанию. Испанский король принял опытного воина на службу и назначил его начальником севильского Алькасара — мощного замка, возвышавшегося над шумным портовым городом.

Молчаливый старик очень полюбил Магеллана. Фернандо всегда прислушивался к советам старого воина, но больше всего он подружился с его сыном — Дуарте. Младший Барбоса много лет странствовал по Востоку и побывал в таких местах, где до него не ступала нога европейца. Это был веселый моряк с открытым загорелым лицом. Как многие моряки, он был прекрасным рассказчиком, но любил вставлять в разговор одному ему известные восточные словечки и громко хохотал, видя недоумение слушателей.

Старый Диего давно уговаривал сына записать все, что тот видел на Востоке, и молодой португалец по утрам сидел в своей комнате, исписывая один за другим желтоватые листы толстой, переплетенной в кожу тетради.

Но не только дружба со старым Диего и его веселым сыном влекла Магеллана в их гостеприимный дом. Он полюбил дочь Диего Барбоса — Беатрису.

Девушка могла часами слушать рассказы отца, Дуарте и их гостей о дальних странах, о кровавых битвах, о внезапных штормах, которые погубили немало смелых моряков, о шумных, живущих своеобразной, незнакомой жизнью городах Востока, о пальмах, бананах и гвоздичных деревьях, о дивных птицах, похожих на бабочек, и о бабочках, похожих на птиц. В начале 1518 года Магеллан женился на Беатрисе Барбоса.

Изредка появлялся в доме начальника Алькасара другой португальский изгнанник — Рюи Фалейро, с которым Магеллан сблизился еще в Португалии. Старый Диего недолюбливал его. Он говорил, что, когда Фалейро появляется в доме, будто сумасшедший вихрь носится по комнатам, все вещи сходят со своих мест и мирная беседа тотчас же превращается в ожесточенный спор. И в самом деле, сумасбродный, вспыльчивый, легко переходящий от смеха к глубокой тоске и от отчаяния к бурному веселью, Рюи Фалейро не мог нравиться сдержанному Диего Барбоса. Диего высмеивал его страсть к астрологии — «науке о предсказании человеческой судьбы по звездам».

Рюи Фалейро был страстным астрологом. Когда его знакомили с кем-нибудь, он первым делом выпытывал у нового знакомого день и час его рождения и потом, не обращая внимания на насмешки, торжественно дарил ему его гороскоп — искусно разукрашенное причудливыми рисунками и непонятными знаками «предсказание судьбы». Свой собственный гороскоп Фалейро переделывал много раз. Ему казалось, что он делает свою «науку» все более совершенной.

Космограф. Гравюра на дереве (XVI в.).

Но Магеллан знал, что смешной и взбалмошный Фалейро — один из лучших знатоков картографии и астрономии, и старался сохранить с ним дружеские отношения, понимая, что в предстоящем плавании Фалейро может быть ему очень полезен.

Одной из важнейших проблем, занимавших умы мореходов, астрономов и географов того времени, был вопрос об определении долготы. Широту умели определять издавна по высоте небесных светил. А определить долготу было несравненно труднее, приходилось прибегать к всевозможным ухищрениям.

Часто долготу пытались определить «по потерянной широте». Делалось это так: корабль шел не прямо на юг, а на юго-запад. Угол, на который корабль отклонялся от южного направления, был известен. Когда кормчий решал, что корабль должен был отойти от места, где в последний раз определили широту, на определенное расстояние, скажем, на десять лиг, он вновь определял широту. Оказывалось, что корабль прошел на юг не десять лиг, а меньше. Теперь оставалось решить простую задачу: по углу и двум сторонам треугольника определить третью. Результат давал возможность судить, на сколько градусов на запад отклонилось судно от южного пути.

Но на самом деле все это было не так-то просто. Само

определение широты можно было производить только лишь в ясную погоду; скорость движения судна определяли самым примитивным способом — по движению щепки, брошенной с носа корабля. Вполне положиться нельзя было и на компас. Магнитное склонение, только недавно открытое Колумбом, еще не было достаточно изучено. Все это делало определение долготы при помощи «потерянной широты» весьма приблизительным.

Существовало много и других способов, но большой точностью ни один из них не отличался. Естественно, что с того времени, как корабли стали уходить в океан, вопрос об определении долготы приобрел особое значение. Астроном и астролог Рюи Фалейро считался большим знатоком различных способов определения долготы. Современники утверждали даже, что он, занимаясь черной магией, заставляет какого-то демона служить себе и у него узнает «тайны долготы».

Астролог очень заинтересовался проектом моряка еще в Португалии. Понемногу он увлекся замыслом Магеллана и принял близкое участие в разработке проекта. Фалейро тоже был обижен королем Маноэлем и решил переехать в Испанию. Магеллан покинул родину раньше Фалейро. Они решили, что будут вести переговоры в Испании совместно.

Когда Магеллан очутился в Севилье, Диего Барбоса познакомил его с одним из трех руководителей «Casa de contratatione de las Indies» — фактором Хуаном де Аранда. Магеллан решил немедленно завязать сношения с этим влиятельным представителем учреждения, занимавшегося организацией заморских экспедиций, составлением карт, производством и улучшением мореходных инструментов. Начались переговоры.

Он изложил чиновнику «Casa» свой проект. Вкратце этот проект Магеллана и Фалейро состоял в следующем: исходя из господствовавших тогда представлений о величине земного шара, Магеллан и Фалейро полагали, что окружность нашей планеты по экватору равна двумстам одной тысяче стадий, или тридцати семи тысячам километров. На самом деле экваториальная окружность земли больше: она равна сорока тысячам километров, или двумстам шестнадцати тысячам стадий. Но во времена Магеллана цифра двести одна тысяча стадий считалась общепризнанной. Ее принимали крупнейшие кормчие того времени, и эта цифра обычно бралась в основу всех расчетов при заключении договоров между Испанией и Португалией. Лишь Христофор Колумб в 1492 году и Фернандо Колумб в 1524 году утверждали, что окружность земли по экватору равна ста шестидесяти трем тысячам стадий.

Далее Магеллан и Фалейро, в соответствии с господствовавшими тогда воззрениями, считали, что Азия тянется гораздо дальше на восток, чем это представляется теперь. Географы того времени чертили обычно берега Восточной Азии на месте Гавайских островов. Поэтому на их картах Тихий океан оказывался почти вдвое меньше, чем на самом деле, а Молуккские острова и другие архипелаги Юго-Восточной Азии гораздо ближе к Южной Америке, чем в действительности.

У Магеллана и Фалейро было на руках еще одно доказательство, подкреплявшее их позиции, — письма Франсиско Серрао, в которых он вдвое преувеличивал расстояние от Малакки до Молуккских островов.

Исходя из всего этого, Магеллан и Фалейро утверждали, что Молукки лежат под 136–138° восточной долготы, то есть к западу от разграничительной линии, и входят в испанскую половину земного шара. На самом деле разграничительная линия проходила в Восточной Азии и Тихом океане по 134° восточной долготы, а Молукки лежат под 127–129° восточной долготы, то есть в той половине земного шара, которая по Тордесильясскому соглашению была отдана Португалии.

Ошибка Магеллана и Фалейро может показаться очень грубой. Но следует иметь в виду, что их подсчеты были гораздо ближе к истине, чем, например, расчеты испанских географов того времени, которые обычно проводили разграничительную линию или через Малакку (99.5° восточной долготы) или через устье Ганга (86° восточной долготы).

Магеллан предлагал испанскому правительству добраться до Молуккских островов западным путем по проливу, проходящему в Южной Америке, то есть завершить работу Колумба, Веспуччи и де Солиса.

Магеллан брал на себя грандиозную задачу: в те времена западноевропейские моряки и ученые ничего не знали о громадном протяжении нашей планеты на запад, от устья Ла-Платы вплоть до Молуккских островов.

Хуан де Аранда прекрасно понимал, что предложение Магеллана и Фалейро сулит Испании неисчислимые выгоды. В самом деле, если экспедиция, которую они замышляют, сможет добраться западным путем до Молуккских островов, если удастся захватить острова пряностей, а потом доказать, что они находятся в испанской половине земного шара, — Испания станет монопольным поставщиком гвоздики и мускатного ореха, а португальский путь вокруг мыса Доброй Надежды захиреет точно так же, как после открытия португальцами морского пути в Индию начал хиреть египетско-венецианский торговый путь.

Но Аранда пока еще не очень доверял своим новым знакомцам. Как человек осторожный, он использовал знакомых бургосских купцов, торговавших в Лиссабоне и хорошо знавших капитанов дальнего плавания, чтобы получить более подробные сведения о португальских изгнанниках. Лишь получив от них благоприятные характеристики Магеллана и Фалейро, Хуан де Аранда начал действовать. Он написал письмо канцлеру Старой Кастилии, престарелому кардиналу Хименес де Сиснеросу. В письме этом он горячо рекомендовал канцлеру проект португальцев.

20 января 1518 года Магеллан и Фалейро отправились по совету Аранды в Вальядолид — местопребывание канцлера Старой Кастилии.

По дорогам Испании шалили в то время многочисленные разбойничьи шайки. Поэтому Магеллан и Фалейро присоединились к свите знатной дамы доньи Беатрисы де Пачеко, герцогини Аркос. Кавалькада тронулась в путь на рассвете. Португальцы привыкли к зеленым холмам и цветущим долинам своей родины. А здесь, как только путники покинули морское побережье, началось суровое и унылое нагорье. Кругом высились скалы и утесы, нигде не видно было деревца. Тропинка вилась по выжженной и угрюмой стране. Кое-где виднелись башни и стены, оставшиеся от мавританских войн. Изредка путники встречали стадо овец, охраняемое конными пастухами. Время от времени издалека слышались бубенцы, раздавалась протяжная песня, и из-за поворота появлялся караван вьючных мулов. Но караван исчезал в облаке пыли, и опять наступала тишина. Магеллану эта безмолвная и бесплодная страна напоминала выжженные холмы и горы Марокко.

Обычно португальцы ехали впереди и вполголоса обсуждали детали проекта. Когда путники поднялись на перевал Сиерра-де-Гвадаррама, сзади послышался топот коня. Покрытый пылью гонец догнал кавалькаду. Он привез письмо Хуана де Аранды. Фактор писал, что от канцлера получен ответ. Обоих португальцев призывали ко двору. Аранда их также уведомлял, что он догонит их в городе Мединадель-Кампо, чтобы вместе ехать в Вальядолид.

В Медина-дель-Кампо португальцы и Хуан де Аранда встретились на постоялом дворе. Почти всю ночь они проговорили о проекте. Дальше поехали вместе. Но во время ночлега в Пуэрто-дель-Дуэро вспыхнула ссора. Ночью, после ужина, Магеллан, Фалейро и Аранда собрались в комнате португальцев. Внезапно среди разговора Хуан де Аранда потребовал, чтобы португальцы пообещали уступить ему пятую

долю во всех предстоящих доходах. Хитрый фактор считал, что моряк и астролог находятся полностью в его руках, и диктовал им условия, как хозяин.

Магеллан молча смотрел на толстого и благодушного чиновника. Алчность и коварство Аранды возмущали его. Заманить их сюда, в этот безвестный городишко, и здесь, зная, что у португальцев нет ни денег, ни связей при дворе, что они в безвыходном положении, вдали от севильских друзей, ставить им кабальные условия!

Гнев душил его. Но он сдержал себя. Надо было предвидеть, что такие шакалы попадутся на его пути! Да и что значит пятая часть с будущих доходов, и будут ли они, эти доходы, вообще? Сейчас решается судьба проекта — если Аранда перестанет оказывать им поддержку, что станут они делать со своим проектом в чужой стране? Магеллан решил принять условия Аранды.

Но помещал Фалейро. Он метался по комнате, опрокидывая скамейки. Боясь кричать, чтобы не выдать тайны проекта, он говорил хриплым, срывающимся шепотом, что не даст ни гроша Аранде, что лучше отказаться от проекта, чем позволить себя так подло ограбить.

Магеллан решил помирить спорщиков. Он предложил дать фактору вместо одной пятой — одну десятую. Но это привело лишь к новому взрыву ярости. Теперь астролог обрушился на Магеллана. Он утверждал, что моряк и фактор сговорились за его спиной, и грозил местью им обоим.

Видя, что дело может кончиться полным разрывом, Магеллан встал и заявил, что разговор лучше отложить до более удобного времени. Аранда ушел к себе, а утром, не дождавшись португальцев, уехал один. Встретившись в Симанкасе, они, наконец, договорились, что за содействие при дворе португальцы передают Аранде восьмую долю всех грядущих доходов и прав.

Через три дня путешественники прибыли в Вальядолид. Сначала Аранда поселился вместе с португальцами на одном постоялом дворе, но на другой день Магеллан, опасаясь новых споров, предпочел поселиться отдельно. 25 февраля 1518 года соглашение с Арандой было подписано, причем на этом документе моряк впервые подписался по-испански — Фернандо Магеллан[42].

Переговоры

«Если дело примет хороший оборот, мы перехватим у людей Востока и у короля Португалии торговлю ароматами и драгоценными камнями».

Из письма Петера-Мартира д'Ангиера Элеоноре Австрийской. Сарагосса, 15 сентября 1518 года.

Магеллан и Фалейро попали в Испанию в трудное и смутное время. В 1516 году умер король Фернандо. Его дочь Хуана Безумная была признана неспособной править королевством. На испанский престол вступил Карл Габсбург, сын Хуаны и Филиппа Австрийского. В Испании его звали Карлосом I. Позднее он был объявлен под именем Карла V императором Священной Римской империи и соединил под своей властью огромные территории в Австрии, Германии, Италии, Фландрии, Голландии, Испании, Америке.

Карлос I вырос во Фландрии, и по своему воспитанию и привычкам он был типичным фламандцем. По-испански он говорил плохо, испанских обычаев и порядков не знал. Вообще Карлос I интересовался в то время Испанией лишь как источником людских резервов и средств для борьбы за императорский престол.

Карлос I. Заглавный лист книги 1523 года.

В сентябре 1517 года восемнадцатилетний Карлос I, в сопровождении своих фламандских советников и германских телохранителей, впервые высадился на испанской земле. Король, побывав в Тордесильясе, где жила его безумная мать, поспешил в Вальядолид. Старый канцлер кардинал Хименес де Сиснерос выехал навстречу королю, но тут же получил приказание не являться ко двору: фламандские советники короля боялись влияния кардинала на юного Карлоса. Через несколько дней канцлер заболел и скончался.

18 ноября король торжественно вступил в столицу Кастилии — Вальядолид, чтобы принести присягу кортесам[43]. В стране усиливалось брожение, города и знать резко выражали свое недовольство иностранным засильем при дворе и требовали восстановления старых вольностей. Кортесы, собравшиеся к его приезду, не скрывали своего недоверия к советникам короля. Когда Карлос I явился на заседание кортесов, депутаты потребовали, чтобы он изучил испанский язык, удалил иноземцев, поклялся соблюдать старинные вольности, не допускал вывоза золота за границу.

В самом деле, ближайшими советниками короля Карлоса были трое иноземцев. Первым лицом в государстве стал Гийом де Круа, сеньор де Шиевр. Венецианские дипломаты прозвали этого фландрского феодала «вторым Королем». Огромным влиянием пользовался Жан Соваж, преемник Хименеса де Сиснероса на

посту канцлера. Третьим был фламандец — кардинал Адриан Утрехтский, впоследствии папа Адриан VI, невежественный и алчный человек.

Все эти люди, а также десятки других иноземных сановников, окружавших молодого короля, думали только о своем обогащении. Испанское золото потекло во Фландрию. Петер-Мартир д'Ангиера писал, что за первые десять месяцев пребывания Карлоса I в Испании фландрские придворные перевели из Испании во Фландрию на миллион сто тысяч дукатов золота. Историк Робертсон пишет в своей работе о Карлосе I, что при его дворе «все было продажным и могло быть куплено теми, кто даст наибольшую цену».

Карлос I чувствовал себя в Испании неуверенно, кортесы Кастилии и Арагона не доверяли ему, а кроме того, он боялся соперничества своего брата Фернандо. В испанских городах нарастало брожение, вылившееся через два года в знаменитое восстание комунерос[44].

Такова была обстановка в Испании, когда Магеллан и Фалейро в сопровождении Аранды явились в Вальядолид со своим проектом заморского плавания.

Хуан де Аранда прекрасно понимал, что заинтересовать фландрских советников короля проектом португальцев очень трудно: нужны большие деньги для подкупа этих могущественных сеньоров. Поэтому он решил действовать через председателя совета по делам Индии, епископа Фонсека.

Фонсека был единственным испанцем, пользовавшимся некоторым влиянием на молодого короля. Ловкий и энергичный делец, он издавна принимал близкое участие во всех заморских предприятиях Испании. Он прекрасно разбирался в сложных вопросах организации экспедиций за море. Петер-Мартир д'Аншера пишет, что «к нему обращались все мореплаватели».

Поддержка этого человека должна была сыграть решающую роль в судьбе проекта Магеллана; его противодействие могло погубить все дело. Епископ Фонсека умел ненавидеть своих врагов, умел преследовать их в течение многих лет. Он прославился своей непримиримой враждой к Христофору Колумбу, Васко-Нуньесу де Бальбоа, Лас-Касасу[45] и Эрнандо Кортесу.

Хуан де Аранда поспешил рассказать епископу о проекте Магеллана и Фалейро. Фонсека чрезвычайно заинтересовался предложением португальцев. Как раз в те дни он затеял переписку с испанскими властями острова Сан-Доминго, желая установить, где именно должна проходить разграничительная линия. Он задумывался также над тем, как остановить

поступательное движение португальцев на восток от Малакки.

В Испанию приходили самые тревожные вести о новых успехах португальцев на Дальнем Востоке. В 1516 году португальское посольство под руководством Томе Пережа добралось до Кантона. Другой португалец, Хорге де Машкареньяш, проплыл Формозским проливом и посетил острова Риу-Киу и Формозу.

Фонсека полагал, что плавание Магеллана может повести к образованию заслона против португальцев на Молуккских островах. Сделавшись одним из самых горячих сторонников проекта Магеллана и Фалейро, он принял все зависящие от него меры, чтобы король и его фламандские друзья заинтересовались их предложением.

Хуан де Аранда привлек также на свою сторону Кристобаля де Аро. Богатый торговец из Бургоса, Кристобаль де Аро много лет вел дела в Лиссабоне. Он организовал несколько экспедиций и считался одним из лучших знатоков в деле снаряжения заморских армад. Де Аро недавно тоже поссорился с королем Маноэлем и перебрался в Испанию. Узнав о проекте Магеллана, де Аро стал деятельно помогать ему.

Это была трудная задача, ибо фламандские советники короля относились к подобным затеям по меньшей мере безразлично.

Наконец, после многих отсрочек и задержек было созвано заседание королевского совета. Хуан де Аранда представил собравшимся капитана Фернандо Магеллана, недавно прибывшего из Индии, и ученого астролога и навигатора сеньора Рюи Фалейро. Потом Магеллан кратко рассказал о своем проекте, а в доказательство того, что Молукки расположены очень далеко на восток от Малакки, показал сановникам короля письмо Серрао и записки Людовико ди Вартема. Затем он вывел на середину комнаты купленного им на Суматре и постоянно находившегося при нем раба Энрике, который рассказал по-португальски, что его везли на Суматру с его родины, лежащей по соседству с островами пряностей, много-много дней.

Магеллан добавил, что Энрике знает языки и наречия многих народов, живущих на далеких островах в море-океане, и может служить превосходным переводчиком.

Летописец Гомара[46] говорит, что Магеллан представил совету «другие доказательства того, что эта земля [Южная Америка] уходит на запад, точно так же, как земля у мыса Доброй Надежды уходит на восток, ибо Хуан-Диас де Солис прошел вдоль берега до 40° южной широты, причем все время старался держать направление на запад. А так как на этом пути, который он выбрал, пролива не оказалось, то он [Магеллан] хочет итти вдоль

берега всего материка до тех пор, пока не доберется до мыса, соответствующего мысу Доброй Надежды, и, откроет, как он обещал, много новых островов и путь на острова пряностей».

Магеллан показал собравшимся глобус, подтверждающий его слова. Интересно, что на этом глобусе, на том месте, где, по расчетам Магеллана, должен был находиться пролив, было белое пятно. Магеллан, по словам современников, боялся, что португальские шпионы могут по глобусу выведать местоположение пролива.

Потом выступил Фалейро. В горячей, но бессвязной речи он изложил расчеты, которые должны были доказать, что Молукки находятся в испанской половине земного шара.

Магеллана и Фалейро попросили выйти. Началось секретное совещание. В приемной к ним подошел известный защитник индейцев Бартоломео Лас-Касас, приехавший в то время в Испанию.

— Каким путем думаете вы добраться до Молуккских островов? — спросил он моряка.

— Поплывем вдоль берега на юг. Там я думаю найти пролив.

— А если вы его не найдете? — возразил Лас-Касас.

— Тогда я поверну на восток и пройду португальским путем вокруг мыса Доброй Надежды, — ответил капитан.

Лас-Касас ушел. Фалейро бегал из угла в угол. Магеллан молча сидел у окна и глядел на темный, вечерний город. Прошло два часа. Вдруг дверь тихо открылась, из зала заседаний выскользнул сияющий Аранда и бросился к Магеллану.

— Решено, — зашептал он возбужденно. — Решено! Поплывете!

— Расскажите по порядку, сеньор Аранда, — попросил Магеллан.

— Сначала почти все советники высказались против вашего проекта: одни просто не хотели тратить средства на такую затею; другие не понимали того, что это может дать королю и нашей стране; третьи утверждали, что такая экспедиция невыполнима. Лишь епископ Фонсека был за вас. Он все эти два часа убеждал их, потом впустил через потайной ход Кристобаля де Аро. Тот заявил, что его корабли плавали к востоку от Малакки и что Молуккские острова очень далеко отстоят от Малакки. Наконец, решили рекомендовать королю ваш проект, если ваши условия не будут слишком тяжелыми. Кроме того, совет повелел, чтобы все дело велось в строжайшей тайне, чтобы о Молуккских островах не упоминали, а говорили лишь об экспедиции, отправляющейся на поиски новых островов в испанской части земного шара…

Реконструкция проекта плавания Магеллана на основе глобуса Иоганна Шёнера. Глобус этот хранится в Германском музее (Нюрнберг). Он сооружен в 1520 году, причем составитель использовал карты Педро Рейнеля, Диего Рибейро и Нуньо Гарсиа, то есть те самые карты, которые послужили основой проекта Магеллана.

Через несколько дней Магеллан и Фалейро представили королю свой проект соглашения.

Параграф первый проекта гласил, что король обязуется в течение десяти лет не давать разрешения снаряжать корабли в те земли, которые откроют Магеллан и Фалейро, а они, со своей стороны, обязывались делать все открытия и водить все корабли, которые снарядит король.

На это король, вернее его совет, отвечал, что, не зная маршрута предполагаемой экспедиции, нечего говорить о таких привилегиях.

В параграфе втором авторы проекта требовали, чтобы король обязался: выплатить им одну двенадцатую всех доходов с новых земель, дать им разрешение на перевозку их грузов на королевских судах по пониженному тарифу, произвести их в адмиралы и предоставить управление вновь открытыми странами. Все эти права и привилегии должны были перейти и к их детям.

На это король отвечал, что обещает соблюдать их интересы, но в первую очередь должен считаться с интересами короны. Он

предоставит им и их детям адмиральские звания и право управлять новыми колониями, но верховную власть над ними оставляет за собой.

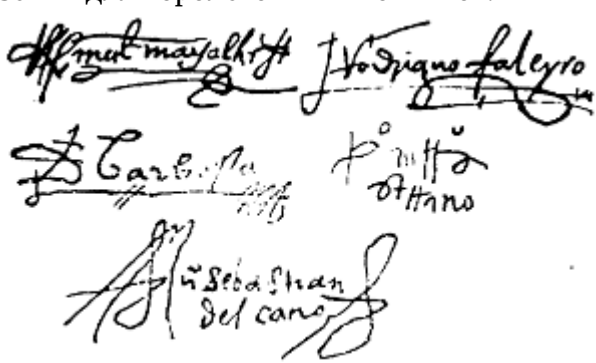
В числе других пунктов было предложение Магеллана и Фалейро снарядить экспедицию за свой счет, с тем чтобы королю отчислять одну шестую всех прибылей. Это может показаться странным. Магеллан и Фалейро были так бедны, что принуждены были занимать у Аранды деньги на поездку ко двору и, конечно, не могли взять на себя расходы по снаряжению большой экспедиции. Надо думать, что Магеллан и Фалейро уже тогда рассчитывали на материальную помощь Кристобаля де Аро, Диего Барбоса и Хуана де Аранды.

Король это предложение отклонил.

Сугубая практичность великого мореплавателя, проявленная во время переговоров с королем, не должна удивлять нашего читателя. В те времена королевские чиновники принимали все меры к тому, чтобы самым бессовестным образом обмануть тех моряков, которые поступали к ним на службу. Они старались включить в договоры заведомо невыполнимые пункты, чтобы потом, когда придет время расчета, отказаться от уплаты денег. Выдающиеся мореплаватели, совершив крупные открытия, нередко вынуждены были много лет обивать пороги всевозможных судов, советов и управлений в тщетной надежде получить заслуженную награду.

Пример Колумба, умершего в нищете в Вальядолиде за двенадцать лет до того, как там появился Магеллан, был еще свеж в памяти современников.

Поэтому Магеллан и Фалейро принуждены были как можно тщательнее разработать все условия соглашения, чтобы не оставить лазейки для королевских чиновников.



Подписи организаторов и участников первого кругосветного плавания:

МАГЕЛЛАН ФАЛЕЙРО

БАРБОСА СЕРРАНО

ЭЛЬ-КАНО

Наконец, соглашение было достигнуто, и 22 марта 1518 года король подписал первые грамоты об организации экспедиции Магеллана и Фалейро.

В главной грамоте Карлос I пишет Магеллану и Фалейро: «Вы должны отправиться и вы отправитесь в море-океан в пределах нашей разграничительной зоны». Далее грамота излагает условия, о которых казна договорилась с авторами проекта: им предоставляется исключительное право плавания в открытые ими страны на шесть лет; король же и колониальные власти хотя и имеют право посылать во вновь открытые земли корабли, но не тем путем, которым пойдут корабли Магеллана и Фалейро.

Король подчеркивал, что Магеллан и Фалейро должны воздерживаться от нарушения границ стран, принадлежащих «самому дорогому нашему дяде и любимому брату» [Маноэлю].

Организаторы экспедиции должны были получить одну двадцатую всех прибылей, но, если будет на то их желание, могли получать и одну пятую, множество привилегий и громкий титул, не оставшись во вновь открытых землях и вернувшись в Испанию. Этот пункт был внесен осторожными советниками короля после того, как они узнали историю Франсиско Серрао, оставшегося против воли правительства на открытых им Молуккских островах и сделавшегося там независимым.

В грамоте было указано, что армада должна состоять из пяти судов с экипажем из двухсот пятидесяти четырех человек. На каждый корабль были назначены фактор, казначей и писец.

Однако второй грамотой от того же 22 марта 1518 года король назначил знатного дворянина Хуана де Картагена главным инспектором армады. Хуан де Картагена был другом и ставленником епископа Фонсеки. Грамота предоставляла ему право контролировать все распоряжения Магеллана.

Это было первое проявление недоверия советников короля и даже епископа Фонсеки к Магеллану. Испанские сановники опасались, как бы Магеллан и Фалейро не захотели переметнуться обратно к португальцам, чтобы даже ценой гибели испанской армады искупить свою вину перед Маноэлем. Повторялась история с Хуан-Диасом де Солисом, которому в Испании тоже не доверяли и навязали инспекторов. Но Магеллан был принужден примириться с этим, причем король поспешил позолотить пилюлю, наградив Магеллана командорским крестом ордена Сант-Яго.

Еще две грамоты подписал в этот день король. В одной грамоте он присваивал Магеллану и Фалейро титул капитанов-командиров. В другой он назначал Магеллану жалованье в

пятьдесят тысяч мараведи[47] в год, а Фалейро за снабжение армады мореходными инструментами — пятьдесят пять тысяч мараведи.

Через несколько дней король получил письмо из Севильи от главных сановников «Casa». Они обиделись на то, что не были привлечены к переговорам с Магелланом и Фалейро. Королю пришлось написать чиновникам «Casa» полуразъяснение-полуизвинение и просить помочь в подготовке экспедиции. Но чиновники «Casa» по-прежнему считали себя обиженными и долго чинили Магеллану всевозможные препятствия.

Отправление армады было назначено на 25 августа. Вскоре Карлос выехал в Сарагоссу, где он должен был присягать арагонским кортесам. По дороге Магеллан и Фалейро отлучились в Севилью, чтобы получить в «Casa» деньги, которые приказал им выдать король. 7 мая они были в Севилье, а уже 15 мая состояли в свите короля во время его торжественного въезда в Сарагоссу.

В Сарагоссе короля ждали новые неприятности: непокорные арагонские кортесы отказались дать казне деньги, пока король не удовлетворит их жалоб. Вскоре в Сарагоссе началось восстание, вызванное королевским запрещением свободной торговли съестными припасами. Карлосу и его советникам было не до Магеллана. Подготовка экспедиции сразу застопорилась.

К тому же начали сказываться португальские интриги. Несмотря на все попытки сохранить тайну, несмотря на то, что нигде в официальных бумагах Молуккские острова и не упоминались, португальское правительство проведало о затевавшейся в Испании экспедиции. Эта весть вызвала в Португалии большую тревогу. Король Маноэль созвал совет, чтобы обсудить, как вести себя с Магелланом. Некоторые из членов совета считали, что Магеллана нужно уговорить вернуться на родину, но другие воспротивились этому. Они говорили, что если король простит Магеллана, то все шарлатаны, а особенно ветераны индийских войн, будут предъявлять правительству самые абсурдные требования, угрожая отъездом за границу. Васко да Гама открыто порицал короля Маноэля за то, что тот вовремя не отрубил Магеллану голову (вскоре сам Васко, поссорившись с Маноэлем, угрожал ему, что покинет Португалию и предложит свои услуги Испании).

Биограф Магеллана Гиллемар пишет: «Не было недостатка и в таких, которые советовали убрать его с дороги. Один из них был епископ. Лафито в своей книге „Завоевания португальцев“ скрыл, как и полагалось иезуиту, имя этого почтенного советника. Но Фариа-и-Суза и Гоеш[48] сообщают его имя на вечный позор. Это был Фернао Вашконселош, епископ Ламего, который

впоследствии стал архиепископом Лиссабонским».

Наконец, Маноэль решил, что королевская честь не позволяет ему звать Магеллана обратно. Тогда совет постановил сделать все возможное, чтобы экспедиция Магеллана и Фалейро не состоялась. Было решено не останавливаться ни перед чем, чтобы добиться краха их экспедиции.

У португальцев был уже опыт по части закулисных попыток срыва испанских экспедиций. Особенно много поработали португальские агенты во время подготовки экспедиции Хуан-Диаса де Солиса в 1512 году. Португальцы пытались заманить де Солиса в Лиссабон, хотели его подкупить. Они были так настойчивы, что де Солис принужден был жаловаться епископу Фонсеке. Португальский посол широко применял тогда подкуп чиновников испанского короля.

Теперь португальцы решили повторить этот опыт. В то время в Сарагоссу явился посол короля Маноэля Альваро да Коста. Официальной целью его посольства были переговоры по поводу обручения короля Маноэля с третьей по счету испанской принцессой. Но, судя по дошедшим до нас письмам да Коста к королю Маноэлю, португальского посла и его повелителя больше всего волновала борьба вокруг проекта Магеллана.

В одном из писем королю Маноэлю Альваро да Коста рассказал, какие интриги он вел при дворе Карлоса I, чтобы помешать Магеллану. Он писал: «Что касается до дел Фернандо Магеллана, я сделал много и поработал достаточно…» Ему удалось добиться беседы с молодым королем о Магеллане. Он говорил Карлосу, что не пристало испанскому королю переманивать недовольных подданных короля Маноэля. Посол просил или отослать прочь Магеллана и Фалейро или «отложить все дело на год».

Карлос просил посла поговорить с кардиналом Адрианом Утрехтским. Посол остался доволен своим свиданием с глупым и чванным Адрианом. Кардинал, с которым посол уже говорил о Магеллане раньше, обещал сделать все, от него зависящее, чтобы предложение Магеллана было отвергнуто, хотя заметил, что главный ходатай за Магеллана — епископ Фонсека. Говорил он и с главным советником короля сеньором де Шиевр, и тот «обрушился с упреками на кастильцев, которые втянули короля в это дело». В конце письма Альваро да Коста пишет, что Рюи Фалейро нечего принимать во внимание, потому что «он почти сумасшедший».

Вскоре да Коста пытался завязать тайные переговоры с самим Магелланом. Он говорил моряку, что тот готовится совершить великий грех перед богом и королем, и предлагал ему вернуться,

соблазняя высокими наградами. Но Магеллан отвечал, что дал слово королю Карлосу и слову своему не изменит.

Тогда да Коста вспомнил предложение епископа Ламего. По Сарагоссе поползли слухи о том, что на Магеллана готовят покушение. Епископ Фонсека не на шутку встревожился. Теперь, когда, несмотря на сопротивление фламандских советников короля, ему, Фонсеке, удалось вырвать у Карлоса I согласие на организацию экспедиции, Магеллан был ему нужен. Епископ стал осторожнее: если моряк поздно засиживался у него, Фонсека заставлял его ночевать в своем доме или отправлял домой в сопровождении отряда факельщиков и телохранителей. Он принимал все меры, чтобы сохранить его жизнь.

Снаряжение экспедиции

«…Они очень ветхи и покрыты заплатами. Я побывал на них и заверяю ваше величество, что не решился бы плыть на них даже до Канарских островов».

Секретный агент Португалии Себастиан Альвареш о кораблях Магеллана (письмо к королю Маноэлю от 18 июля 1519 года).

В конце июля или в начале августа 1518 года Магеллан и Фалейро вновь появились в Севилье. Здесь их ждали неприятные вести. Чиновники «Casa», которым была поручена подготовка экспедиции, работали с прохладцей. Почти ничего не было сделано: кораблей еще не купили, не заказали снаряжения и товаров, нужных для обмена.

Когда Магеллан жаловался на медлительность, на ненужные проволочки, чиновники «Casa» находили тысячи оправданий, а дело не двигалось с места. Они писали королю, что армаду никак нельзя отправить за море в срок, то есть 25 августа. Интересно, что в те же дни и Альваро да Коста уверял Маноэля, что армада не сможет отправиться в путь в 1518 году.

Денег было мало, и казначей «Casa» просил у короля разрешения взять для нужд экспедиции часть золота, прибывшего из Америки в Севилью. Но и эти деньги были быстро истрачены, а снаряжение экспедиции подвигалось вперед очень туго.

Хуан де Аранда купил в Кадиксе для экспедиции Магеллана пять кораблей: «Тринидад», вместимостью в 154 тонны, «Сан-Антонио» — в 145 тонн, «Консепсион» — в 126 тонн, «Виктория» — в 120 тонн и «Сант-Яго» — в 105 тонн.

Все корабли армады Магеллана были очень маленькие. Вспомним, что в армаде д'Альмейды, на которой Магеллан отплыл в 1505 году в Индию, были корабли в 800, 1000 и даже 1400 тонн. Но это были транспортные суда. Испанские и португальские открыватели новых земель обычно плавали на небольших судах: на них удобнее было исследовать берега, входить в устья рек и узкие заливы. В армаде де Солиса в 1515 году было два корабля по 50 тонн и одно в 110 тонн. У Пинсона

во время его плавания к берегам Южной Америки вместимость самого крупного корабля равнялась 78 тоннам.

Хуже было другое: чиновники «Casa» купили для армады Магеллана старые, уже потрепанные в прежних плаваниях суда. К тому же подрядчики ремонтировали их явно небрежно.

Магеллан горячился, доказывал, умолял, грозил. Сначала ему в голову не приходило, что во всех этих, казалось бы, случайных недоделках и упущениях повинны могущественный португальский посол в Испании Альваро да Коста и Себастиан Альвареш — севильский агент короля Маноэля. Лишь позднее у Магеллана возникли подозрения.

Фалейро, неуравновешенность характера которого постепенно перешла в нервное заболевание, не оказывал никакой помощи Магеллану. Его недуг быстро развивался. Все чаще переходил он от ярости к буйному веселью. К тому же, как только мечта португальца стала превращаться в действительность, астролог охладел к проекту Магеллана. Хлопоты и суета, связанные с подготовкой экспедиции, раздражали его; он вновь углубился в свою любимую «науку». Он решил перед отъездом составить новый гороскоп, и на этот раз звезды предсказали ему смерть во время плавания. Рюи Фалейро наотрез отказался ехать. Астролог обещал, что он возглавит следующую экспедицию на острова пряностей.

Зато Дуарте Барбоса оказался верным другом и дельным помощником в эти трудные для Магеллана дни. Он знал толк в мореходном деле и, как никто другой, мог говорить с корабельщиками, плотниками и матросами. Дуарте стал правой рукой Магеллана.

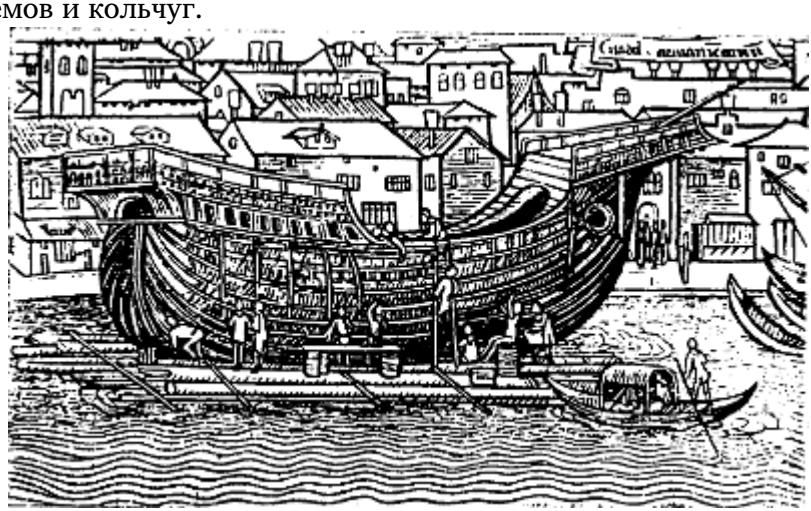
Вскоре испанское правительство решило привлечь к снаряжению экспедиции Кристобаля де Аро — человека, имевшего большой опыт в этих делах. Переговоры с де Аро были окружены тайной. Самое письмо, которым король 20 июля 1518 года вызывал к себе де Аро, составлено в туманных и неясных выражениях: «Епископ Бургоса[49] уже просил вас встретиться с ним, чтобы поговорить о некоторых делах, касающихся нашей службы, так как мы чрезвычайно желаем вас видеть здесь… я приглашаю вас и говорю вам, чтобы вы выехали тотчас же, как получите это письмо… совершите ваше путешествие со всей возможной скоростью».

Де Аро явился к королю, и королевский совет не только поручил ему снаряжение экспедиции, но предложил ему на определенных условиях взять на себя финансирование плавания.

Де Аро охотно согласился дать деньги на снаряжение экспедиции. В те времена прибыли купцов, финансировавших

армады, плававшие в восточные страны, были огромны. Купцы, снаряжавшие первые армады в Каликут, получали четыреста процентов прибыли. Сам де Аро исчислял свои вероятные прибыли от экспедиции Магеллана в двести пятьдесят процентов. Крупнейшие немецкие купцы того времени Фуггеры тоже принимали участие в финансировании экспедиции Магеллана. Но Фуггеры не хотели ссориться с португальцами и давали товары и деньги через де Аро. Сам де Аро скоро испытал месть Маноэля. Португальские власти приказали агенту Кристобаля де Аро немедленно покинуть Лиссабон, его контора была закрыта, а товары конфискованы. Король Маноэль наложил строжайший запрет на заключение контрактов с его фирмой.

После вмешательства де Аро подготовка экспедиции пошла живее. Ремонтировали и чистили корабли, купленные для Магеллана, заготовляли снасти, припасы, оружие, паруса, канаты и веревки, запасные реи, якоря и цепи, бочки для воды, порох, свинец, копья, мечи и щиты, длинные ружья, маленькие пушки. Огнестрельное оружие не было тогда в большом ходу. Магеллан взял в плавание всего шестьдесят кулеврин[50], десять фальконетов[51], десять больших бомбард, пятьдесят аркебуз. Но зато холодного оружия было взято много: тысяча копий, двести пик, тысяча двести метательных копий, шестьдесят луков с тремястами шестьюдесятью дюжинами стрел, много мечей, лат, шлемов и кольчуг.



Сооружение каравеллы. Фрагмент гравюры XVI века.

Для водителей армады в Севилье были заготовлены двадцать три пергаментные карты, двенадцать компасов, двадцать один деревянный квадрант[52], семь астролябий, тридцать пять компасных иголок, восемнадцать песочных часов.

На корабли привозили провизию: сушеную и соленую рыбу и сало, бочки уксуса, вина и растительного масла, круги козьего

сыра, сушеные винные ягоды, лук, чеснок, чернослив, муку, бобы и рис.

Магеллан не забыл погрузить на корабли и товары для обмена. Он знал, что жители дальних островов охотнее всего меняют свои золотые украшения на яркие тряпки, бусы, зеркала, бубенчики, браслеты и ножи.

Для закупки этих товаров Дуарте Барбоса ездил в Бильбао, а потом во Фландрию, где, кроме того, он закупил порох.

Казалось, все шло своим порядком, а между тем Магеллан и Барбоса то и дело чувствовали какие-то непонятные срывы: то мука, купленная у надежной фирмы, оказывается затхлой или попорченной крысами, то сахар подмочен, то пришлют гнилые паруса и канаты, то привезут неисправное оружие.

Плохо было и с картами. Испанское картографическое бюро не могло помочь Магеллану, так как испанцы никогда не плавали в тех морях, куда направлялась экспедиция Магеллана. Пришлось привлечь португальских эмигрантов-картографов. Карты чертили заново Магеллан, Фалейро и португальцы — отец и сын Рейнель.

С подбором команды дело обстояло еще хуже. Магеллан исходатайствовал у короля льготы для моряков своей армады. Кормчим было обещано по возвращении даровать рыцарское достоинство; всем участникам плавания обещали награды. И все же многие испанские моряки отказались идти в плавание, где командиром будет португалец. Приходилась брать малопроверенных, случайных людей. Этим воспользовался Альвареш и устроил на корабли Магеллана своих шпионов.

Сам Магеллан вел «Тринидад», кормчим на его корабле был португалец Эстебан Гомес. Этот человек был очень близок к семье Барбоса: перед отъездом он даже поручил старому Диего Барбоса наблюдение за своим имуществом.

На «Сан-Антонио» капитаном был Хуан де Картагена. Кораблем «Консепсион» командовал друг Хуана де Картагена — Гаспар де Кесада, штурманом на «Консепсионе» плыл баск Себастиан Эль-Кано. Это был еще молодой человек — в 1519 году ему было тридцать два года, но он уже отличился в сражениях в Африке и в итальянских походах. Однако позже он попал в тюрьму по обвинению в том, что нарочно погубил вверенный ему корабль. Все его добро было конфисковано. Когда его выпустили из тюрьмы, он узнал об экспедиции Магеллана и явился в Севилью предложить свои услуги.

На «Виктории» командиром был Луис де Мендоса, на «Сант-Яго» — старый друг Магеллана, заслуженный моряк, португалец Хуан Серрано[53], плававший по восточным морям и побывавший в Бразилии. Когда выяснилось, что Фалейро не едет, главным

астрономом эскадры был назначен Андрес Сан-Мартин.

Короля беспокоило, что в эскадре слишком много португальцев. Он предложил чиновникам «Casa» заменить португальцев испанцами, — во всяком случае добиться, чтобы экономы и писцы были обязательно испанцы. Магеллан протестовал, он писал королю, что у него лишь два эконома португальца, причем один — постоянный житель Севильи, а другой — его личный слуга. Что до моряков, то он нанимал лишь тех, которых рекомендовали ему штурманы. Магеллан жаловался, что моряков и так нельзя нигде найти, хотя по всем концам Испании разъезжают его вербовщики и агенты и призывают моряков принять участие в плавании. В конце концов король согласился допустить на корабли португальцев, но не более десяти-двенадцати человек.

Однако заменить первоклассных португальских моряков было не так-то легко; несмотря на все старания «Casa», несмотря на то, что перед самым отъездом многие португальцы получили приказ остаться (в их числе были два родственника Магеллана), в плавание отправилось много португальцев. Вообще с Магелланом поехало много иностранцев: по меньшей мере тридцать семь португальцев, семнадцать итальянцев, пять фламандцев (главным образом бомбардиров), несколько немцев, англичане, негры, арабы, баски, греки, жители Азорских островов и Мадейры. Испанские моряки были набраны из разных портов и очень мало знали друг друга. Экипажи кораблей были плохо спаяны, тем более, что шпионы короля Маноэля сеяли среди участников плавания раздоры и недовольство, разрушая веру в благополучный исход путешествия.

Не меньше препятствий чинили Магеллану и чиновники «Casa». Они мешали вербовке экипажа, придирались к тем морякам, которых нанимал Магеллан. Деятельно помогал им Хуан де Картагена. Назначенный королем на место отказавшегося Фалейро вторым руководителем экспедиции, он считал, что имеет право вмешиваться во все распоряжения Магеллана. Дело доходило до открытых ссор, Магеллан и де Картагена жаловались друг на друга королю. Несогласия между Магелланом и де Картагена приводили к новым задержкам. По-прежнему интриговали португальские шпионы Жоао Мендеш в Севилье и Нуньо Рибейро в Картахене.

Португальские агенты не останавливались ни перед чем, чтобы помешать отправлению экспедиции. Несколько раз они пытались уговорить Магеллана вернуться обратно в Португалию.

Однажды вечером Магеллан сидел один в своей комнате в доме Диего Барбоса. До отъезда оставалось две недели.

Пользуясь свободным вечером, Магеллан собирал свои вещи в дорогу. В комнате было полутемно. Дверь открылась; не постучавшись, вошел высокий и статный человек в длинном плаще. Когда он подошел ближе, Магеллан узнал агента короля Маноэля — Себастиана Альвареша.

— Привет вам, сеньор капитан, — сказал весело и непринужденно Альвареш.

— И вам привет, — сухо ответил моряк.

— Вы не любезны и имеете все основания к этому, — не смущаясь, воскликнул Альвареш. — А я пришел к вам по делу, пришел, как португалец к португальцу, — добавил он.

— Что вам нужно? — все так же сухо спросил Магеллан.

— Я пришел к вам от имени короля… Еще не поздно! Вернитесь, Магеллан, и все будет забыто. Король простит вас.

— Этому не бывать, — угрюмо промолвил Магеллан. — Подманивайте другую собаку этой костью! Сейчас уже поздно пересматривать мои решения. Король Маноэль выгнал и оскорбил меня. Я связал свою судьбу с этим плаванием и назад не поверну.

— Подумайте, капитан, — тихо, но настойчиво промолвил Альвареш. — Король забудет ваши провинности, и вы будете спокойно жить в Португалии. Вы едете в море на ненадежных судах. Я осмотрел их, когда их конопатили. Я не решился бы плыть на них даже до Канарских островов. Мне достоверно известно, что у вас недоброкачественный провиант и случайная, разношерстная команда. Неужели вы надеетесь совершить на таких кораблях и с такими людьми великие открытия?..

Магеллан встал.

— Жребий мой брошен, — сказал он. — Я знаю, на что иду. Но другого способа осуществить мою задачу нет.

— Поступайте так, как находите нужным, — сказал Альвареш холодно, — но помните — впереди вас ждут многие испытания. Кто знает, быть может, вам еще не раз придется вспомнить обо мне!

Альвареш поклонился и вышел.

Когда стало ясно, что Магеллан не вернется в Португалию, агенты короля Маноэля решили пойти на последний шаг. Однажды пошел слух, будто бы на кораблях вместо испанских гербов устанавливают португальские. Впоследствии оказалось, что произошло недоразумение: щиты с испанскими гербами были сняты с корабля для ремонта, а на корабле остался герб Магеллана, который толпа приняла за португальский. Однако толпа моряков и портовых зевак чуть не растерзала Магеллана. Пока чиновники «Casa» уговаривали шумевшую толпу разойтись, Магеллан успел заметить в самой гуще высокую фигуру

Себастиана Альвареша. Магеллан написал об этом королю, но ничего не изменилось. Агенты Маноэля по-прежнему безнаказанно сеяли раздоры среди членов экспедиции и натравливали на Магеллана население Севильи.

Этим дело не ограничилось. Однажды Магеллан и Дуарте Барбоса поздно вечером возвращались из гавани в Алькасар. Они поднимались в гору по узким улочкам, одна сторона которых была погружена во мрак, а другая ярко блестела под луной. Раздался тихий свист, черные тени мелькнули на повороте, сверкнули короткие шпаги.

Магеллан и Барбоса не растерялись. Прижавшись к стене на теневой стороне улицы и выхватив свои шпаги, они стали отражать удары. Схватка длилась недолго. Убийцы поняли, это им не удалось напасть врасплох. Новый свист — и тени исчезли за выступом дома. Путь был свободен.

Кончился 1518 год. Прошла весна 1519 года. Настало лето. Почти все было готово. Но бесконечные проволочки мешали отправиться в путь.

Незадолго до отъезда была получена объемистая инструкция короля. В ней было семьдесят четыре страницы. Советники короля пытались предусмотреть все случаи, которые могли бы приключиться во время плавания.

Инструкция предписывала не перегружать корабли и держать отверстия насосов выше ватерлинии. Если позволит погода, корабли должны были ежедневно поддерживать между собой связь. Экипаж должен был строго соблюдать определенные правила освещения кораблей по ночам. Особый раздел инструкции предусматривал порядок высадки в незнакомых землях и говорил о том, как заводить дружбу с туземными вождями.

Было указано, как обращаться с захваченными в бою кораблями и товарами. Инструкция также предлагала капитанам «относиться к команде любовно, лично посещать раненых и больных и тщательно следить, чтобы врач не брал взяток». Капитаны должны были следить, чтобы команда не играла в карты и кости и не упоминала «имя божие всуе». Были предусмотрены даже правила сооружения зданий в тропических местностях, причем указывалось, что дома надо сооружать на склоне холмов, в сухом месте.

В последний момент на корабль прибыл еще один человек. Это был итальянец Антонио Пигафетта — приказчик крупных флорентинских купцов. Итальянские торговцы понимали, какое значение получат новые пути в страны пряностей, и хотели, чтобы на кораблях Магеллана был свой человек.

Сначала Магеллан не хотел брать Пигафетту. Команда была уже подобрана, да к тому же Пигафетта не был моряком. Но вежливый, аккуратно одетый итальянец дал капитану несколько рекомендательных писем от очень высокопоставленных особ, и Магеллану пришлось волей-неволей согласиться. Он зачислил итальянца «запасным». Всю дорогу Антонио Пигафетта тщательно вел дневник. Записки Пигафетты — самый ценный документ о первом кругосветном плавании.

Наконец, экипаж был укомплектован. На «Тринидаде» плыло шестьдесят два человека, на «Сан-Антонио» — пятьдесят семь, на «Виктории» — сорок пять, на «Консепсионе» — сорок четыре, на «Сант-Яго» — тридцать один человек.

Накануне отъезда на корабль «Тринидад», которым управлял сам Магеллан, приехали Дуарте Барбоса и Рюи Фалейро. Дуарте, который ехал в плавание, привез Магеллану последний привет от Беатрисы и письмо от ее отца. Старый воин еще раз напоминал Магеллану, что на корабли пробрались шпионы Альвареша, и даже сообщил ему фамилию одного из них.

Рюи Фалейро торжественно обнял Магеллана и с церемонным поклоном вручил ему вновь составленный гороскоп.

— Сеньор Магеллан, — возбужденно воскликнул он, — я так рад! Новый гороскоп сулит вам благополучное плавание, удачу и почет. Я так рад!

Магеллан, смеясь, обнял астролога.

— Спасибо, дорогой мой сеньор Фалейро. Я тронут вашей заботливостью. А теперь поспешите на берег. Корабли скоро снимутся с якорей — мне не хочется даже нечаянно прихватить вас с собой. Вы несчастливее меня: вам гороскоп сулит смерть в плавании.

Астролог засуетился, быстро попрощался и поплыл на лодке к берегу. Внезапно он встал и, обернувшись к кораблю, начал, размахивая руками, что-то кричать. Но ветер относил слова. Фалейро в черной мантии с широкими рукавами был так похож в это время на какую-то нелепую птицу, что Магеллан и Барбоса громко рассмеялись.

Через Атлантический океан

«Все неизвестно!
А пока туманы
Плывут над парусами корабля.
Там позади —
Покинутые страны,
Там впереди —
Чудесная Земля!»

Эдуард Багрицкий, «Открыватели».

«…достигнув широты 21°51′, мы потеряли северо-восточный пассат, который был заменяем легкими ветерками от юга и юго-запада, а более — совершенными штилями и сильнейшими шквалами с частыми проливными дождями».

Котцебу, «Путешествие вокруг света…» Глава о плавании через Атлантический океан.

20 сентября 1519 года эскадра Магеллана вышла в открытое море.

Магеллан ввел на кораблях жесткую дисциплину. Был тщательно установлен распорядок дня, определены обязанности всех участников плавания. Пигафетта записал в своем дневнике: «Капитан-командир требует от экипажа самого строгого повиновения, чтобы быть уверенным в счастливом исходе плавания». Весь экипаж был распределен на три группы, по числу вахт. Первая вахта называлась «начало ночи», вторая — «середина ночи», третья — «вахта утренней звезды».

Магеллан знал, что испанцы — капитаны других кораблей — завидуют ему и будут искать случая для неповиновения. Антонио Пигафетта подтверждает это в своем дневнике: «К опасности, естественно связанной с этим предприятием, присоединилось еще одно прискорбное для него [Магеллана] обстоятельство: капитаны четырех других кораблей, бывшие под его командованием, питали к нему неприязнь на том основании, что

они были испанцы, а Магеллан португалец». Относительно Хуана Серрано Пигафетта, несомненно, ошибался: этот человек был одним из самых верных друзей командира. Но другие капитаны с трудом сдерживали свою ненависть к иноземцу. Магеллан знал это и принял свои меры, стараясь, чтобы на каждом корабле были верные ему люди.

«Тринидад» как флагманский корабль должен был всегда плыть впереди эскадры. Смоляными факелами, пушечными выстрелами и флагами «Тринидад» сигнализировал другим кораблям, когда нужно было переменить паруса, изменить курс или бросить якорь.

Выйдя в море, корабли направились к Канарским островам. Шесть дней моряки не видели берегов, а на седьмой в открытом море показался огромный столб черного дыма.

Командир приказал взять курс на черную тучу. К вечеру подошли к острову, над которым возвышался вулкан Тенериф.

Антонио Пигафетта в своем дневнике записывает: «Нам рассказывали про странное явление на этом острове, а именно: там никогда не бывает дождя, и на острове не бывает ни источников, ни рек, но зато там растет одно большое дерево, из листьев которого беспрестанно сочатся капли превосходной воды. Она собирается во рву у подножья дерева, откуда берут ее островитяне и куда приходят домашние и дикие животные утолять жажду. Это дерево постоянно окружено густым туманом, без сомнения, снабжающим водой его листья».

Это очень старая сказка. Еще древние римляне рассказывали, что на «Счастливых островах» (так они называли Канарские острова) нет источников и не бывает дождя, а люди пьют влагу, стекающую с дерева, «которое плачет». Интересно, что эта сказка дожила до дней Магеллана и попала в дневник суховатого и рассудочного Пигафетты.

«Плачущее дерево» дает воду жителям Канарских островов. Гравюра 1565 года.

Три дня путешественники запасались водой, а потом снова тронулись в путь. Корабли плыли на юго-запад. Вдали проходили зеленые Канарские острова и острова Зеленого мыса. Потом с левого борта показалась бурая полоса. Это был африканский берег.

Солнце с каждым днем палило сильнее. Люди старались держаться в тени. Накаленные солнцем цепи, якоря, пушки и поручни обжигали руки. Дневная вахта казалась пыткой. В эти ясные и тихие дни за кораблями плыли стаи акул. От скуки матросы стали ловить морских чудовищ на большие крючки с кусками сала. Но мясо акул было жестким и невкусным. Скоро эта забава надоела.

Иногда в воздухе проносились птицы, а однажды путешественники видели, как две птицы настойчиво преследовали третью, пока та не отрыгнула ком непереваренной пищи. Нападавшие на лету подхватили куски пищи и исчезли.

Начались дожди, и Магеллан еще раз убедился, что корабли его очень ненадежны. Палубы протекали, отсырела часть провизии. Шестьдесят дней шли дожди, перемежаясь с бурями. Качка измучила всех. Усталые и угрюмые моряки не знали отдыха.

Уже в открытом море у Магеллана произошло резкое столкновение с Хуаном де Картагена. Самонадеянный и гордый аристократ не скрывал, что считает Магеллана выскочкой, случайно оказавшимся во главе экспедиции. Он не упускал

случая посмеяться и позлословить над капитаном. Вскоре Магеллан узнал, что вокруг де Картагена группируются недовольные.

Каждый вечер корабли подходили к флагману, чтобы передать приветствие командиру и получить инструкции на другой день. Обычно вахтенный матрос забирался на мачту и кричал оттуда: «Бог вас хранит, сеньор капитан-командир и добрая команда!»

Однажды моряк с корабля де Картагена перепутал приветствие. Магеллан попросил де Картагена, чтобы его моряки были внимательнее. Тот ответил дерзостью. Магеллан считал, что нельзя идти в долгое, полное лишений плавание, когда на кораблях есть люди, которые могут изменить в любой момент. И, так как главные трудности были впереди, он решил пресечь бунт в самом зародыше.

Однажды он созвал на своем корабле совет капитанов. Де Картагена, по обыкновению, позволил себе грубые выходки. Тогда Магеллан встал и, положив ему руку на плечо, воскликнул:

— Вы мой пленник!

Де Картагена пытался протестовать, громко просил других капитанов о помощи, но те сидели молча. Магеллан приказал арестовать его и посадить в колодки.

Однако позорное наказание родовитого вельможи вызвало брожение среди командиров, и Магеллан вынужден был освободить де Картагена, хотя отстранил его от должности и отдал под надзор капитану одного из кораблей.

Пробиваться вперед было очень трудно. Недалеко от берегов Африки встречный ветер упорно не пускал корабли на юг, и в середине ноября Магеллан круто повернул на запад, чтобы пересечь Атлантический океан в самом узком месте. Моряки его времени знали уже, что у берегов Южной Америки они не встретят тех противных ветров, которые обычно преграждали путь кораблям у африканского берега.

Вдоль берегов Южной Америки

«Эта страна бразильского дерева изобилует всеми хорошими вещами; она больше, чем Франция, Испания и Португалия, вместе взятые».

Антонио Пигафетта, «Путешествие и открытие Верхней Индии, совершенное мною, Антонио Пигафетта, винчентским дворянином и родосским кавалером».

Утром 8 декабря моряки увидели землю. Это была Бразилия. К вечеру корабли подошли к низменному, покрытому девственным лесом берегу. Ночь прошла беспокойно. Из лесу доносились какие-то голоса. На берегу мелькали огни. Люди на кораблях не спали. Командиры то и дело проверяли вахтенных.

Наутро Магеллан повел корабли вдоль берега, ища бухту, удобную для стоянки. Но справа все время тянулся негостеприимный, покрытый густыми зарослями берег, обрывавшийся к морю отвесными скалами. По-прежнему по ночам было тревожно. Томила жара. Иногда набегали дожди, но и они не приносили прохлады.

Наконец, 13 декабря перед моряками открылась самая красивая в мире бухта, в которой ныне расположен город Рио-де-Жанейро. Вся бухта была ограждена высокими горами, одетыми богатой тропической растительностью. Корабли Магеллана пришли в эту бухту в день святой Лусии. Это место назвали бухтой Санта-Лусия.

Португальские моряки хорошо знали побережье Бразилии. Еще в 1500 году Педральвареш Кабраль, который вел португальскую эскадру в Индию, обходя область встречных ветров, случайно открыл эту страну и объявил ее собственностью короля Португалии.

Туземцы Бразилии встречают европейский корабль. Гравюра XVI века.

Позднее португальские и испанские моряки неоднократно посещали бразильское побережье. Кормчий «Консепсиона», португалец Хуан Карвайо, прожил в бухте Санта-Лусия с 1507 по 1510 год. На корабле «Консепсион» плыл в качестве юнги десятилетний сын Карвайо от женщины бразильского племени тамажу.

В 1511 году португальский торговец Жоао да Брага обосновался на одном из островков бухты Санта-Лусия. Да Брага прожил на этом островке несколько лет. Он скупал у туземцев жемчуг, черное и бразильское дерево. Примеру предприимчивого торговца последовали другие его соотечественники, и в бухте Санта-Лусия завязалась оживленная и весьма прибыльная для португальцев торговля.

Магеллан приказал бросить якоря. На рассвете разразился тропический ливень. Потоки воды залили корабли. Магеллан распорядился опустить добавочные якоря. Но днем дождь кончился, и к кораблям стали подъезжать каноэ — длинные лодки, сделанные из целого ствола. На каждой каноэ было тридцать-сорок туземцев — нагих стройных людей, украшенных

яркими перьями попугаев и расписанных затейливыми узорами. Туземцы протягивали пришельцам живых попугаев, корзины ананасов и связки сушеной рыбы. Это были индейцы племени тамажу.

Хуан Карвайо, который говорил на местном наречии, тотчас же начал оживленную беседу с индейскими воинами. Он узнал от них, что дождь, причинивший такие беды морякам, лил в это утро впервые после двухмесячной засухи. Появление эскадры совпало с дождем, и туземцы видели в этом счастливое знамение. И действительно, все время пребывания Магеллана в бухте Санта-Лусия туземцы были очень приветливы, наперебой угощали моряков и даже построили для них большой шалаш, надеясь, что пришельцы погостят подольше.

Моряки думали, что все это — следствие удачного совпадения, но из отчетов других путешественников видно, что индейцы побережья Бразилии и Венесуэлы всегда встречали европейцев очень радушно. Лишь когда европейцы начали совершать ничем не оправдываемые жестокости и обращать в рабство туземцев, доверчиво приплывавших на корабли, отношение их к европейцам изменилось, и они стали встречать непрошеных гостей с оружием в руках.

В бухте Санта-Лусия Магеллан решил запастись продовольствием и позволил морякам завести с туземным населением меновую торговлю. Хуан Карвайо предупредил товарищей, что индейцы не знают настоящей цены и поэтому их легко обмануть. Чтобы моряки не «портили торговли» друг другу, Карвайо составил даже маленькое руководство для обмена с туземцами и указал, сколько индейских товаров следует брать за нож, зеркало, кусок красной материи и другие испанские товары.

Быстро наладился обмен. Индейцы и на самом деле не знали цены своим товарам. За гребенку они давали двух гусей, за крючок для рыбной ловли или за нож — пять или шесть кур, за маленькое зеркальце — десять-двенадцать попугаев или целую корзину рыбы, которой хватило бы для обеда десяти испанцам.

Португальцы, неоднократно посещавшие бухту Санта-Лусия, всегда старались раздобыть рабов, и поэтому индейцы считали, что рабы — лучший товар для европейцев. Во время стоянки эскадры Магеллана в бухте индейцы неоднократно предлагали юношей и девушек в обмен на топор или большой нож.

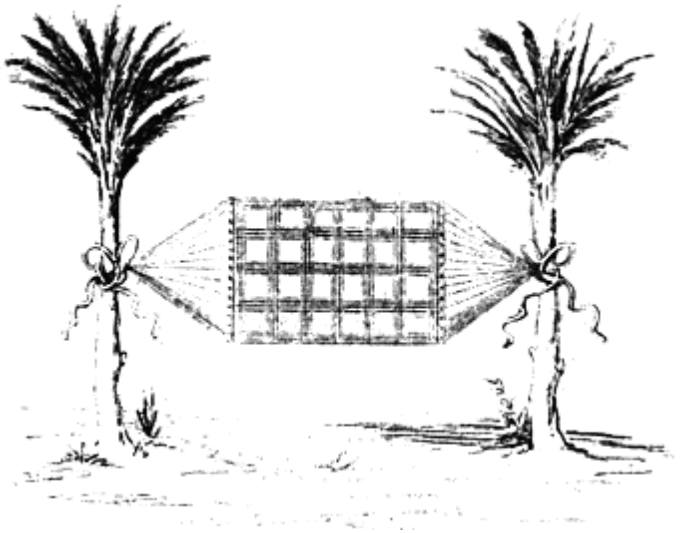
Но Магеллан под угрозой смертной казни запретил покупку рабов. Хотя моряки запаслись свежим мясом, фруктами и рыбой в Бразилии, но этой провизии надолго не могло хватить, к тому же она могла быстро испортиться. А впереди предстоял долгий путь, и каждый лишний рот был очень нежелателен. Кроме того,

Магеллан знал, что португальцы объявили Бразилию своей собственностью, и хорошо помнил, как испанские чиновники настойчиво советовали ему не нарушать португальских прав в тех странах, которые бесспорно принадлежали королю Маноэлю.

Собрав всех капитанов, командир еще раз напомнил им о строжайшем запрете покупать рабов и велел выменивать только провизию, и как можно больше.

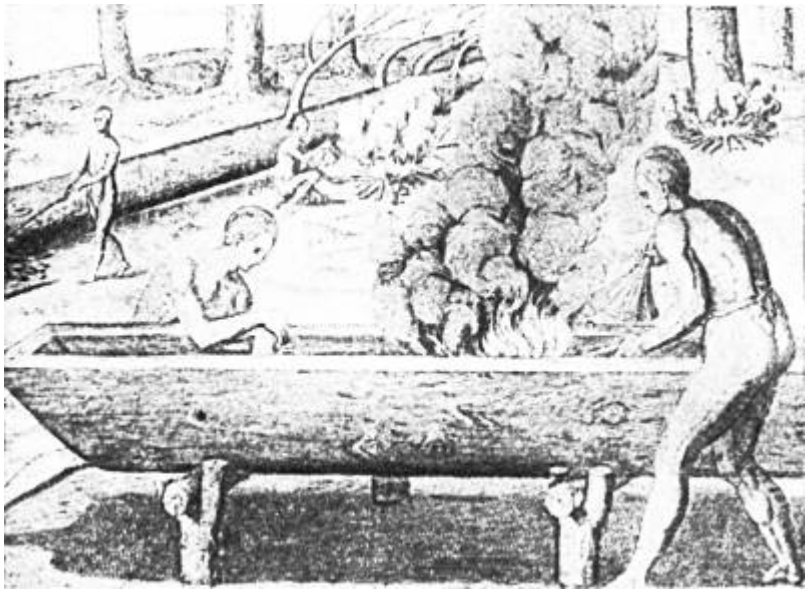
Все увлеклись выгодным обменом. Даже осторожный Антонио Пигафетта не выдержал и поехал на берег, взяв с собой колоду карт. За бубнового короля он получил шесть кур.

Пигафетта осмотрел селение бразильцев и увидел много нового. Туземцы жили в огромных шалашах, вмещавших зачастую до ста семей. Они спали в удобных подвесных сетках, очень заинтересовавших европейцев. Пигафетта даже выменял себе такую сетку и записал ее туземное название — «гамак».



Изображение гамака в книге 1534 года.

На берегу лежали длинные каноэ. В одном месте несколько воинов возились у большого бревна. Они накладывали на бревно раскаленные угли и соскабливали затем каменными скребками обгоревшее и сделавшееся более податливым дерево. Так индейцы делали новую лодку.



Бразильцы делают лодку, выжигая сердцевину ствола дерева и выдалбливая образующийся уголь. Гравюра XVI века.

Воины племени тамажу занимались лишь охотой, рыбной ловлей и строительством лодок. Вся остальная работа лежала на женщинах.

Через несколько дней после прихода эскадры в бухту Санта-Лусия главный астроном экспедиции Андрес Сан-Мартин решил определить местоположение бухты.

Долго наводил он тяжелую и неуклюжую астролябию на звезды и луну. С большим трудом Сан-Мартин определил высоту Юпитера и Луны, но в альманахе-справочнике, где приводилась высота главнейших светил в разное время года и суток, оказалась опечатка. Сан-Мартину так и не удалось определить точное местоположение бухты Санта-Лусия.

Индейцы по-прежнему были приветливы. Карвайо часто разговаривал с ними. Как-то во время беседы он рассмеялся и позвал командира. Оказывается, индейцы были уверены, что корабли — живые существа, а лодки — их дети, которые днем плавают, а к ночи собираются к кораблям, чтобы те кормили и защищали их.

Бразильцы на лодках. Гравюра 1563 года.

Однажды командиру доложили, что исчез Дуарте Барбоса. Магеллан велел искать его в селении бразильцев и соседнем лесу, но поиски были тщетными. Все думали, что веселый португалец погиб.

Прошло три дня, и Дуарте, невредимый, но очень смущенный, явился на корабль. Его одежда была сильно потрепана, а вместо плаща на нем болталась странная накидка из ярких птичьих перьев.

Оказывается, Дуарте, верный своей привычке к бродяжничеству, как-то утром потихоньку ушел с корабля. Он присоединился к отряду индейцев, направлявшемуся в горы. Барбоса мог объясняться со своими спутниками только знаками, но, по его словам, превосходно провел время, видел немало интересного и завел много друзей.

Дуарте принял участие в ночной охоте на тапира, которого индейцы называли «ант». Воины тамажу уже пять дней выслеживали чуткое и осторожное животное и выяснили в конце концов, по какой тропинке тапир ходит на водопой. Каменными заступами (индейцы тамажу не знали металла) воины вырыли глубокую западню, укрепили на дне ее заостренный кол и покрыли яму сверху ветвями и землей.

Целую ночь Дуарте со своими новыми друзьями молча просидел в засаде. Под утро раздался шум и крик раненого зверя. Индейцы зажгли факелы и бросились к западне. Копьями они убили тапира, подвесили на шесте и с торжеством притащили в селение. Тушу убитого животного подарили испанцам. Пигафетта

пишет, что мясо анта напоминает говядину.

Дуарте с удовольствием рассказывал о своих похождениях, все кругом смеялись, а первым хохотал сам рассказчик. Но иначе отнесся к его поступку командир. На кораблях было неспокойно. Малейшее ослабление дисциплины могло повести к мятежу. И, хотя его сильно огорчало, что виновником оказался его лучший друг, Магеллан решил наказать Дуарте. Он велел заковать его в цепи на пять дней. Барбоса не пытался оправдываться. Даже с кандалами на руках и ногах он не изменил себе. По-прежнему он был в прекрасном настроении, по-прежнему в его уголке на палубе толпились слушатели, и оттуда раздавались громкие раскаты хохота.

Перед отъездом из бухты Санта-Лусия Магеллан снял Антонио де Кока, назначенного им ранее вместо арестованного Хуана де Картагена, с поста капитана «Сан-Антонио». Капитаном корабля стал племянник командира Альваро де Мескита, который до сих пор плыл на «Тринидаде» в качестве запасного.

Магеллан объяснил это перемещение тем, что нельзя совмещать в одном лице посты капитана и контролера. Но недовольные офицеры видели в назначении Альваро де Мескита желание командира поставить своего человека во главе «Сан-Антонио». Смещенный с поста капитана, Антонио де Кока примкнул к группе недовольных. Каждый из них старался сеять среди команды недовольство; исподволь распространяя тревожные слухи, и вербовал новых сторонников.

Корабли провели в бухте, где теперь стоит город Рио-де-Жанейро, тринадцать дней.

Утром 27 декабря эскадра пошла дальше.

В те дни, когда можно было попадать с корабля на корабль на лодках, кормчие вели эскадру по очереди, находясь на флагманском корабле. 28 декабря дежурным кормчим был перешедший с «Виктории» Хуан Карвайо. В этот день чуть было не произошло несчастья. Дул свежий ветер. Корабли все время относило к берегу. Море было неспокойно. Огибая скалистый мыс, Карвайо не рассчитал силы ветра и слишком круто повернул руль. Корабль понесло к берегу — туда, где пенился среди огромных черных камней прибой. Лишь находчивость кормчего Эстебана Гомеса спасла флагманский корабль. Оттолкнув растерявшегося Карвайо, Гомес всем телом налег на штурвал и крикнул, чтобы убрали почти все паруса. Корабль резко изменил курс. От толчка многие попадали, но «Тринидад» был спасен.

Потом стали дуть попутные ветры. Эскадра шла на юг, причем Магеллан все время старался не упускать землю из виду. Вновь потянулись томительные, душные дни. Скоро свежие

припасы, добытые в Бразилии, были съедены, и экипажу опять пришлось перейти на сильно попорченные запасы, взятые в Испании.

На кораблях росло недовольство. Кое-кто распускал зловещие слухи о том, что провизия на исходе, что на корабли намеренно погрузили плохие продукты. Моряки стали роптать.

Ночью, когда корабли тихо скользили по спокойному морю, моряки разглядывали чужое небо. Знакомые звезды давно исчезли, ушла за горизонт Полярная звезда — надежный путеводитель в морских странствованиях. На небе сияли неведомые созвездия.

В эти ночные часы моряки часто обсуждали положение дел. Они говорили шепотом о том, что никто, кроме Магеллана и его друзей, не знает, куда плывут корабли; о том, что слишком много иноземцев взял с собой командир в плавание и всюду отдает им предпочтение, заставляя подчиняться им первоклассных испанских моряков. Пополз даже слух, будто бы Магеллан затеял всю эту экспедицию по уговору с португальским королем и собирается загубить или предать португальцам испанских моряков и корабли короля Карлоса.

Недовольные офицеры с каждым днем усиливали свою предательскую работу. Когда им приходилось ограничивать моряков в еде и питье, вводить строгости или налагать взыскания, они всячески давали понять, что делают это против своей воли, по приказу Магеллана, и что, будь они подлинными хозяевами, жизнь на кораблях была бы намного лучше.

11 января 1520 года на рассвете кормчий «Тринидада» увидел, что пустынный берег круто заворачивает на запад. Корабли замедлили ход. Капитан и кормчие съехались на «Тринидад».

Магеллан развернул карты. После долгих совещаний моряки убедились, что корабли стоят у входа в реку, которую мы называем Ла-Платой.

Магеллан сказал морякам:

— В 1515 году славный моряк Хуан де Солис поплыл на поиски того пролива, который ищем мы. Он плыл вдоль берега так же, как плыли мы, и в 1516 году добрался до этих мест. Высадившись на берег, де Солис объявил эту землю достоянием испанской короны. Но де Солис не успел исследовать окрестности: местные жители вступили в бой с высадившимися испанцами. Одним из первых пал де Солис, а презренные спутники его позорно бежали на корабли, оставив тела командира и других своих товарищей в руках врагов.

— Правда ли, что дикари тут же растерзали и съели убитого

де Солиса? — спросил Альваро де Мескита. — Мне так говорили бывалые моряки в Севилье.

Магеллан ответил:

— Я знал многих участников плаваний де Солиса. Стремясь разузнать все, что могло быть полезным нам, я подолгу беседовал с ними. Они мне рассказали, что де Солис был убит странным оружием. Туземец издалека бросил два каменных шара, соединенных между собою длинным тонким ремнем. Со страшной силой обернулись шары вокруг ног де Солиса, ремень опутал его, и он упал на землю, а дикари, подбежав к нему, добили его копьями.

— Вместе с де Солисом погибло много его товарищей. Вот все, что известно про смерть этого замечательного моряка, — закончил Магеллан. — Но никто из моих собеседников никогда не говорил, что их командира съели у них на глазах.

Он помолчал и потом добавил:

— Во время стоянки в бухте Санта-Лусия многие забыли дисциплину. Судьба де Солиса должна служить нам предостережением. Мы попали в места дикие и опасные. Надо, чтобы все были осторожней. Надо запретить морякам сходить на берег в одиночку или небольшими группами. Придется посылать за водой и дровами вооруженные отряды. Пока одни будут работать, другие должны их охранять.

Капитаны разъехались на свои корабли, с тем чтобы к полудню двинуться далее в устье реки. Но внезапно налетела буря. Темные тучи скрыли берег из виду. Забарабанил косой дождь. Сильный шквалистый ветер погнал корабли обратно на север. Буря длилась до глубокой ночи. С большим трудом удалось закрепить якоря.

Утром, когда ветер стих, корабли снова подошли к берегу.

Берег был песчаный и низменный. Лишь вдалеке возвышались три холма. Моряки сначала приняли их за острова, потому что серый берег издали казался водной поверхностью. Самый высокий холм моряки назвали «Монте Види», — теперь там стоит столица Уругвая, город Монтевидео.

Эскадра стала медленно и осторожно входить в устье реки. Впереди шел самый маленький корабль «Сант-Яго». На носу его стоял матрос и все время мерил дно.

Река становилась все мельче.

Корабли пошли еще медленнее.

В полдень один из моряков «Сант-Яго» опустил на веревке кружку и зачерпнул воды. Он осторожно глотнул, лицо его просияло, и он залпом выпил всю кружку.

— Пресная! — хрипло закричал он.

— Пресная вода! — эхом пронеслось по кораблям. Моряки засуетились. Повсюду спускали в воду кружки и ведра и жадно пили свежую пресную воду.

Корабли были в устье реки. Ла-Плата катила им навстречу свои желтовато-серые воды. Дул северный ветер, и по реке ходили пенящиеся волны. Корабли шли недалеко от северного берега. Другого берега не было видно. Магеллан приказал бросить якоря у подножия Монте Види.

Вечером на «Консепсионе» случилось несчастье. Капитан приказал юнге Гильомо де Лоле зачерпнуть пресной воды. Мальчик низко нагнулся через борт корабля, вытягивая тяжелое ведро. Раздался треск. Гнилая доска бортовой обшивки сломалась, и Гильомо упал в воду. Тотчас же спустили лодки, но найти юнгу не удалось. Очевидно, его затянуло под корабль.

Утром священник спел заупокойную молитву, а писец составил опись несложного имущества юнги. Его камзол, старенькая шпага и маленький сундучок с одеждой поступали на хранение к писцу; по окончании плавания нужно было переслать все это в Валенсию, где жила старая мать погибшего.

Днем опять созвали совет. Было решено обследовать окрестные места. Магеллан поплыл на «Сан-Антонио» к югу. Хуана Серрано он послал на «Сант-Яго» к западу вдоль берега. Остальные три корабля остались у Монте Види.

Через два дня Магеллан вернулся. Он добрался до противоположного (южного) берега. Вода всюду была пресная, и Магеллан понял, что нечего и надеяться на то, что здесь можно найти пролив. Он знал теперь, что это широкое устье большой и многоводной реки. Он назвал ее рекой Солиса.

«Сант-Яго» отсутствовал две недели. Смелый Серрано забрался на своем маленьком суденышке далеко вверх по реке, но и он не нашел ничего примечательного — берега всюду были низменны и пустынны. Кое-где виднелись дымки, но людей он не встретил.

Зато к кораблям, стоявшим у Монте Види, Туземцы явились сами. Однажды ночью вахтенный «Консепсиона» поднял капитана Гаспара де Кесада с постели и тихо сказал ему, что на корабль явился туземец. Кесада выбежал наверх. В самом деле, на корабле стоял освещенный яркой луной человек, закутанный в шкуру. Его каноэ была привязана к рулю.

Обрадованный Кесада подарил пришельцу красную рубашку и начал с помощью жестов беседу. Но туземец не сумел ничего сообщить толком и скоро уехал. Правда, Кесада уверял потом, будто туземец рассказал, что на берегах этой реки много серебра. Индейцу действительно показали серебряную тарелку, и он стал

улыбаться и почему-то показывать на берег. Что он имел в виду — неизвестно, но Кесада, который не упускал случая восстановить экипаж против Магеллана, заявил морякам, что следовало бы остаться в этих местах и хорошенько разузнать про богатейшие россыпи серебра, о которых говорил туземец, а не продолжать плавание в погоне за несуществующим проливом.

Интересно отметить, что это недоразумение послужило причиной тому, что и река и вся страна получили название «Серебряной» (Ла-Плата — Серебряная по-испански, Аргентина — Серебряная по-латыни).

На самом деле серебра на берегах Ла-Платы нет, а слитки серебра, о которых упоминают некоторые спутники Магеллана, попали, по-видимому, к туземцам, жившим на берегах Атлантического океана, с далекого запада — из Перу.

Через несколько дней на берегу показалось много индейцев. Испанцы решили раздобыть пленных, чтобы расспросить об их земле. Они поехали к берегу на трех шлюпках. Но берег был топкий, одетые в тяжелые доспехи моряки вязли в черной грязи по колено. Когда они выбрались, наконец, на сухое место, индейцы уже были далеко. Испанцы пытались догнать их, но индейские воины быстро скрылись из виду, и уставшие, грязные и злые моряки вернулись на корабли.

4 февраля Магеллан приказал поднять якорь. Между тем на «Сан-Антонио» открылась течь. Пришлось провозиться два дня, и лишь 6-го корабль был готов к плаванию. Поплыли дальше на юг.

Становилось холоднее. Кончалось лето южного полушария. Магеллан стал думать о зимовке. Берег понемногу менялся. Исчезли песчаные отмели, появились обрывы, а потом и скалистые кручи. Стали попадаться островки.

13 февраля «Виктория», шедшая впереди, налетела на подводную гряду, но, проскрипев килем о камни, корабль продолжал свой путь. Это происшествие заставило Магеллана принять меры предосторожности. Он отвел корабли подальше от опасного побережья. Несколько дней моряки не видели берегов. Но скоро командир решил, что, идя в открытом море, можно пройти мимо пролива, не заметив его. 22 февраля он повернул обратно на север и потом, подойдя к берегу, вновь пошел вдоль побережья.

24-го корабли вошли в глубокий залив Сан-Матиас. Этот залив был крайней точкой, до которой добралась португальская экспедиция 1513 года. Участники экспедиции не смогли до конца обследовать залив Сан-Матиас. Но Магеллану удалось тщательно изучить его берега. Генуэзский кормчий Леон Панкальдо[54], участник плавания Магеллана, писал о желании командира

убедиться, что здесь «нет прохода, ведущего к Молуккским островам».

Пролива не нашли, хороших якорных стоянок не было. Магеллан повел корабли дальше.

Здесь начинались неизвестные земли. Никогда еще корабли не бороздили этих вод. Согласно договору в Тордесильясе, эта страна находилась в испанской половине земли. Поэтому Магеллан с особой тщательностью исследовал и наносил на карту берега. Между тем недовольство на кораблях возрастало. Два раза моряки думали, что близок пролив — в устье Ла-Платы и в заливе Сан-Матиас. Оба раза их ждало разочарование.

Начались осенние бури. Однажды шторм на три дня разлучил корабли.

Магеллан решил раздобыть свежего мяса. С кораблей часто видели на мелких островах тюленей. Командир послал на охоту шесть моряков на лодке.

Они высадились в маленькой бухте среди скал. Тюлени, никогда не видевшие людей, не боялись их, и испанцы перебили множество животных.

Увлекшись удачной охотой, они не заметили, как стемнело. Началась непогода. Моряки не смогли столкнуть в воду лодку, доверху нагруженную тушами.

Настала ночь.

Утром обеспокоенный Магеллан послал Дуарте Барбоса на выручку. Дуарте добрался до бухточки, но там не нашел товарищей. Моряки начали кричать. Испуганные тюлени с громким плеском попрыгали в воду.

После долгих поисков Барбоса нашел шестерых охотников под скалой. Они совершенно окоченели от холода.

Пора было думать о зимовке. Стали присматривать подходящую бухту. Однажды моряки увидели бухту с узким входом и ввели корабли в эту бухту, чуть было не ставшую местом гибели всей эскадры. Начался шторм, бушевавший шесть дней. По берегам бухты не было гор, которые могли бы служить защитой от ветра. Пройти во время бури через узкий выход в море нечего было и думать. В первый день стоянки в бухте Магеллан послал на берег лодку за водой и дровами. Буря помешала лодке вернуться на корабль, и моряки шесть дней прожили под опрокинутой лодкой на берегу, питаясь сырыми ракушками.

Прощаясь с негостеприимной бухтой, испанцы прозвали ее «Бухтой тяжелой работы».

Бунт

> «Мое решение твердо: я лучше испытаю самые тяжкие лишения, чем с позором поверну обратно в Испанию. Я верю, что мои товарищи и, во всяком случае, те, в коих еще не умер благородный дух испанцев, согласны со мной».
>
> *Из речи, которую Магеллан произнес в бухте Сан-Хулиан за день до мятежа.*

Наконец, 30 марта 1520 года Магеллан обнаружил под 49°30′ южной широты удобную бухту и решил провести здесь зиму. Он был поражен сходством этого места с бухтой Сао-Жулиау-да-Барра на правом берегу реки Тежу в Португалии. Поэтому бухту эту назвали «Сан-Хулиан» (испанское произношение португальского слова «Сао-Жулиау»).

Начиная зимовку, Магеллан распорядился о новом сокращении рациона. Это была правильная мера, — командир не знал, есть ли на этой земле дичь, а впереди была продолжительная и суровая зимовка. Но моряки стали открыто выражать свое недовольство.

По словам секретаря Карлоса I, Максимилиана Трансильванского[55], Магеллан «уже тогда решил, что умрет или доведет до конца задуманное предприятие».

Командир не задумался бы ни перед чем, чтобы заставить моряков пойти вперед. Но он хотел в последний раз поговорить с ними, попытаться увлечь их на новые подвиги.

Утром 31 марта; после того, как корабли встали на якоря в бухте Сан-Хулиан, Магеллан велел всем участникам экспедиции собраться на песчаном берегу.

Выйдя вперед, он спросил:

— Чем вы недовольны, друзья? Говорите смело!

В ответ моряки загудели. Все говорили сразу, перебивая и заглушая друг друга:

— Почему сократили паек?.. Голодом хотите уморить!.. Никакого пролива нет, и нечего его искать! Я старый пес и все посвисты знаю!.. Два раза нам говорили, что мы у входа в пролив!.. Все это оказалось пустыми бреднями!.. Мне меченой кости не подкинешь… Сами кушаете и вареное и жареное… Ясно, что страна эта тянется до полюса… Мы уже на своей шкуре почувствовали суровость зимы… Голод еще ждет нас впереди… Кончится тем, что погибнут и корабли и люди, а они важнее всей

гвоздики и пряностей Молуккских островов… Король не посылал нас добиваться невозможного, он послал нас в жаркие страны, где золото и пряности, а если корабли пойдут дальше, то вся эскадра погибнет у этих суровых берегов, и мы все умрем без покаяния… Сулят награды, а о наградах нечего и думать… Награды дают тем, кто совершит открытие, а что открыли мы, кроме песка, камней и воды! Да что говорить о наградах, надо убираться отсюда подобру-поздорову, пока нас не застала зима… Нечего нам кошку за зайца продавать… Растают наши награды, как соль в воде… Нечего ждать, сидя здесь, пока на дне моря груши вырастут…

Магеллан молча ждал, пока прекратятся эти крики, затем заговорил тихим, но внятным голосом [56]:

— Друзья! Я хочу говорить с вами, не преувеличивая хорошего и не преуменьшая дурного. Я не могу вернуться и не вернусь! Мы будем плыть до тех пор, пока не кончится эта земля или пока мы не доберемся до пролива. Сейчас мы не можем двигаться вперед — против нас зима с ее холодами и бурями. Что ж делать! Переждем! Не скрою — зимовать будет трудно, но можно найти способы противостоять голоду и суровости зимы. Вокруг много дерева, в море ракушки и множество рыбы. Как будто встречается здесь и дичь. Ручьи есть — значит будет хорошая вода. Ни в хлебе, ни в вине не будет недостатка, если мы только будем есть и пить столько, сколько нужно для здоровья, и не допускать излишеств. Кто-то крикнул здесь, что я устраиваю пиры. Спросите тех ваших товарищей, которые плывут на одном со мной корабле, и они скажут вам, что я ем то же, что ест каждый матрос. Здесь говорили о наградах. Если вы заслужите награды — вы получите их. Правильно говорят: «Каждый из нас — сын своих дел». А что делали вы достойного преклонения до сих пор? Что могло бы оправдать ваше возвращение на родину?

Помните, ведь португальцы, плывя на восток, в Индию, неоднократно спускались на 12° южнее тропика Козерога. Правда, вы спустились еще на несколько градусов южнее. Но неужели это такой подвиг? Придется перенести гораздо больше трудностей, но тем выше награды, которые ждут вас. Что дешево обходится — мало ценится, говорят старики. Я советую вам потерпеть до конца зимы, там посмотрим. Летом в этих широтах плавать очень легко. Если мы попадем еще дальше на юг, все лето будет сплошным днем. Не забывайте: усердие — мать успеха.

Да будет вам известно, что мое решение твердо: я лучше испытаю самые тяжкие лишения, чем с позором поверну обратно в Испанию. Я верю, что мои товарищи и, во всяком случае, те, в коих еще не умер благородный дух испанцев, согласны со мной.

Магеллан кончил. Моряки молча разошлись по кораблям.

Командир думал, что он убедил своих товарищей, но он не учитывал разлагающей деятельности Картагены, Кесады и других заговорщиков.

Вернувшись на корабли, предатели продолжали свою работу. Они нашептывали морякам: «Хорошую он нам свечу отлил! Можно подумать, что он преданный слуга короля. Но мы по шерстинке узнаем овечку! Слышали, как он говорил? Пока говорил спокойно — ничего, а как разгорячился, сразу стало ясно, что он до сих пор не научился чисто говорить по-испански! Он португалец и, чтобы умилостивить короля Маноэля и вымолить разрешение вернуться на родину, завлек наши корабли сюда — в страну холода и штормов. Если даже корабли вернутся домой, открытие Молуккских островов испанцами задержится на два-три года, а за это время там укрепятся португальцы! Нечего с ним разговаривать! Надо заставить его повернуть обратно! Не проси добром того, что можешь взять силой!»

Заговорщики не ограничивались этим. Они тщательно вербовали тех, на кого могли положиться, подсказывали им план действий, намечали сторонников Магеллана, чтобы в самом начале мятежа обезвредить их.

1 апреля был первый день пасхи. На берегу состоялась церковная служба. После службы Магеллан позвал командиров обедать, но Кесада и Мендоса под предлогом болезни отказались присутствовать на церковной службе и не явились к обеду на флагманский корабль. Серрано был занят, и, Магеллан обедал со своим племянником Альваро де Мескита.

Обед прошел в молчании. Командир поглядывал на пустые приборы на столе и думал о том, что мятеж зреет, что пора, пожалуй, принимать меры, что завтра, быть может, будет поздно. Но он не мог выступить первым: пока еще явного неповиновения не было. Если он начнет, его недруги скажут, что никакого заговора не было, что Магеллан лишь придумал все, чтобы избавиться от неугодных людей.

Магеллан решил дождаться первого удобного случая и нанести решительный удар.

Но ждать пришлось недолго. В ночь на 2 апреля разразился бунт.

В полночь, пользуясь темнотой, от «Консепсиона» отчалила лодка и тихо подошла к «Сан-Антонио». На борт поднялись Гаспар де Кесада, Хуан де Картагена, Себастиан Эль-Кано и тридцать вооруженных моряков. На вахте стояли сторонники заговорщиков. Мятежникам удалось без шума пробраться на корабль, поставить своих людей у руля и у колокола.

Хуан де Картагена и Гаспар де Кесада с обнаженными

шпагами вошли в каюту капитана Альваро де Мескита, грубо разбудили его и приказали связать. Сопротивление было бесполезно. Капитана и кормчего Мафра заковали в кандалы и заперли в каюте, приставив стражу.

Шум разбудил шкипера Хуана де Лориага. Выбежав на палубу и увидав вооруженных людей с факелами, де Лориага громко спросил, в чем дело, Альваро де Кока, присоединившийся к мятежникам, крикнул ему: «Долой иноземцев, да здравствует король и Кесада!»

Но верный баск отказался примкнуть к бунтовщикам.

— Именем бога и короля дона Карлоса я приказываю вам вернуться на ваш корабль! — закричал он. — Теперь не время разгуливать по кораблям с вооруженными людьми! Освободите нашего капитана.

Его никто не слушал. Тогда, увидев выбежавшего на шум старшего боцмана Диего Эрнандеса, он закричал:

— Эрнандес! Поднимай всех наверх! К оружию! К оружию!

— Неужели мы должны потерпеть неудачу из-за этого дурака! — крикнул Кесада, бросился к баску и ударил его несколько раз кинжалом. Шкипер упал. Другие заговорщики напали на Диего Эрнандеса, сбили его с ног и связали.

Все произошло так быстро и неожиданно, что устрашенная команда не оказала сопротивления. Лишь три матроса — Антониу Фернандеш, Франсиско Родригес и Диего Диас — пытались сопротивляться. Но с ними легко справились и, заковав в кандалы, заперли в каюте.

Обыскав команду и отобрав оружие у тех, кому не доверяли, бунтовщики заперли оружие в каюте Альваро де Кока. Себастиан Эль-Кано принял меры для охраны судна: он велел привести в боевой порядок артиллерию, очистить от лишних вещей палубу и усилить караулы. Корабль был готов к бою. Чтобы задобрить матросов, бунтовщики взломали склады и стали раздавать вино и провизию из неприкосновенного запаса, хранившегося на случай крушения.

Толстый, обливающийся потом священник, отец Педро де ла Рейна, произнес проповедь перед мятежниками. Он призывал к расправе над Магелланом.

Мятежникам удалось также овладеть «Викторией», капитаном которой был заядлый враг Магеллана — Луис де Мендоса. Но на «Виктории» бунтовщики сначала натолкнулись на серьезное сопротивление. Лишь с помощью своих сторонников с «Консепсиона» и «Сан-Антонио» они осилили и перевязали верных Магеллану моряков.

Захват кораблей был осуществлен быстро и неслышно, под

покровом ночи, и Магеллан ничего не подозревал.

Настало утро 2 апреля. Магеллан поднялся на палубу и осмотрел бухту. Казалось, ничего не изменилось. Всюду было тихо. Все корабли были на своих местах. Командир послал на «Сан-Антонио» лодку с приказанием выделить людей для поездки за водой. Когда лодка подошла к «Сан-Антонио», сверху раздался окрик: «Стой! Не подходи ближе! Будем стрелять!»

Моряки с «Тринидада» спросили, что случилось. Им крикнули, что корабль теперь подчинен Кесаде, а приказаний Магеллана никто слушать не будет.

— За кого же вы? — спросили с лодки.

— За короля и Кесаду, — был ответ.

Лодка вернулась на «Тринидад». Магеллан понял, что мятежники его опередили. Угроза краха всех его планов встала перед ним. Он решил действовать, не медля ни мгновенья. Он послал лодки к другим кораблям, приказав спросить, за кого экипаж этих судов. На «Консепсионе» ответили: «За короля и де Картагена»; на «Виктории»: «За короля и Мендосу». Лишь маленький «Сант-Яго», которым командовал старый друг Магеллана Хуан Серрано, остался верным командиру.

В это время к флагманскому кораблю пришла лодка с «Сан-Антонио». На борт поднялся Луис да Молино, телохранитель Кесады. Не снимая шлема, он подошел к командиру и дерзко сунул ему в руку письмо от Кесады. Предводитель мятежников писал, что он захватил судно, надеясь предотвратить этим в дальнейшем дурное обращение Магеллана с офицерами. Но, если Магеллан согласится на их требования и прежде всего даст распоряжение о возвращении в Испанию, восставшие готовы признать его власть.

— Поторопитесь с ответом, пока мы хотим вести переговоры, — вызывающе сказал Молино. — Пользуйтесь нашей снисходительностью. Потом заговорят пушки.

Лицо Магеллана потемнело. Но он промолчал. Написав несколько слов на клочке бумаги, он отдал записку бунтовщику, добавив, что ждет ответа. Он сообщал, что согласен на переговоры, и звал Кесаду приехать на «Тринидад». Молино, не поклонившись, покинул корабль. Лодка поспешила к «Сан-Антонио».

Магеллан стоял на палубе и смотрел на мятежные корабли. Подчиниться их требованиям и вернуться назад… Вернуться с позором, вернуться неудачником, вернуться пленником мятежников… Снова пыльные улицы Севильи, снова приемные высоких особ… С Португалией покончено, а в Испании кто доверит ему хотя бы один корабль после такого бесславного

плавания? И его мечта, которой он отдал все, ради которой он бросил родину, претерпел тысячи унижений, невзгод и лишений, его мечта о новых просторах, о кругосветном плавании, о новых великих путях так и не осуществится!

Нет, лучше смерть, чем возвращение. Только победителем он может вступить на набережную Севильи. Надо, не останавливаясь ни перед чем, задушить мятеж…

Задача тяжелая… С ним «Тринидад» и маленький «Сант-Яго». У бунтовщиков три корабля. Однако и на «Тринидаде» многим морякам доверять нельзя.

Но не в первый раз перед ним вставала неожиданная опасность. Действовать надо было во что бы то ни стало. И Магеллан начал действовать.

Скоро пришла лодка с ответом Кесады. Бунтовщик прямо писал, что не хочет попасть в ловушку и на «Тринидад» не поедет. Переговоры он будет вести лишь на «Сан-Антонио». Пусть Магеллан сам явится туда.

Прочтя письмо, Магеллан приказал задержать лодку с «Сан-Антонио».

— Сдавайтесь или вы будете потоплены. Пушкарь держит лодку под прицелом, и фитиль горит в его руке, — раздался голос с «Тринидада».

Команда лодки сдалась и была перевязана.

Тогда командир позвал к себе судью Гонсало Томеса де Эспиноса и сказал ему:

— Сеньор Эспиноса, возьмите проверенных матросов и отправляйтесь на «Викторию». Пусть ваши люди спрячут оружие под одежду. Передайте это письмо Луису де Мендоса — в нем я требую, чтобы капитан «Виктории» немедленно явился на «Тринидад».

— А если он откажется, сеньор командир? — спросил Эспиноса.

— Тогда сделайте так, чтобы он не мог нам вредить, — спокойно и внятно промолвил Магеллан.

Эспиноса молча поклонился.

Судья в точности выполнил приказание командира. Явившись с шестью матросами на «Викторию», он передал мятежному капитану письмо командира. Мендоса прочел письмо, насмешливо поклонился судье и отказался ехать на «Тринидад». Тогда Эспиноса, быстро шагнув вперед, ударил капитана в горло кинжалом, а один из его спутников раскроил череп Мендосы мечом.

Переступив через умирающего, судья крикнул:

— Так мы поступим со всеми мятежниками. Пощады не

ждите. Сдавайтесь сейчас! Потом будет поздно!

Сторонники убитого готовы были броситься на смельчака, заколовшего их капитана, но с другого борта раздался спокойный голос:

— Обернитесь, дети мои!

Вдоль борта стояли Дуарте Барбоса и пятнадцать моряков с «Тринидада». Воспользовавшись тем, что на «Виктории» все собрались у правого борта около Мендосы, чтобы послушать, как он будет говорить с посланцем Магеллана, Дуарте вместе с группой преданных моряков подошли на лодке к левому борту «Виктории», взобрались на корабль и теперь держали бунтовщиков под прицелом аркебуз и пищалей.

— Кладите оружие! — сказал Барбоса. — Вам его дали для борьбы с врагами, а вы подняли его против командира. Сопротивляться не стоит. Кто сделает шаг — будет убит.

Бунтовщики побросали оружие. Барбоса, приказав арестовать вожаков, освободил запертых сторонников Магеллана, поставил стражу у руля, капитанской каюты и склада оружия, поднял штандарт Магеллана и повел корабль к выходу из гавани. Туда же подтянулись «Тринидад» и «Сант-Яго».

Теперь соотношение сил резко изменилось в пользу Магеллана. У него было три корабля, и он держал в своих руках вход в гавань. Магеллан предложил мятежникам сдаться. Те отказались. Магеллан понял, что они попытаются ночью пробиться в открытое море. Он стал готовиться к бою.

Палуба «Тринидада» была очищена от ящиков, канатов, снастей и других горючих предметов. Магеллан приказал привести в боевую готовность все огнестрельное оружие, копья, метательные камни, мечи и проверил, все ли в порядке на палубе и в трюмах. Вахта была удвоена. Вахтенным были выданы добавочные порции еды и дан строжайший приказ следить за мятежными кораблями.

Настала ночь. На всех кораблях горели огни. Магеллан не сходил с кормовой башни. После полуночи моряки «Тринидада» увидели «Сан-Антонио». Мятежный корабль подошел к выходу из бухты. На кораблях Магеллана все было готово к битве. Пушкари с зажженными фитилями стояли у бомбард, стрелки держали на прицеле аркебузы и арбалеты[57]. У борта стояли с абордажными крючьями в руках и с кинжалами в зубах бойцы, готовые по первому сигналу спрыгнуть на палубу мятежного судна и вступить в рукопашный бой. «Сан-Антонио» быстро приближался. На корме стоял Гаспар де Кесада с копьем и щитом в руках.

— В бой на врага! — крикнул он, но никто не двинулся с места.

В это время раздался залп из больших бомбард «Тринидада», абордажные крючья вцепились в борт «Сан-Антонио», и моряки «Тринидада» попрыгали на корабль Кесады. С другого борта бросились на абордаж моряки «Виктории» во главе с Дуарте Барбоса. Но мятежники почти не оказали сопротивления.

— За кого вы? — крикнул Магеллан.

— За короля и за вашу милость! — отвечали с «Сан-Антонио».

Кесада и его ближайшие сторонники были тут же схвачены, а арестованные мятежниками Мескита, Мафра и другие верные Магеллану моряки выпущены на свободу.

Утром Серрано подошел на лодке к «Консепсиону» и потребовал немедленной и беспрекословной сдачи. Мятежники безропотно подчинились, и Хуан де Картагена был в кандалах доставлен на «Тринидад».

Мятеж был подавлен. Начался суд. По словам португальского историка XVI века Гаспара Корреа, «император дал Магеллану право ножа и веревки над всеми участниками армады».

Но Магеллан не взял на себя решения судьбы заговорщиков и поручил ведение суда главному судье эскадры — Гонсало-Гомесу де Эспиноса, который сыграл такую большую роль в подавлении мятежа.

Гонсало-Гомес де Эспиноса приговорил к смерти более сорока человек. Уже была сооружена виселица, но Магеллан помиловал почти всех. Он знал, что большинство мятежников было обмануто и слепо шло за своими командирами. К тому же без этих сорока человек было трудно вести дальше корабли.

Решено было казнить Кесаду, де Картагена и Молимо. Сначала отвезли на берег тело убитого Луиса де Мендосы. Собрались все моряки. Герольд, протрубив в трубу, прочитал составленный судьей де Эспиноса список преступлений убитого. Потом тело Мендосы четвертовали. Надо было казнить Кесаду, но не нашлось палача. Тогда Молино бросился на колени перед де Эспиноса и в искупление вины предложил себя в качестве палача. Эспиноса согласился, телохранитель бывшего капитана «Консепсиона» отрубил голову своему господину.

Магеллан не решился казнить Хуана де Картагена, ибо тот был назначен самим королем. Лишь потом, когда выяснилось, что де Картагена и священник Педро де ла Рейна пытаются вновь поднять восстание и побуждают моряков к неповиновению, было решено оставить их навсегда в бухте Сан-Хулиан.

Помилованных заковали в кандалы и поставили к помпам. Лишь когда закончили починку кораблей, бунтовщиков расковали, и они вернулись к обычным своим обязанностям.

Многие современники Магеллана всячески осуждали его за

жестокость, которую он якобы проявил после усмирения мятежа. Особенно раздували слухи о кровожадности великого мореплавателя его многочисленные враги в Испании и Португалии. Один из них, Рекальде, писал, что, «если учесть страну, в которой были оставлены де Картагена и де ла Рейна, ясно, что они понесли более тяжкие наказания, чем те, которые были разрезаны на куски и четвертованы». Позднейшие историки, говоря о трагедии в Сан-Хулиане, зачастую идут по стопам пристрастных современников Магеллана.

Между тем приговор вряд ли можно признать столь жестоким, особенно если принять во внимание, что мятеж этот едва не привел к краху всю экспедицию.

В самом деле, из нескольких десятков мятежников казнен был один человек. Два человека были оставлены на пустынном берегу лишь после повторной попытки поднять мятеж. Наконец, были оставлены в живых и, судя по всему, полностью прощены некоторые зачинщики мятежа, игравшие во время бунта руководящую роль, например, Альваро де Кока, Луис де Молино и, наконец, Себастиан Эль-Кано, которому было суждено завершить кругосветное плавание и пожать все лавры, предназначавшиеся Магеллану.

Зимовка

«Мы нашли здесь две вещи, которые мы не в состоянии объяснить: на низком мысу стоит большая испанская печь, сложенная из кирпичей, а на вершине одного холма — маленький деревянный крест. Трудно сказать, каким старинным мореплавателям принадлежат эти реликвии. Магеллан казнил здесь нескольких мятежников…»

Чарльз Дарвин, «Путевой дневник» (запись от 14 января 1834 года о бухте Сан-Хулиан).

Моряки стали располагаться на зимовку. В защищенной скалами от осенних бурь бухте Сан-Хулиан корабли были в безопасности. Но окрестности бухты были однообразны и унылы. В туманную даль уходила слегка холмистая равнина. Мелкая серая галька перемежалась с зарослями грязно-зеленой или бурой травы, росшей пучками. Кое-где виднелись невысокие, скрюченные деревья.

Огромные кондоры сидели на темных вершинах прибрежных скал.

На отмелях и на осыпях гальки грелись на нежарком, осеннем солнце серые ящерицы да лениво ползали большие черные жуки. Стаи надоедливых мух вились над лагерем.

Все прибрежные откосы были испещрены норами большеухих мышей и кроликов. Иногда испанцы видели главного врага этих грызунов — небольшую красную лисицу.

В Сан-Хулиане моряки познакомились с новым животным — гуанако[58]. Стада гуанако часто показывались вблизи лагеря, и Магеллан несколько раз устраивал на них облавы.

Но бухта Сан-Хулиан не понравилась испанцам. Там было очень мало пресной воды. Кроме того, моряков угнетала пустынная страна, раскинувшаяся вокруг. Поэтому уже в мае командир послал на разведки корабль «Сант-Яго». Капитан корабля Хуан Серрано должен был выяснить, нет ли на юге, поблизости от Сан-Хулиана, пролива, о котором Магеллан мечтал

столько лет.

«Сант-Яго» поплыл вдоль берега. С правого борта моряки все время видели угрюмое побережье — все те же темно-красные и сизые скалы, прибрежный песок и осыпи гальки. Но через несколько дней испанцы открыли большую реку, которую они назвали Санта-Крус. Река быстро несла свои прозрачные голубые воды по чистому, покрытому блестящей галькой дну. Вдоль берегов высились базальтовые скалы.

На реке испанцы провели шесть дней. Они охотились на гуанако, морских львов и мелких страусов — нанду, ловили рыбу, набирали пресную воду. Потом поплыли дальше.

Животные Америки и Молуккских островов. A — морской лев; B — ант, или тапир; C — райская птица; D — пингвины; E — летучая рыба; F — гуанако.

Рисунки и надписи в книге Пигафетты издания 1800 года.

22 мая разыгрался невиданный шторм. Поломало мачты, в море унесло ящики, бочки и паруса. Наконец, истерзанный корабль был выброшен на берег. Во время крушения погиб негр — раб капитана.

Серрано и его тридцать шесть товарищей остались у разбитого корабля, а двое матросов, взяв с собой компас, пошли к бухте Сан-Хулиан. Историки не сохранили нам имен этих отважных людей. Мы знаем лишь, что то были простые моряки, добровольно взявшие на себя этот подвиг.

Начались холода. Моряки шли в изорванной одежде и в дырявых башмаках. Они ловили мышей и кроликов и по вечерам пекли их на кострах у берега. Часто не было воды, и жажду приходилось утолять кусками льда. Через реку Санта-Крус они перебрались на самодельном плоту. Матросы с трудом брели по гальке, часто ложились отдыхать, и тогда низко над ними парили кондоры.

Сначала моряки следовали вдоль побережья. Но потом вдоль

берега потянулись болота, и матросы принуждены были делать далекие обходы, уходя в глубь страны и пробираясь зачастую по колена в болоте. Тогда они руководствовались лишь компасом, ибо не знали звезд южного полушария.

Нередко по многу часов они не имели воды. Однажды передний увидел вдали серебристое озеро. «Вода!» крикнул он товарищу. Друзья заковыляли быстрее. Вот и озеро… Блестящий солончак раскинулся перед ними. Испанцы упали и заплакали. Потом они пошли дальше. Этот день казался им бесконечным. Много раз они падали. Лишь мысль о потерпевших крушение товарищах заставляла их, напрягая последние силы, подниматься.

Но к вечеру они увидели огни лагеря Магеллана.

Моряки обросли бородами, покрылись грязью, одежда их превратилась в жалкие лохмотья, а ноги были обернуты остатками камзолов. Караульные в лагере Магеллана не узнали их и приняли за туземцев. Стрелки уже подняли аркебузы.

Пришедшие попробовали заговорить. Но только хриплый крик вырвался из их пересохших уст.

Тогда они упали лицом на холодный песок и стали ждать. Караульные осторожно подошли ближе. Они шли медленно, оглядываясь по сторонам, так как опасались внезапного нападения. Склонившись над лежавшими на берегу людьми, караульные по остаткам платья узнали испанцев. Они отнесли пришельцев на руках в лагерь и немедленно доложили командиру.

Потерпевших крушение провели в каюту Магеллана. Командир прежде всего приказал переодеть, накормить и напоить их. Потом стал спрашивать о несчастье, постигшем «Сант-Яго», о их замечательном переходе.

Магеллан был раздосадован гибелью корабля, но его радовало, что почти вся команда спаслась. Он был очень доволен мужеством и стойкостью Серрано и его товарищей. Он тотчас же снарядил на место кораблекрушения отряд под командой Дуарте Барбоса. Матросы с «Сант-Яго» рассказали Магеллану, как труден путь по берегу, но командир боялся осенних штормов и не решался рисковать еще одним кораблем.

Два месяца пробыли Хуан Серрано с товарищами на угрюмом берегу у разбитого корабля. Каждое утро они отправлялись бродить по берегу. Моряки собирали обломки, которые выбрасывало море за ночь. Понемногу они с помощью людей, присланных Магелланом, перетащили в бухту Сан-Хулиан все то, что удалось спасти от ярости шторма, — провизию, оружие, снасти.

Время тянулось медленно. Однообразные дни сменяли друг

друга. Стало холодно, выпал снег. Свежее мясо было на исходе, и Магеллан организовал охоту на морских львов, гуанако и страусов.

Фернандо Магеллан. С копии портрета, приписываемого Тициану и принадлежавшего Флорентийским герцогам.

Решив обследовать окрестности Сан-Хулиана, он отправил четырех моряков в глубь страны на тридцать лиг. Морякам было приказано, если они встретятся с индейцами, завести с ними дружбу. Посланные взяли с собой большой деревянный крест, чтобы отметить им крайнюю точку, которой они достигнут. Но вскоре они вернулись. Они заявили, что плоская, унылая и безводная страна эта тянется вдаль без конца, а обитателей там нет.

Зимовка протекала тяжело.

Моряки часто болели, и несколько человек умерло. Их хоронили в прибрежной гальке, стараясь зарывать поглубже, потому что кондоры стаями собирались во время похорон и, усевшись вокруг на скалах, нетерпеливо выжидали, когда уйдут живые.

Шли месяцы. Моряки были уверены, что эта унылая земля безлюдна, и перестали даже ставить ночные караулы.

Но однажды на закате, когда в лагере на берегу дымили костры, из-за прибрежной скалы показались два человека.

Один из пришедших, очень высокий человек с гордой осанкой, был одет в плащ из шкуры гуанако. На ногах у него были

огромные сапоги из меха лисицы. В одной руке он держал небольшой, туго натянутый лук и тростниковые стрелы с кремневыми наконечниками. Другой рукой туземец все время посыпал свою голову песком. Он приплясывал и пел. Его товарищ стоял молча поодаль.

Магеллан послал на берег матроса, приказав ему подражать во всем туземцу. Очевидно, пляски, пение и посыпание головы песком считалось у туземцев знаками миролюбия, потому что, когда матрос повторил все то, что делал высокий пришелец, тот без страха направился к шлюпкам и позволил отвезти себя на корабль. Но его молчаливый спутник отказался последовать его примеру и остался ждать на берегу.

Командир подарил гостю связку бубенчиков, горсть бисера, маленькое зеркальце, гребенку.

Когда туземец увидел в зеркале свое разрисованное желтыми и красными полосами лицо, он в испуге так стремительно отпрянул назад, что сбил с ног четырех моряков, стоявших сзади него. Магеллан назвал туземцев этой страны патагонцами[59].

Оставшийся на берегу патагонец, видя, что его товарищ благополучно вернулся, побежал за скалы, и скоро оттуда появилось много туземцев. Они шли в ряд, приплясывали и пели, показывая все время на небо, словно давая понять, что считают моряков посланцами небес.

Женщины шли позади. Они несли оружие мужчин и горшки с какой-то белой мукой. Мукой этой они угощали испанцев.

Позади всех шли юноши и вели на привязи молодых гуанако. Антонио Пигафетта пишет: «Они привели с собой четырех животных, о которых я уже говорил. Это были не взрослые животные, а детеныши, которых они вели на недоуздках. Детенышами пользуются для привлечения взрослых: их привязывают к кустарнику, и к ним приходят взрослые животные и играют с ними, а мужчины, спрятавшись в кустах, убивают их стрелами. Туземцы в числе восемнадцати человек, мужчины и женщины, приглашенные нашими людьми, собрались перед кораблями, разошлись по обеим сторонам бухты и забавляли нас охотой, о которой уже было сказано».

Ночью туземцы исчезли. Шесть дней никто не показывался, а на седьмой опять появился патагонский воин. Это был другой человек, но, как и первый, он начал с пения и плясок на берегу.

Этот патагонец быстро освоился с испанцами. Магеллан подарил ему рубаху, штаны, шапку, а также зеркало и другие безделушки.

Священники, мечтавшие об уловлении сотен и тысяч языческих душ и изнывавшие от безделья в бухте Сан-Хулиан, с

жадностью накинулись на патагонца. Они долго учили его католическим молитвам «Ave Maria» и «Pater noster». Когда патагонец научился произносить, страшно коверкая, первые слова молитв, патеры объявили, что язычник готов воспринять святое крещение, и ничего не понимавший (патагонец был торжественно окрещен и назван Хуан Хиганте.

Антонио Пигафетта очень заинтересовался патагонцем. Итальянец проводил с ним все свободное время, пытаясь как можно больше разузнать о нравах и обычаях патагонцев. Пигафетта записал в свой дневник, что «главного демона» патагонцев зовут Сетебос. Интересно, что Шекспир в своей «Буре» дважды говорит о духе Сетебосе, которого призывает Калибан. Шекспир, судя по всему, прочел краткий перевод дневника Пигафетты в книге Роберта Идена «История путешествий», вышедшей в 1577 году.

На другой день патагонец принес ответный подарок — тушу только что убитого гуанако. Но через день Хуан Хиганте исчез. Испанцы решили даже, что он убит своими соплеменниками за то, что так привязался к пришельцам.

Тем не менее патагонцы продолжали посещать бухту Сан-Хулиан и изредка приносили туши гуанако, получая взамен безделушки.

Все же знакомство испанцев с патагонцами кончилось ссорой. Магеллану вздумалось насильно увезти с собой в Испанию двух рослых туземцев. Но он знал, что патагонцы обладают огромной физической силой и захватить их живыми не так-то просто. Командиру пришел на помощь кормчий Хуан Карвайо, человек бывалый. В Африке и Бразилии он принимал участие в португальских экспедициях за рабами.

По совету Карвайо, командир пошел на хитрость, к которой часто прибегали португальские охотники за рабами в Африке. Он приказал дать двум патагонцам, прибывшим на корабль, множество подарков — зеркал, ножей, тряпок и бус. Когда у туземцев были полны руки, испанцы предложили им новый дар — блестящие, соединенные между собой цепями кольца.

Руки патагонцев были заняты подарками. Тогда любезные хозяева знаками предложили прикрепить кольца к ногам гостей. Те согласились, и через мгновенье ноги их были закованы в кандалы.

Поняв, что они стали жертвами коварства, патагонцы начали кричать, биться и безуспешно старались сорвать цепи.

Не довольствуясь захватом в плен двух мужчин, Магеллан отправил в селение патагонцев отряд на поимку женщин.

Опытный охотник за рабами, Хуан Карвайо сам вызвался

поймать двух патагонок. Он взял с собой десять моряков, тоже побывавших в Африке и умевших ловить рабов. Со своим небольшим отрядом Хуан Карвайо добрался до хижин патагонцев. Вечерело. Пошел снег. Карвайо решил ночевать в селении. Он вошел в первый попавшийся шалаш.

Внутри было тепло. Горел костер. Стены шалаша, сделанные из шкур гуанако, хорошо защищали от холода. Вокруг костра сидело несколько мужчин. Увидя моряков, они молча подвинулись и очистили для них место у огня.

Один из патагонцев разгреб палкой раскаленные угли и достал полусырую лопатку гуанако. Не говоря ни слова, он протянул угощение Карвайо. Тот поклонился и стал есть.

Моряки огляделись вокруг. Густой дым ел глаза и мешал хорошенько рассмотреть шалаш. Лишь понемногу испанцы привыкли к полутьме и дыму и стали различать стены шалаша.

По стенам висела несложная утварь и оружие хозяев: мешки из шкур, стрелы, луки и копья. Карвайо показал товарищам лассо — длинные тонкие ремни с петлей на конце — и «болас» — ремни с тяжелыми деревянными и каменными шарами.

— Вот такой вещью убили Хуана де Солис, — сказал тихо Карвайо. — Надо будет напасть на них врасплох, чтобы они не успели воспользоваться этим оружием.

Моряки, посовещавшись; решили ночевать в шалаше, не выпуская из рук оружия.

Ночь прошла спокойно, но утром, когда Карвайо с товарищами тихо сговаривались о том, как схватить и заковать в кандалы двух женщин, в шалаш быстро вошел запыхавшийся воин и что-то сказал ее обитателям. С громким криком, хватая на ходу детей, хозяева шалаша, где провел ночь Карвайо, выбежали наружу. Карвайо и другие моряки бросились вдогонку и начали стрелять по убегавшим. Но те бежали зигзагами и прятались за кусты. Шел снег, и целиться было трудно. Пули охотников за рабами не причиняли патагонцам никакого вреда.

Моряки побежали в другие шалаши. Они тоже были покинуты их обитателями. Вокруг не было ни души. Снег пошел еще сильнее. Несомненно, воин, прибежавший утром, узнал о захвате в плен двух патагонцев на корабле и предупредил своих соплеменников о намерении их гостей.

Карвайо рассердился. Вернувшись в шалаш, он зажег от костра пучок сухого хвороста, приготовленного для топки, и поджег гостеприимный кров.

Раздосадованные неудачей, охотники за рабами медленно, увязая в снегу, брели к берегу. День был пасмурный и холодный. В воздухе кружился снег. Вдруг раздался протяжный свист, и

один из моряков, Диего Бараса, с криком схватился за ногу. Выше его колена торчала тоненькая стрела. Бараса с ругательством вытащил стрелу, переломил ее пополам, швырнул прочь и бросился догонять товарищей.

Но, к своему удивлению, он почти тотчас же почувствовал, что нога его онемела: начал действовать яд. Бараса окликнул товарищей и опустился на землю. Окружив раненого, моряки молча смотрели, как судорожно сжимаются его руки, синеет лицо, и розовая пена выступает на губах. Скоро все было кончено.

С трудом вынув из окоченевших рук умершего меч и копье, моряки вырыли мечами неглубокую яму, положили в нее товарища и завалили камнями, потому что неведомо откуда взявшиеся кондоры уже пролетали низко над покойником и садились на ближние кусты, нетерпеливо взмахивая крыльями.

Пролив

«С попутным ветром мы прошли мимо белых скал мыса Катерины и вступили в этот прославленный пролив».

Чарльз Дарвин, «Путевой дневник» (запись от 26 января 1834 года).

Наконец, 24 августа 1520 года корабли Магеллана могли покинуть надоевшую всем бухту Сан-Хулиан. Во исполнение приговора судьи на маленьком островке в бухте были оставлены Хуан де Картагена и отец Педро де ла Рейна. Им дали немного сухарей и несколько бутылок вина.

Командир с радостью расставался с бухтой Сан-Хулиан. Слишком много тяжелых воспоминаний связано было с этим местом.

Бунт, гибель «Сант-Яго». В преодолении каждого нового препятствия Магеллан, казалось, черпал новые силы. Из каждого испытания он выходил еще более закаленным и обогащенным опытом.

Теперь все по-другому. Исчезло мучительное ощущение, что где-то зреет заговор и он бессилен что-нибудь сделать, чтобы предотвратить взрыв. Главные вожаки обезврежены, остальные устрашены. Во главе всех кораблей стоят верные люди, близкие друзья: «Викторией» командует Дуарте Барбоса, «Сан-Антонио» — Альваро де Мескита, а «Консепсионом» — Хуан Серрано. Твердой и уверенной рукой вел теперь Магеллан эскадру к югу на поиски пролива. Когда «Тринидад» выходил в открытое море, Магеллан в последний раз окинул взором бухту. На сером прибрежном песке еще видны были следы испанского лагеря, канавы, столбы, кучи мусора. На маленьком островке темнела землянка де Картагена и священника. И над всей бухтой господствовала стоявшая на высоком холме виселица, которую так и не пришлось пустить в дело[60].

Командир распорядился держать курс на юго-запад, не теряя из виду берегов.

26 августа корабли добрались до реки Санта-Крус, открытой Хуаном Серрано во время плавания «Сант-Яго».

На реке Санта-Крус корабли пробыли почти два месяца: чинили мелкие повреждения, запасались дровами, провизией и

водой.

Возможно, что Магеллан недостаточно хорошо подготовил эскадру к плаванию во время стоянки в бухте Сан-Хулиан, если понадобилась такая длительная стоянка в устье реки Санта-Крус. Вероятнее всего это произошло потому, что в бухте Сан-Хулиан была не очень хорошая питьевая вода. Кроме того, за зиму испанцы истребили вокруг все деревья, так что пришлось бы таскать дрова издалека. Немалую роль сыграло, конечно, и желание Магеллана как можно скорее покинуть мрачную бухту, оставившую столь недобрую память у всех участников плавания.

На корабле было много больных. Тяжелая зимовка не прошла бесследно. То на одном, то на другом корабле приспускали флаги, чтобы с молитвами опустить в море умерших.

Магеллан упорно искал пролив. Он и здесь не упустил случая и приказал обследовать все устье. Но все было безуспешно.

18 октября, перед отправлением в дальнейший путь, Магеллан сообщил капитанам свое решение обследовать побережье далее на юг, вплоть до 75° южной широты. Если и там не удастся обнаружить пролив, Магеллан собирался найти защищенную от ветров бухту, задержаться там, чтобы починить и заново прошпаклевать корпуса кораблей и поправить снасти. Потом Магеллан думал круто изменить курс, поплыть на восток и восток-северо-восток, с тем чтобы, обогнув мыс Доброй Надежды и остров Сан-Лоренсо (так называли тогда Мадагаскар), попасть этим путем к Молуккским островам.

В тот же день поплыли дальше, но тотчас же поднялся сильный шторм. Боясь, что корабли могут налететь на скалы, Магеллан ушел в открытое море.

Лишь 21 октября корабли вновь подошли к земле.

Все та же низменная, поросшая травой равнина простиралась перед ними. Но невдалеке выступал невысокий мыс, а дальше широкая полоса воды уходила куда-то на запад.

Эскадра обогнула мыс.

С корабля «Тринидад» раздалось два выстрела. Потом на корме его задымили три смоляных факела. Это был условный знак. На всех кораблях убрали паруса и бросили якоря.

Никто из моряков не верил, что эскадра добралась до пролива. Все говорили, что корабли стоят у входа в узкий и очень опасный залив.

Но Магеллан был уверен, что перед ним долгожданный пролив. Веселый и помолодевший, слегка прихрамывая, ходил он по кораблю, подшучивая над маловерами, громким и внятным голосом отдавал приказания.

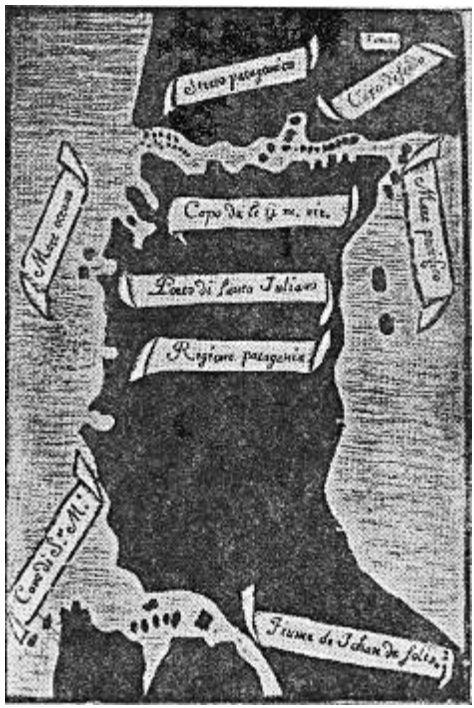
Антонио Пигафетта пишет: «Весь экипаж был совершенно

уверен, что этот пролив не имеет никакого выхода, и не подумал бы искать его, если бы не большие познания капитана-командира. Этот человек, столько же сведущий, сколько и мужественный, знал, что ему придется идти по весьма извилистому проливу…»

Магеллан послал на разведки «Сан-Антонио» и «Консепсион», а сам остался ждать их возвращения. Корабли ушли на запад. Ночью разыгрался шквал.

Ветер погнал «Тринидад» и «Викторию» вперед — туда, где виднелись угрюмые скалы, казалось, замыкавшие залив. Уже слышался рев буруна. Угроза гибели нависла над кораблями. Многие бросились к лодкам.

Но окрик Магеллана остановил их.



Магелланов пролив. На этом рисунке, как и на многих картах того времени, север — внизу, а юг — наверху. Рисунок в рукописи Антонио Пигафетты.

— Друзья, вот спасение! — воскликнул командир.

Вправо, за поворотом, виднелся узкий пролив, окаймленный высокими скалами. Корабли устремились туда. Здесь можно было переждать бурю, укрывшись от ветра за скалами.

Стемнело. «Сан-Антонио» и «Консепсион» не возвращались. Прошла ночь. На «Тринидаде» и «Виктории» начали беспокоиться. Прошел день. Магеллан тревожно вглядывался в даль, но уходившая на запад полоса воды была пустынной. Опять настала ночь.

Теперь Магеллан был почти уверен в гибели своих кораблей. Молча ходил он по палубе, вспоминая людей «Сан-Антонио» и «Консепсиона». Еще один день прошел. Моряки видели дым, тянущийся откуда-то из-за гор. Сначала думали, что костры жгут потерпевшие крушение товарищи. Но к вечеру дымки потянулись с севера, юга и запада. Магеллану стало ясно, что моряки «Сан-Антонио» и «Консепсиона» не могли зажечь столько костров. Он понял, что эти огни зажжены какими-то туземцами.

В третий раз настала ночь. Магеллан не спал. На спасение кораблей, ушедших на запад, не оставалось никакой надежды. Гибель «Сан-Антонио» и «Консепсиона» означала бесславный конец всей экспедиции… То, чего не удалось сделать трусам и предателям в бухте Сан-Хулиан, сделал свирепый шквал…

Внезапно юнга с мачты «Тринидада» крикнул: «Корабли впереди!»

Вскоре два корабля, которые считались погибшими, подходили к флагманскому кораблю. Корабли шли под всеми парусами, они были расцвечены пестрыми флагами.

Магеллан крикнул: «Пушкари, стреляй!»

Приветственный залп пронесся над морем. С «Консепсиона» и «Сан-Антонио» раздался ответный салют. На флагманский корабль поспешили лодки.

Хуан Серрано и Альваро де Мескита, веселые и оживленные, вбежали на палубу «Тринидада».

— Мы у входа в пролив, ведущий в «Великое южное море»! — закричал Серрано.

Магеллан обнял прибывших и повел в свою каюту.

Приехал Дуарте Барбоса. Капитаны «Сан-Антонио» и «Консепсиона» начали рассказывать.

Буря погнала их корабли на запад. Укрывшись в небольшой бухте, они поплыли дальше. Полтора дня плыли корабли по извилистому проливу, а до конца его так и не добрались. Глубины в проливе были так велики, что во многих случаях лот не доставал до дна. Вода всюду была соленая. Но самое главное — сильное течение все время влекло корабли на запад. «Нельзя думать, — закончили свой рассказ капитаны, — что на западе нет выхода в другой океан. Иначе, куда бы девалась вся масса воды, которая непрерывно течет в ту сторону».

1 ноября 1520 года Магеллан повел армаду на запад. Корабли прошли между двух пологих мысов. Далее пролив вновь расширялся. Южный берег ушел далеко. Стало немного покачивать. Потом берега опять сблизились. Вода быстро стремилась в узкое ущелье. Магеллан повел туда корабли. Но через три часа эскадра вновь вышла на широкое водное

пространство. На берегу, довольно высоко над морем, валялся труп огромного кита, поодаль виднелись кости другого.

«Должно быть, зимою здесь страшные бури, если волны забросили так высоко эти громадные туши», подумал Магеллан.

Он решил обследовать побережье и отправил на берег Серрано. Капитан «Консепсиона» поднялся на пригорок. Унылая волнообразная равнина растянулась вокруг, а на западе виднелись островерхие горы. Что-то темное вдалеке привлекло его внимание. Он стал подниматься и скоро вышел на широкую площадку. Перед ним открылось патагонское кладбище. По всему полю были разбросаны в беспорядке кучи камней. Большинство куч завершалось большим обломком скалы, поставленным стоймя. Никаких других признаков людей отыскать не удалось. Вероятно, патагонцы привозили своих покойников в это безлюдное место издалека.

Серрано с товарищами вернулись к командиру.

Выслушав донесение Серрано, Магеллан велел сниматься с якорей и поплыл на юго-запад. Опять начался узкий канал с быстрым течением. Корабли шли почти без парусов. Миновав канал и выйдя в широкую бухту, Магеллан остановился на ночлег.

Утром на другие корабли поспешили лодки: посланные Магеллана повезли его письма всем капитанам и кормчим. Командир спрашивал, в каком состоянии экипаж, продовольствие и сами корабли, считают ли капитаны возможным продолжать плавание.

Он не решился собрать всех капитанов на «Тринидаде», опасаясь новой вспышки мятежа на кораблях, если верные ему капитаны покинут их на время совета.

К вечеру пришли ответы на его письма. Они очень обрадовали Магеллана. Все, кроме одного, требовали продолжения плавания. Капитаны и кормчие писали, что провизии хватит еще на три месяца.

Все моряки перенесли такие невзгоды и лишения, выказали столько мужества и настойчивости, что заслужили право требовать продолжения плавания к островам пряностей. Обидно возвращаться назад с порога величайшего открытия!

Лишь одно письмо противоречило бодрым, полным веры в успех письмам капитанов и кормчих. Кормчий Эстеван Гомес писал, что провизия в очень плохом состоянии и может испортиться, что, прежде чем добраться до Молукк, придется пересечь еще одно огромное водное пространство — «Великое южное море», открытое Васко-Нуньесом де Бальбоа. Гомес заканчивал свое письмо предложением вернуться в Испанию, с

тем чтобы с новыми силами начать поиски пролива, придя вновь к этому самому месту.

Эстеван Гомес, кормчий «Сан-Антонио», давно уже ненавидел Магеллана. Он сам должен был плыть во главе испанской эскадры на поиски новых земель. Но в Испании появился Магеллан со своим проектом, и Гомесу пришлось плыть простым кормчим на корабле «Сан-Антонио». Предлагая вернуться в Испанию, Гомес рассчитывал, что если армада вернется ни с чем, Магеллану не доверят снаряжения второй экспедиции, и тогда ему, Гомесу, удастся возглавить новое плавание на поиски пролива.

Эстеван Гомес был одним из лучших кормчих армады. С его мнением моряки очень считались. Но все остальные кормчие и капитаны требовали, чтобы командир вел их вперед. Получив отпор от всех командиров, Гомес сразу почувствовал, что его попытка потерпела неудачу, и решил дезертировать. Сговорившись с другими недовольными на «Сан-Антонио», Гомес стал ждать благоприятного времени для осуществления давно задуманного предательства.

Между тем после обеда лодка с флагманского корабля посетила все корабли эскадры. На лодке плыл герольд. Он поднимался на каждый корабль и громко читал распоряжение командира.

Магеллан объявлял, что он поведет эскадру вперед, хотя бы ему «пришлось питаться кожей, содранной со снастей». Командир не знал, что эти его слова окажутся пророческими!

Далее герольд оповестил моряков, что впредь запрещаются под страхом смертной казни всякие разговоры о трудностях пути, о недостатке провизии и о возвращении в Испанию.

Наутро корабли поплыли далее на юго-запад.

Берег совершенно изменился. Исчезли однообразные равнины Патагонии, покрытые бурой травой, одинокими кустами и галькой.

Перед испанцами открылась иная страна. Угрюмое море билось об извилистые берега, покрытые густой темно-зеленой растительностью. Низкие леса, начинаясь у прибрежных бурунов, уходили вдаль. А выше виднелись белоснежные горы. Их острые вершины ярко блестели на солнце. Холодный ветер дул порывами и быстро гнал обрывки облаков. Огромные альбатросы, борясь с ветром, взлетали над водой…

Климат восточной части Магелланова пролива мало чем отличается от климата близлежащих областей Патагонии. Но западная часть пролива, куда теперь попали испанцы, проходит среди Кордильерских гор, и климат ее отличается сильной влажностью.

Это край высоких снеговых гор, ледников, мрачных вечнозеленых лесов, край дождя и снега и внезапно налетающих шквалов.

Настал вечер. Магеллан решил послать на разведку два корабля: «Сан-Антонио» и «Консепсион».

Гомес решил, что настал его час. Подождав, когда «Консепсион» остался позади, Гомес вместе со своими сторонниками напал на капитана «Сан-Антонио», племянника Магеллана, Альваро де Мескита, ранил его и заковал в кандалы. Потом под покровом наступившей ночи он повел корабль «Сан-Антонио» на восток, вывел в открытое море и на всех парусах понесся на север.

Гомес спешил в бухту Сан-Хулиан, чтобы подобрать оставленных там главарей мятежа.

Но буря не дала Гомесу высадиться на берег, и предатели поспешили на север. Гомес пересек Атлантический океан и поплыл вдоль гвинейского берега. В Африке изменники запаслись водой и дровами. Пришлось ограничить рацион тремя сухарями в день. Появилась цынга. Десять моряков с «Сан-Антонио» погибли в пути. Погиб также один из пленных патагонцев (второй попал на «Викторию»).

6 мая 1521 года «Сан-Антонио» Добрался до Севильи.

Прибыв в Севилью, Гомес и его соучастники, чтобы оправдаться в своем предательстве, возвели на Магеллана обвинение в жестокости и властолюбии. Изменники утверждали, что Магеллан и не искал как следует пролива, а вместо того бесцельно вел армаду вдоль побережья Южной Америки, напрасно расходуя провизию, губя людей и подвергая риску королевские корабли. Кроме того, мятежники указывали, что во время пребывания эскадры в Бразилии Магеллан разрешил морякам торговать с туземцами и тем самым нарушил инструкцию Карлоса I, запрещавшую участникам экспедиции торговать с жителями стран, принадлежавших Португалии.

По поводу Альваро де Мескита, привезенного им раненым и в цепях, Гомес заявил, что тот первый ранил его кинжалом и что он, Гомес, защищая свою жизнь, принужден был пустить в ход оружие.

Альваро де Мескита был брошен в тюрьму. По словам историка того времени, Овиедо, капитан «Сан-Антонио» был даже подвергнут пытке. Напрасно старый Диего Барбоса пытался ему помочь. Часовые появились у дверей его собственного дома. Беатриса Магеллан была подвергнута домашнему аресту. Чиновники писали, что это делается «для того, чтобы она не могла бежать в Португалию, пока обстоятельства этого дела не

выяснятся до конца».

Беатриса Магеллан вместе с маленьким сыном Родриго до конца своей жизни оставалась под домашним арестом (Беатриса умерла в марте 1522 года, сын ее умер еще раньше).

Правда, в результате расследования Эстеван Гомес, его товарищ Херонимо Герра, сделанный капитаном после того, как был смещен Мескита, и еще два предателя были арестованы, но их заключение было легким и непродолжительным.

Через два года после прибытия «Сан-Антонио» Диего Барбоса подал Карлосу I записку. Старый воин писал, что «бунтовщики были приняты очень хорошо и их содержат за счет вашего величества, в то время как капитан и другие, которые хотели служить вашему величеству, заключены в тюрьму и лишены правосудия… Это очень плохой пример, поражающий в самое сердце тех, которые делают все, чтобы выполнить свой долг».

Впоследствии Эстевану Гомесу была поручена организация новой экспедиции к берегам Америки. Новое предприятие Гомеса потерпело полную неудачу. Петер-Мартир д'Ангиера писал по этому поводу: «Я всегда подозревал, что Гомес — человек с суетным и легкомысленным воображением».

Но в 1534 году король пожаловал Гомесу рыцарское достоинство «в ознаменование замечательных заслуг, оказанных Гомесом армаде Магеллана во время открытия пролива в качестве проводника и главного кормчего».

А привезенный мятежниками насильно в Севилью капитан Альваро де Мескита просидел в заключении, пока не было завершено первое кругосветное плавание и не выяснилась, наконец, правда.

Измена Гомеса лишила Магеллана одного из лучших кораблей. Кроме того, на «Сан-Антонио» были запасы продовольствия и снаряжения, предназначенные для других кораблей. Далее, на ушедшем в Испанию корабле оказалось много сторонников Магеллана. Теперь он мог полностью полагаться лишь на Дуарте Барбоса и Серрано, большинство других командиров было ненадежно.

Но Магеллан ничего не знал о предательстве Гомеса. Когда «Консепсион» вернулся из разведки, Серрано сообщил, что ночь разлучила корабли, а утром он не видел «Сан-Антонио». Командир отрядил Дуарте Барбоса на поиски потерянного корабля.

Дуарте Барбоса высадился на берег, покрытый крупным песком и галькой. Дальше расстилалось торфяное болото, а за ним шумел лес. Ветры, постоянно дующие в одну сторону, пригнули и исковеркали деревья. Вершины деревьев тесно

переплелись ветвями, внизу царил полумрак. В лесу было сыро и холодно. Моряки медленно поднимались в гору, увязая в мягкой и сырой почве, покрытой полусгнившими листьями и ветками, с трудом перелезая через трухлявые, усеянные грибами стволы деревьев. Иногда им приходилось идти по настилу из низкого, переплетенного между собой кустарника.

Наконец, они вышли на открытое место. На скале, заметной издалека, они поставили высокий столб, закопав у подножия глиняный горшок с инструкциями Магеллана морякам «Сан-Антонио».

Дуарте Барбоса огляделся вокруг. Всюду беспорядочно громоздились горные цепи. Снег лежал на их вершинах и в глубоких, защищенных от солнца расщелинах. Вниз сбегали желто-зеленые долины. Мрачные густые леса одевали горы и спускались к самому морю. То там, то здесь блестела вода извилистых проливов, заливов и бухт. Внизу маленькими игрушками виднелись три корабля. «Сан-Антонио» нигде не было видно. Дуарте начал медленно спускаться вниз.

На другой день Магеллан еще раз спросил мнение товарищей по вопросу о дальнейшем плавании. До нас дошло его письмо на «Викторию». Оно сохранилось в бумагах астронома Андреса Сан-Мартина и было захвачено португальцами. Судя по всему, подобное письмо было послано и на «Консепсион», а на «Тринидаде», где плыл сам Магеллан, было оглашено. Это один из очень немногих, дошедших до нас документов, подписанных великим мореплавателем.

Командир писал:

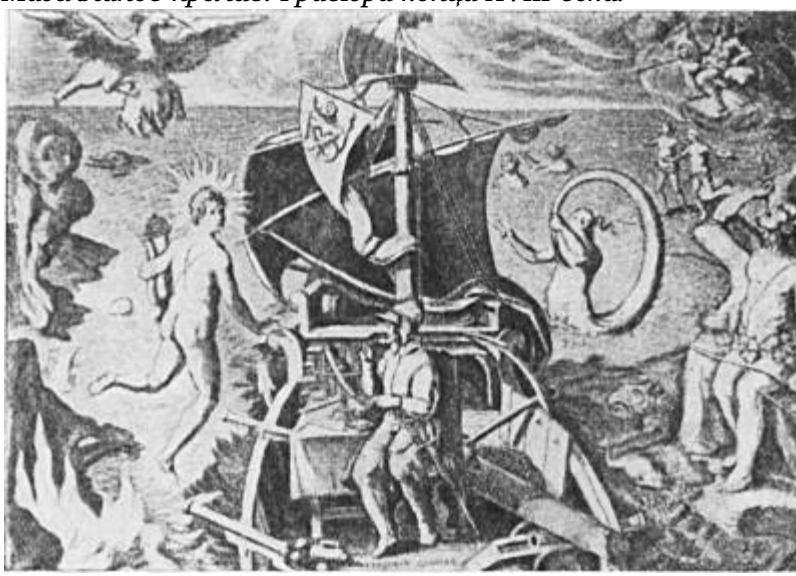
«Я, Фернандо Магеллан, кавалер ордена Сант-Яго и капитан-командир этого флота, который его величество послал для открытия островов пряностей, и прочая.

Довожу до вашего сведения — Дуарте Барбоса, капитан корабля „Виктория“, кормчие, шкиперы и боцманы этого корабля: я узнал, что вас тревожит мое решение идти вперед, ибо вам кажется, что погода слишком мало благоприятствует путешествию, которое мы совершаем. Я никогда не отвергал мнения и совета кого бы то ни было. Больше того — все мои поступки обсуждались и сообщались повсеместно, причем никто не был обижен мною. А после того, что случилось в бухте Сан-Хулиан, а именно — смерть Луиса де Мендоса и Гаспара де Кесада и оставление Хуана де Картагена и Педро-Санчеса де ла Рейна, священника, — вы из страха уклоняетесь от того, чтобы говорить мне и советовать мне то, что может казаться вам идущим на пользу его величеству и способствовать благополучию этого флота, и вы ничего не говорите и не советуете мне. Этим вы

совершаете упущение в службе императору и королю, нашему повелителю, нарушаете данную вами присягу и клятву повиноваться мне.

Поэтому я приказываю вам именем сказанного выше повелителя, а со своей стороны прошу и поручаю вам в отношении всего, что вам кажется полезным для нашего путешествия как в части продвижения вперед, так и в части возвращения обратно, написать ваши соображения письменно, каждый для себя отдельно. Сообщите ваши размышления насчет того, почему мы должны плыть вперед или возвращаться обратно, не обращая внимания ни на что, могущее помешать вам сказать правду.

Магелланов пролив. Гравюра конца XVIII века.



Аллегорическое изображение плавания Магеллана по Магелланову проливу.

На рисунке изображен Фернандо Магеллан на своем корабле. Слева — Огненная Земля (видны дым и пламя). Справа — патагонец, засовывающий в горло стрелу (в соответствии с рассказом Антонио Пигафетты). В левом верхнем углу — сказочная птица Рук, которая, по словам Марко Поло, могла унести в когтях слона.

Рисунок И. Страдануса (1523 г.).

Получив эти соображения и мнения, я сообщу вам свои и уведомлю, почему я пришел к решению о том, что дальше делать.

Дано в проливе Всех Святых[61], против реки, что на островке, в среду, двадцать первого ноября, под пятьдесят пятым градусом, одна тысяча пятьсот двадцатый год».

Моряки сообщили командиру свои соображения.

Так, Андрес Сан-Мартин выражал сомнение, чтобы из этого канала был выход, через который можно попасть к Молуккским островам. Все же он считал, что до середины января, пока стоит лето и дни длинные, надо идти дальше.

Очевидно, другие моряки разделяли точку зрения астронома, потому что Магеллан приказал эскадре плыть вперед по извилистому проходу. Узкий канал переходил в широкую бухту, окаймленную мощными ледниками и усеянную маленькими айсбергами. Потом снова тянулся опасный извилистый пролив.

Стояли пасмурные дни. Часто шел дождь. Горы были окутаны туманом. Когда завеса тумана прорывалась, с кораблей были видны черные заливы, остроконечные скалы, темно-зеленые массивы лесов, голубые ледники и белоснежные вершины гор.

Почти все время где-нибудь на побережье виднелся дымок. Часто горело сразу по нескольку костров на обоих берегах, и дым стлался над водой. Этими кострами туземцы оповещали друг друга о невиданных чудовищах, плывших по проливу. Поэтому испанцы прозвали эту мрачную страну «Тьерра дель-Фуэго» — «Огненная Земля».

Начиналось лето, и ночи стали короткими. Это очень облегчало морякам работу. Плыть по ночам они не решались, а во многих местах пролив был до того глубок, что якоря не доставали дна и приходилось по ночам лавировать.

Максимилиан Трансильванский пишет: «Они были убеждены, что земля слева представляет из себя остров, потому что они часто слышали шум, будто где-то там море ревело и билось о дальний берег».

Однажды утром Магеллан увидел в проливе кашалотов. Они быстро плыли с запада навстречу кораблям, и командир понял, что близок конец пролива.

И в самом деле, 28 ноября 1520 года корабли вышли в

открытое море. На север и на юг тянулись мрачные обрывистые берега, увенчанные белыми горами, позади шумел прибой. А впереди — там, куда заходило солнце, простиралось безбрежное море, «Великое южное море», открытое Бальбоа. Впереди были Индия, Китай, Япония и острова пряностей, впереди было славное будущее.

Тихий океан

«Это такое огромное море, что ум человеческий не может вместить его».

Максимилиан Трансильванский.

Началось невиданное в истории плавание по «Великому южному морю». Магеллану очень повезло: он попал в Тихий океан в то время года, когда штормы и бури в его центральной части случаются редко. Если бы Магеллан отважился пересечь Тихий океан в иное время, его ждала бы неизбежная гибель. Но теперь океан был спокоен. За все время плавания по его просторам моряки ни разу не испытали бурь. Поэтому Магеллан назвал его «Тихим океаном».

Сначала все шло хорошо. Испанцы радовались тому, что совершили столь блистательный подвиг. Они нашли пролив, поиски которого столько лет волновали умы моряков и географов, прошли этим проливом, преодолев сотни опасностей, и теперь корабли плывут прямо к Молуккским островам, подгоняемые попутным ветром.

Стало гораздо теплее. Океан изобиловал рыбой. Антонио Пигафетта писал, что альбатросы и крупные хищные рыбы «бонито» охотятся за летающими рыбами, которых моряки называли «ласточками». По его словам, «когда за ласточками гонятся, они выпрыгивают из воды и летят примерно на расстояние выстрела из лука, пока их крылья влажны, а потом опять погружаются в море. Между тем их враги следуют за их тенью и, очутившись на том месте, где ласточки падают в воду, ловят и пожирают их, — это чудесное и приятное зрелище».

Сначала корабли шли на север недалеко от берега. Но 16 декабря Магеллан, думая, что слишком далеко поднялся на север, повернул на северо-запад.

Океан был по-прежнему спокоен. Зато путешественников ожидали другие беды. В Тихом океане рассеяно множество обитаемых островов. Случайно корабли Магеллана прошли вдалеке от них. А между тем провизия иссякла. Рыба скоро исчезла, и моряки все время вытаскивали пустые сети. Плывя почти три месяца по Тихому океану, испанцы принуждены были довольствоваться тем запасом пищи, воды и дров, который был на кораблях, когда они покинули берега Огненной Земли.

Вскоре после выхода в открытое море к Магеллану подошел смущенный писец, на обязанности которого лежало наблюдение за продовольствием, и шепотом попросил его спуститься в трюм.

Командир вошел в низкий, полутемный склад. Писец показал ему только что вскрытую бочку. В ней лежала сбитая в грязные, серые комья мука. Всюду виднелся крысиный помет, от бочки шел тяжелый, затхлый запах.

— Я ничего не понимаю, сеньор командир! — проговорил торопливо писец. — Если вон те бочки отсырели, то они ведь стояли с краю. А эта бочка наверху — значит, она должна быть сухой. Да к тому же, как могли попасть в закупоренную бочку мыши?

— А много таких? — спросил командир, движением головы указывая на только что вскрытую бочку.

— Почти все, которые мы теперь вскрываем, — ответил тихо писец. — Но что удивительнее всего — рядом попадаются бочки с превосходной мукой. Значит, еще в Испании на корабль погрузили бочки с испорченной мукой.

Магеллан медленно поднялся по узкой лестнице наверх. Угроза голода во весь рост встала перед ним, и внезапно он вспомнил красивое и наглое лицо Себастиана Альвареша, и его прощальные слова вновь прозвучали в ушах командира: «Поступайте так, как находите нужным, но помните — впереди вас ждут многие испытания».

Вечером Магеллан приказал тщательно экономить продовольствие и воду. Испорченную муку сушили на солнце и просеивали. На всем корабле был слышен тяжелый, затхлый запах. Первое время моряки не хотели есть хлеб из прогорклой и затхлой муки. Но неделя проходила за неделей. Все так же днем пекло солнце, а по ночам сияло созвездие Южного Креста, все так же синел безбрежный океан. Понемногу люди перестали гнушаться хлебом и лепешками, испеченными из затхлой муки. Но потом и эта мука стала приходить к концу. Оставалось мало воды — тухлой и желтой. Сначала шепотом, по углам, потом громко, хотя и полушутливо, стали поговаривать, что пора взяться за крыс: «Они съели и испачкали нашу муку — пусть теперь поплатятся», смеялись матрасы.

Такие грустные шутки продолжались лишь несколько дней. Как-то утром Антонио Родригес, старый солдат, воевавший с турками, французами и мавританскими пиратами и побывавший в алжирском плену, вышел на палубу с пойманной крысой. Он сварил ее в котелке и съел на глазах у товарищей. С этого дня началась охота на крыс. Их ловили в самодельные ловушки, убивали мечами, а потом пекли и варили. Но скоро и крыс стало

мало. Более ловкие охотники продавали крыс товарищам.

Антонио Пигафетта похудел. Он чувствовал недомогание, суставы его болели, десны распухли и кровоточили, зубы шатались. Но он по-прежнему старательно записывал в свой дневник все то, что, по его мнению, могло интересовать его влиятельных покровителей — флорентинских купцов и банкиров.

Итальянец писал: «Вода, которую мы принуждены были пить, была тухлая и вонючая; мы ели кожу, которой, чтобы веревки не перетирали дерева, покрывают снасти. Эта кожа под действием воды, ветра и солнца так затвердела, что ее нужно было размачивать в морской воде в течение четырех-шести дней. Затем мы пекли ее на угольях и ели. Часто мы питались древесными опилками, и даже крысы, столь противные человеку, сделались таким изысканным блюдом, что за них платили по полдуката за штуку».

Беспредельный океан стал страшить путешественников. Пигафетта пишет: «Я не думаю, чтобы кто-нибудь в будущем хотел предпринять подобное путешествие. Если бы, выйдя из Патагонского пролива, мы держались западного направления, то объехали бы вокруг света, не встречая на пути никакой земли: от мыса Желанного мы пришли бы к мысу Одиннадцати Тысяч Дев, так как они оба лежат под 52° южной широты»[62].

Новая беда подкараулила испанцев. На кораблях появилась цынга. Тогда еще не знали, что с этой страшной болезнью можно бороться, если моряков снабжать разнообразной пищей и особенно зеленью. Обычно от цынги погибало множество моряков.

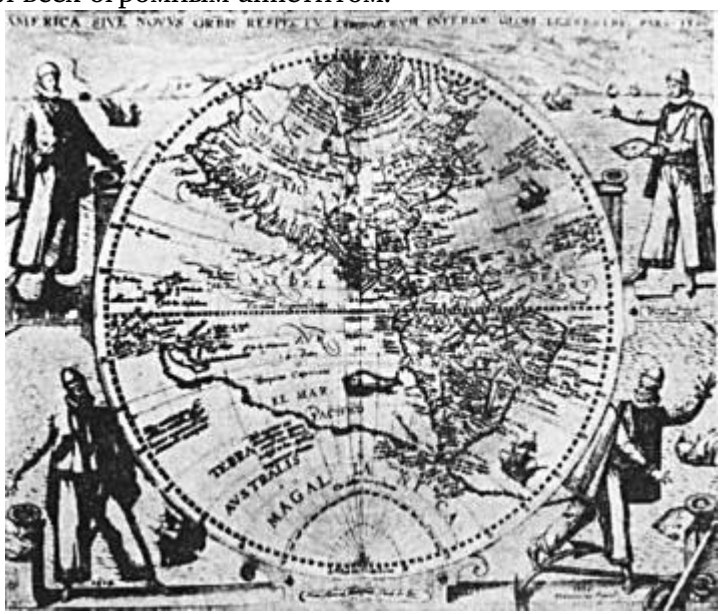
Первым заболел один из захваченных в бухте Сан-Хулиан патагонцев, плывший на «Виктории». Он оказался добрым и смышленым человеком, быстро освоился на корабле и особенно полюбил шумного Дуарте Барбоса и вежливого Антонио Пигафетту.

Барбоса скоро нашел общий язык с пленником. Он велел расковать его и сам заботился, чтобы его кормили. По утрам он громко кричал ему приветствия, мешая португальские, индусские и арабские слова. Пленник ничего не понимал, но громкий, раскатистый смех капитана говорил яснее слов. Пленник радостно улыбался и отвечал непонятным патагонским приветствием.

По-иному вел себя Пигафетта. Антонио помнил о поручениях итальянских купцов и банкиров. По целым дням просиживал он с патагонцем и, показывая на различные предметы, старался записать необычайно трудные для европейца патагонские названия. Патагонец так привык к этому, что, видя Пигафетту,

сам спешил ему навстречу, приветствуя его первыми, пришедшими на память патагонскими словами.

Пигафетта терпеливо записывал все, что мог понять у патагонца. Кто знает, быть может, когда-нибудь европейцы наладят торговлю с Патагонией и построят там крепости и города. Тогда его патагонский словарь станет незаменимым, а ему, Антонио Пигафетте, будет обеспечена сытая старость, да и вся команда полюбила веселого, общительного патагонца. Пленник часто забавлял моряков, засовывая глубоко в горло стрелы и тонкие палочки. Антонио Пигафетта вообразил даже, что это один из приемов туземной медицины[63]. Патагонец удивлял всех огромным аппетитом.



Карта Западного полушария (1596 г.).

На этой карте изображена огромная «Южная Магелланова Земля». В левом верхнем углу фигура Христофора Колумба, в правом верхнем углу — Америго Веспуччи; в нижнем левом углу — Магеллана; в правом нижнем углу — Франциско Писсаро.

Но через две недели после того, как корабль вышел в Тихий океан, патагонец заболел. Он перестал есть, у него стали кровоточить десны. Один за другим выпадали зубы. Патагонец слег. Однажды утром его нашли мертвым.

— Тоска по родине, — решил Пигафетта.

— Нет, друг, — ответил Дуарте, — это новая, еще малоизвестная болезнь. С тех пор, как моряки начали уходить далеко в открытое море, она стала страшной гостьей на кораблях. Спасение от нее — высадка на берег. Но нам предстоит долгое

плавание по океану, и я уверен, что пленник наш будет не единственной жертвой этой новой чумы.

Дуарте оказался прав. Цынга косила одного за другим. Больные валялись в трюмах и на палубах. Во время плавания переболело цынгой около пятидесяти моряков; девятнадцать человек умерло.

Путешественники с тоской всматривались в даль. Но спокойный океан был пустынен.

Магеллан переносил все тяготы пути наравне с простыми матросами и часто отказывался от своей чарки воды в пользу больных. Он осунулся, раненая нога его опять разболелась, глаза ввалились, в черной густой бороде появилась седина.

По горькой иронии судьбы, он полностью выполнил зарок, который дал у входа в Магелланов пролив, — ел кожу с корабельных снастей, но вел корабль вперед.

По-прежнему он ободрял товарищей. Несмотря на хромоту, он был очень ловок и почти все время был в движении. Его небольшая фигура появлялась всюду: на верхней палубе, у бочек с протухшей водой, в камерах, где хранились порох и оружие, в каютах, где стонали больные.

Магеллан радовался тому, что, несмотря на все невзгоды, корабли идут к цели, осуществляя его заветную мечту.

24 января 1521 года в полдень юнга крикнул с верхушки мачты: «Земля!»

Все бросились наверх. Даже тяжело больные цынгой с трудом говорили шепотом друг другу: «Земля!»

«Земля!» повторяли, поднимаясь наверх, те, которые еще имели силы вскарабкаться на палубу.

Подняли все паруса. На «Виктории» раздался пушечный выстрел. Это нетерпеливый Барбоса приветствовал долгожданную землю. Корабли пошли быстро, но морякам казалось, что они ползут слишком медленно, и все с жадностью всматривались в даль.

Горькое разочарование ждало путешественников. Земля оказалась безлюдным и бесплодным островом. Впоследствии он получил название острова Сан-Пабло. Магеллан велел плыть дальше. Угрюмо разошлись по своим местам моржи. Через несколько дней вновь показалась земля. Но и на этот раз это был мрачный скалистый остров. Позднее его назвали островом Акул. Магеллан прозвал оба острова «Несчастливыми островами».

Опять потянулись унылые дни. Океан казался бесконечным. Новые заботы появились у командира. Он знал, что эскадра проделала большую часть пути и скоро может попасть туда, где плавают португальские корабли.

Встречи с португальцами Магеллан очень опасался. Его корабли были сильно изношены, голодные и больные моряки окажутся плохими бойцами. Если португальцы нападут — сопротивление будет бесполезно. Очень возможно также, что Магеллан, избегая столкновения с португальцами, рассчитывал пройти далее на север, добраться до Чипангу — Японии, о которой еще со времен Марко Поло ходили самые фантастические рассказы.

Дело в том, что на картах конца XV и начала XVI века Чипангу помещали недалеко от Калифорнии. Интересно, что во время второго плавания на Филиппинские острова, в 1525 году, в котором принимал участие один из спутников Магеллана, Себастиан Эль-Кано, руководитель экспедиции Лойяса ставил своей задачей найти Чипангу — Японию. Для этого он забрался далеко на север. Знаменитый испанский кормчий Андрес де Урданета писал о плавании Лойяса: «Мы плыли, борясь со всеми этими препятствиями, вплоть до 14–15° северной широты в поисках Чипангу, но, так как люди умирали один за другим от усталости и лишений, мы решили взять курс на Молуккские острова».

Итак, Магеллану предстоял выбор: идти напрямик к Молуккским островам и, быть может, попасться в лапы португальцев или пройти на север, добраться до Японии, Китая или какой-нибудь иной, еще независимой от португальцев страны, там починить корабли, дать отдых команде, вылечить больных и, забрав провизию и воду, со свежими силами, поплыть к Молуккским островам.

Теперь, накануне завершения плавания, командир должен был проявить особую осторожность и не рисковать понапрасну. Магеллан долго колебался. Наконец, он решил обмануть товарищей.

13 февраля 1521 года он созвал всех, кто мог стоять на ногах, и сказал им:

— Друзья, я произвел вычисления. Цель нашего плавания — Молуккские острова, родина пряностей — близка!

Возгласы восторга приветствовали его слова.

— Но многие из вас знают, друзья, что на Молуккских островах нет воды, — продолжал командир. — Поэтому я хочу изменить курс и сначала добраться до таких земель, где есть и вода и провизия, а потом уже вернуться к островам пряностей. Что толку, если мы найдем Молуккские острова и умрем там от жажды?

Португальцы, чтобы отвадить других моряков от плавания к Молуккским островам, давно уже распускали ложные слухи о

том, что на островах этих нет воды, а море у берегов так глубоко, что нельзя стать на якорь. Испанские моряки слышали эти рассказы и поверили Магеллану.

Корабли изменили курс. Так плыли весь февраль. Моряки болели и умирали.

В эти дни умер также и Антонио де Кока, один из руководителей мятежа в Сан-Хулиане. Он был приговорен судьей Эспиносой к смертной казни, но помилован Магелланом.

Лишь 6 марта с кораблей увидели землю. На этот раз перед моряками раскинулись одетые зеленью берега. Но и здесь испанцам не повезло.

Началось хорошо. К кораблям подъехали на множестве лодок островитяне. Это были нагие люди, в небольших шляпах из пальмовых листьев. Их красивые белые, красные и черные лодки удивляли испанцев.

Островитяне привезли на корабли свежую рыбу, битую птицу, сахарный тростник. Они не знали собственности: они сами с готовностью отдавали все, что у них просили испанцы, но зато пытались брать себе все, что им нравилось на кораблях. Это выводило моряков из себя.

Пока дело ограничивалось безделушками, испанцы сдерживались, но когда туземцы унесли куски паруса и небольшой якорь, Магеллан приказал прогнать их с корабля.

Наутро оказалось, что островитяне за ночь отвязали и увели шлюпку. Командир рассердился. Взяв с собой сорок вооруженных матросов, он высадился на берег. Завязалась схватка. Туземцы были вооружены только деревянными копьями. Они смело защищались, но испанцы быстро одержали верх.

Пигафетта пишет: «Когда мы отправились на берег, чтобы наказать островитян, наши больные просили нас привезти им внутренности какого-нибудь убитого жителя, будучи убеждены, что они помогут им выздороветь в короткое время.

Когда наши люди наносили островитянам раны стрелами (которых те совершенно не знали), пронзая их насквозь, эти несчастные старались вытащить их то за один, то за другой конец, после чего умирали от ран, но мы не сожалели об этом».

Преследуя туземцев, отряд Магеллана добрался до селения на берегу залива. Под тенью высоких деревьев были разбросаны островерхие хижины, крытые огромными листьями. Внутри испанцы не нашли никаких сокровищ. Там были лишь мягкие постели из цыновок и соломы, копья с наконечниками из рыбьих костей да пестро раскрашенные глиняные горшки. На берегу среди разноцветных лодок, вытащенных на песок, моряки увидели свою шлюпку.

Магеллан приказал возвращаться на корабли. Перед уходом матросы подожгли хижины и лодки.

Во время схватки испанцы убили семь островитян. Оставаться на берегу было опасно, и на другой день Магеллан решил поскорее уходить в море, хотя моряки еще не успели как следует запастись водой и продовольствием. Островитяне долго плыли на своих лодках за уходящими кораблями. Они швыряли в пришельцев камнями, а женщины плакали и рвали на себе волосы, вспоминая, должно быть, близких, убитых испанцами.

Ладронские, или Марианские, острова. Рисунок в рукописи Антонио Пигафетты.

Несмотря на то, что моряки пробыли на этих островах недолго, Пигафетта успел собрать немало интересных сведений об их обитателях. Он пишет: «Эти народы не имеют никаких законов. У них нет ни короля, ни вождя. Они ничему не поклоняются. Ходят совершенно нагими; некоторые из них носят длинную бороду; черные волосы, завязанные узлом на лбу, спускаются до пояса. Они носят небольшие шляпы из пальмовых листьев, похожие на албанские. Люди эти такого же роста, как и мы, и хорошо сложены. Их кожа оливкового цвета, но говорят, что родятся они белыми, а потом становятся темными. Они искусно раскрашивают себе зубы в красный и черный цвета. Женщины миловидные, хорошо сложены и не так темны, как мужчины. У них тоже черные прямые волосы, которые падают до земли. Они,

подобно мужчинам ходят нагими, закрываются лишь узкими, передниками из тонкой, как бумага, пальмовой коры…

Развлечением им служат прогулки с женами в лодках, приспособленных для ловли летучих рыб при помощи сделанных из рыбьих костей крючков. Лодки эти подобны тем, на которых ездят в Венеции, но они уже. Они окрашены в черный, белый и красный цвета. На одном борту укреплен парус, а к другому, — чтобы сделать лодку более устойчивой, — прикрепляется с помощью жердей большое бревно. Паруса эти сделаны из пальмовых листьев, сшитых вместе, и похожи на латинский парус».

Вспомнив узкие паруса кораблей Средиземного моря, Магеллан назвал этот архипелаг островами «Латинских Парусов». Позднее испанцы прозвали эти острова «Разбойничьими» («Ладронес»), потому что у всех кораблей, приходивших к их берегам, происходили такие же недоразумения с туземцами, как и у Магеллана[64].

Еще восемь дней плыли корабли на запад, а 16 марта вновь показался берег. За белой линией прибрежного буруна блестел песок, а дальше виднелись тонкие пальмы. Это был остров Самар — один из Филиппинских островов.

Магеллан стоял на высокой корме, когда попутный ветер гнал корабли к неведомому берегу. Осуществлялись его заветные мечты. Он выполнил самую трудную часть своего задания — открыл пролив между Атлантическим и Тихим океанами и пересек впервые в истории величайшее водное пространство земного шара — Тихий океан.

«Остров пресной воды с добрыми признаками»

«…Мы назвали его „Островом пресной воды с добрыми признаками“ потому, что нашли на нем два источника с превосходной водой, и потому еще, что заметили признаки золота в этой стране».

Антонио Пигафетта, «Путешествие и открытие Верхней Индии, совершенное мною, Антонио Пигафетта, винчентским дворянином и родосским кавалером».

Около большого острова Самар виднелся маленький гористый островок, поросший лесом. Магеллан решил остановиться у этого островка и послал туда на разведку Хуана Серрано с отрядом моряков.

Шлюпка Серрано быстро пересекла залив. Матросы не щадили сил, стараясь поскорее добраться до суши. Серрано, не дождавшись, пока шлюпка пристанет к берегу, выпрыгнул и по колена в воде побежал к берегу. Шлюпку вытащили на белый песок, покрытый обломками кораллов, красными и синими морскими звездами.

Моряки зашагали по берегу. Ярко-зеленый краб бочком метнулся в сторону и притаился за камнем.

Было совсем тихо. Только под ногами моряков хрустел песок и куски кораллов. Испанцы стали подниматься вверх, цепляясь за длинные, покрытые мелкими коричневыми плодами стебли пловучих растений. Скоро песок кончился, и сразу стеной встал буйный тропический лес.

Ввысь уходили белые стволы пальм, и где-то в вышине покачивались их зеленые вершины. Невиданные деревья высоко поднимали свои лишенные листьев, но покрытые желтыми цветами кроны. Их стволы исчезали под вьющимися растениями. С ветвей свешивались пестрые чашечки орхидей. Упругие колючие лианы тянулись от дерева к дереву, преграждая морякам путь.

Огромные бурые муравейники виднелись повсюду. Почва

была мягкая и влажная. В лесу стоял гул. Звенели кузнечики, гудели большие жуки, шумели стаи красных и зеленых попугаев, пронзительно верещали маленькие обезьянки.

Потом лес расступился. Перед путниками раскрылась просторная поляна. Быстрый поток, пробивая себе путь среди сплетенных корней, разливался небольшим озерком и веселым водопадом сбегал ко взморью.

Моряки бросились к воде. Одни пили лежа, погрузив лицо в холодную прозрачную влагу. Другие, стоя на коленях, черпали воду медными шлемами и жадно пили, не замечая, как вода обливает их руки и грудь.

Напившись и отдохнув, моряки пошли обратно. Некоторые бережно, стараясь ее расплескать, несли своим больным товарищам воду в шлемах, полных до краев.

Серрано заявил командиру, что остров, судя по всему, безлюден, но на нем есть источник превосходной пресной воды.

Магеллан подвел корабли к острову и приказал прежде всего высадить больных. Для них устроили навес из листьев. Все повеселели. Моряки с наслаждением бродили по лесу, слушали незнакомых птиц, по-детски радовались странным цветам и плодам. Многие матросы хотели было отведать сочных и крупных плодов, но Магеллан, боясь, что среди плодов могут попасться ядовитые, запретил их трогать.

— Подождите, друзья, — сказал он, — появятся местные жители, и они покажут нам, что можно есть, а чего нельзя.

Командир приказал запастись пресной водой. С кораблей свезли на берег бочки; их долго вымачивали в ручье и скоблили, чтобы уничтожить запах протухшей воды.

18 марта юнга, дежуривший на мачте корабля, увидел, что от большого острова отплыла лодка. Услышав об этом, Магеллан велел прибрать в лагере мусор и грязь и приказал, чтобы никто не говорил с туземцами без его разрешения.

Тем временем лодка подошла к берегу, и туземцы высадились. Это были бедные рыбаки — темнокожие люди, украшенные татуировкой. Магеллан подарил им бубенчики, гребешки, шапки, куски пестрых тканей и зеркала. Рыбаки отдарили испанцев, чем могли. Они поднесли Магеллану кувшин пальмового вина, кокосовых орехов, бананов и наловили для путешественников рыбы.

Магеллан приказал раздать свежую провизию больным, а здоровых накормить тем, что останется от больных. Но вскоре нужда в такой экономии отпала. Островитяне каждый день привозили испанцам плоды, рыбу, птицу. Фрукты, овощи и хорошая вода оказали чудесное действие на больных цынгой. С

каждым днем на цыновках под навесом оставалось все меньше и меньше больных. Выздоравливающие бродили по острову или лежали на песке у источника.

С островитянами испанцы быстро подружились.

Туземцы называли маленький островок, где жили испанцы, Хумуну, а большой — Самар.

В то время моряки имели обыкновение называть вновь отрытые места в честь того «святого», память о котором праздновалась в день открытия. Поэтому Магеллан назвал новый архипелаг островами «Святого Лазаря»[65].

Однажды утром, решив обследовать островок, Магеллан, взяв с собой Дуарте Барбоса и нескольких моряков, пошел вдоль берега. Сначала идти было легко. Ветер приносил с моря прохладу. Моряки шли по сверкающему прибрежному песку. По берегу быстро пробегали большие длинноногие птицы, деловито обследуя расщелины сухих кораллов и выброшенные морем ветки или поклевывая мертвые морские звезды. Увидав людей, они с жалобным криком поднимались в воздух, а когда отряд проходил дальше, садились на старое место и вновь принимались за свою охоту.

Так прошел час. Солнце стояло уже высоко над морем и сильно припекало спины моряков.

Растения Филиппинских и Молуккских островов. (A — ветка перечного дерева: 1 — плод; B — банан, или райская фига; 2 — плод; C — ананас, или королевское яблоко; D — кокосовая пальма: 3 и 4 — плоды; E — ветка гвоздичного дерева: 5 — цветок, 6 — плод).

Рисунки и надписи в книге Пигафетты издания 1800 года.

Потом песчаный берег кончился. Лес подступил к самому морю, Здесь было душно и пахло гнилью. Было время отлива. Тысячи воздушных корней мангровых деревьев свешивались, переплетаясь, вниз и уходили в вязкий темный ил. Серые

скрюченные ветки были усеяны плотными блестящими листьями.

Думая, что мангровая заросль скоро кончится, и зная, что до прилива еще много времени, Магеллан решил обойти заросль и вошел в воду, едва прикрывавшую топкий и зловонный ил. Испанцы продвигались с большим трудом. Ноги их вязли в иле. Вокруг выскакивали огромные пузыри, с ветвей все время соскальзывали в воду маленькие красные лягушки и плоские крабы. Стайки пестрых рыбок проносились из затопленных зарослей в море.

Моряки обошли небольшой мысок, и перед ними открылся уходивший вдаль берег. Магеллан остановился. Всюду, насколько хватало глаз, были видны лишь темные мангровые заросли, начинавшиеся прямо у воды. Идти вперед было рискованно.

Испанцы свернули в глубь леса, пытаясь пробиться сквозь заросли к твердой земле. Но в чаще деревьев воздушные корни еще гуще переплетались между собой. Огромные бледные грибы покачивались на ветвях. Царил полумрак. Было трудно дышать застоявшимся, напоенным влагой воздухом. Тонкими голосами пели москиты. Командир приказал возвращаться назад.

Испанцы вздохнули с облегчением, когда выбрались из мрачного, затопленного леса на сухой и чистый песок. Они вымылись, почистились и закусили.

— Нам не удалось пройти вдоль берега, придется подняться наверх, чтобы оттуда осмотреть окрестности острова, — сказал Магеллан.

Моряки, взобрались по откосу и, войдя в лес, стали подниматься выше. Под ногами зашуршали папоротники.

Несмотря на то, что испанцы все время взбирались в гору, идти было гораздо приятнее, чем там — в зловонном болоте, среди мангровых деревьев. Дуарте даже затянул песню — старую морскую песню о матросе, который сквозь бури и штормы возвращается после долгого плавания на родину.

Моряки часто останавливались, с изумлением рассматривая причудливые грибы, незнакомые плоды, яркие цветы и указывая друг другу на огромных пестрых бабочек, беззвучно перелетавших с одного куста на другой, на зеленых ящериц, неподвижно лежавших на самом солнцепеке, или на любопытных обезьян, свешивавшихся с ветвей.

Магеллан и Барбоса шли впереди, весело разговаривая. Все чаще и чаще замечали они признаки того, что Молуккские острова близко. Они узнавали многие цветы и плоды, то и дело замечали знакомые деревья: мангустаны с их курчавыми листьями, колючие стебли ратанов, огромный дурьян, плоды хлебного дерева, росшие прямо из стволов у оснований листьев.

Они не знали названий многих деревьев, но припоминали, что видели во время прежних странствований по дальним землям — на Малакке в Индии, на Суматре и Яве — листья с золотистыми пятнами и розовыми черенками, красные, усеянные колючками плоды, большие лиловые листья, как тряпки, спускавшиеся с ветвей, кустарник с гирляндами голубых ягод, большие белые цветы.

— Здесь так много знакомых деревьев и трав, что мне часто кажется, будто я когда-то побывал на этом острове, — задумчиво промолвил Барбоса.

— Значит мы на верном пути! — воскликнул командир. — Мы недалеко от страны пряностей. Только прежде мы попадали в эти края с запада, из Индии, — теперь проникли с востока, — добавил он.

— Ну, а если мы найдем эти баснословные острова, набьем пряностями весь корабль и даже вместо провизии возьмем с собой пряностей, чтобы даром не пропадало место, как мы будем добираться домой? — спросил Дуарте.

— Знаешь, друг, — сказал, подумав, Магеллан, — теперь пора поделиться с тобой самой заветной мечтой моей. Я хочу, добравшись новым путем до Молуккских островов, новым путем вернуться на родину. Я мечтаю о первом кругосветном плавании.

Начался крутой подъем. Магеллан замолчал. Перелезая через поваленные бурей стволы и обходя колючие кусты, моряки все выше и выше поднимались в гору.

Потом путь преградила бамбуковая роща. Тысячи желтых и бледно-зеленых стволов, увенчанных нежной, дрожащей на солнце листвой, тянулись вверх. Вся роща была пронизана солнечными лучами. Но пробраться через бамбуковые заросли было немыслимо. Меч не брал крепкие стволы толщиной в человеческую руку, и испанцы принуждены были совершить большой крюк, чтобы обойти рощу.

Они снова пошли в гору. Лес поредел. Земля стала сухой и твердой. Начали попадаться камни и обломки скал. Быстрые стаи маленьких синих птичек перелетали с камня на камень. Стало легче дышать. Еще один крутой подъем по расщелине — и они оказались на вершине горы, господствовавшей над островом.

Магеллан снял шлем и подошел к краю обрыва. Дуарте стал рядом с ним. Огромный простор раскрылся перед ними. Вниз спускался тропический лес. Далее вилась светлая полоса прибрежного песка, кое-где прерываемая темно-зелеными мангровыми зарослями. В заливе виднелись испанские корабли, а дальше, по всему морю до самого горизонта, раскинулись островки, покрытые густым лесом.

— Командир, — промолвил Барбоса тихо, — вы открыли пролив. Вы первый пересекли Тихий океан и нашли новую дорогу к Молуккским островам. Этого достаточно, чтобы имя ваше прославилось навек. Но вы совершили еще один подвиг — вы открыли эту чудесную страну. За это вас будут благословлять потомки!

— Подожди, Дуарте, — с улыбкой возразил Магеллан. — Главного мы с тобой еще не совершили. Кругосветное плавание — вот цель, достойная того, чтобы за нее отдать жизнь!

Филиппинские острова

«Умные рыбаки да знающие мореходы, что здесь плавали и истинную правду ведают, говорят: в этом море семь тысяч четыреста сорок восемь островов, и на многих живут люди».

Марко Поло, «Путешествие»

25 марта эскадра покинула Хумуну. На кораблях стало весело. Все больные выздоровели. Вдоволь было еды и питья. Корабли медленно скользили вдоль бесчисленных островков; с берегов доносилась трескотня кузнечиков и цикад.

По ночам, привлеченные светом фонарей, на корабли прилетали большие мохнатые жуки, узкокрылые розовые и белые ночные бабочки и летучие мыши.

28 марта корабли осторожно пробирались между двумя островами. Вахтенный заметил дымок в лесу. Магеллан приказал подойти ближе к берегу. В это время в пролив вошла длинная узкая лодка. На корме ее сидел маленький человек в белой чалме. Он заунывно пел, мерно ударяя в медный гонг, и в такт ударам гонга нагие гребцы налегали на весла. На разукрашенном носу лодки был привязан большой белый петух. Как потом узнали испанцы, островитяне считали, что белые петухи могут отгонять злых духов, и поэтому обычно брали их с собой в море.

Магеллан велел остановить корабль. Лодка быстро приближалась. Командир позвал своего раба Энрике, надеясь, что Энрике поймет этих людей. Тогда все, даже самые недоверчивые, увидят, что корабли подходят к странам, лежащим где-то недалеко от Суматры и Малакки.

Магеллан приказал Энрике окликнуть людей в лодке. Все столпились наверху и стояли молча. Энрике перегнулся через борт и громко прокричал приветствие.

Певец замолк и прислушался. Лодка остановилась Энрике повторил свой возглас, и тогда человек в белой чалме, встав и отбросив гонг, стал оживленно разговаривать с Энрике.

— Понял!..

— Он понял Энрике! — заговорили на корабле. — Значит командир прав, и мы, плывя на запад, попали в те места, куда португальцы добирались, плывя на восток…

— Значит близки Молуккские острова.

Только теперь все спутники Магеллана поняли, как близки они к цели. На кораблях начались шутки и смех. Командир приказал Энрике позвать людей из лодки на корабль. Но те не решались подняться на палубу.

Тогда моряки привязали к доске красный колпак, связку бус и нож и опустили доску в море. Островитяне подобрали доску и знаками поблагодарили путешественников. Маленький человек на корме вновь запел свою песню, ударяя в гонг; гребцы дружно взялись за весла, и лодка скоро скрылась вдали.

Армада пошла дальше. Наутро испанские корабли подошли к селению и встали на якорь.

На высоких сваях стояли бамбуковые хижины. Между ними были перекинуты мостки. Под сваями темнела вода. Связки рыбы висели на тонких шестах. Маленькие лодки сновали между хижинами. На подмостках перед жилищами возились дети, куры и поросята. Взрослые сгрудились на мостках, выдававшихся далеко в море и служивших, очевидно, пристанью для больших лодок.

Островитяне разглядывали никогда не виданные корабли и их обитателей. Многие поспешили к лодкам, чтобы подплыть к кораблям Магеллана поближе.

Наконец на «Тринидад» прибыл сам раджа — высокий и красивый молодой человек. Антонио Пигафетта так рассказывает о нем: «Он был очень опрятно одет, согласно местному обычаю, и был самым красивым человеком среди этих людей. Его черные волосы ниспадали на плечи; шелковая ткань покрывала его голову, а в ушах он носил два золотых кольца. От пояса до колен он был закрыт хлопчатобумажной материей, вышитой шелком; сбоку он носил нечто вроде кинжала или шпаги с длинной рукояткой, а ножны были очень хорошей работы. В каждый зуб у него было вделано по три золотые крупинки, так что его зубы казались как бы обведенными золотом. Он был надушен ладаном. Его тело было раскрашено, лицо же оставалось желтоватым».

Раджа поднялся на корабль и подошел к командиру. Магеллан шагнул навстречу и обнял его. Начался обычный обмен подарками. Раджа преподнес морякам рис, рыбу и фрукты, а Магеллан подарил ему красную с желтым куртку и шапку, а прибывшим с раджой туземцам роздал ножи, зеркала и бусы.

Потом командир решил показать островитянам мощь испанского оружия. Был дан залп из пушек. Грохот выстрелов напугал туземцев. Раджа метнулся назад, некоторые из его спутников попадали с ног, а многие островитяне, плававшие вокруг кораблей на лодках, попрыгали в море.

Тогда Магеллан приказал одному моряку надеть полное

боевое вооружение. Этот человек вышел на палубу в панцире и в шлеме с опущенным забралом. Его лица, рук и ног не было видно. Он стоял неподвижно на ярком солнце, как грозная статуя из блестящего металла. Командир приказал трем испанцам ударять латника мечами, колоть его шпагами и кинжалами, но мечи и кинжалы со звоном отскакивали от блестящих лат.

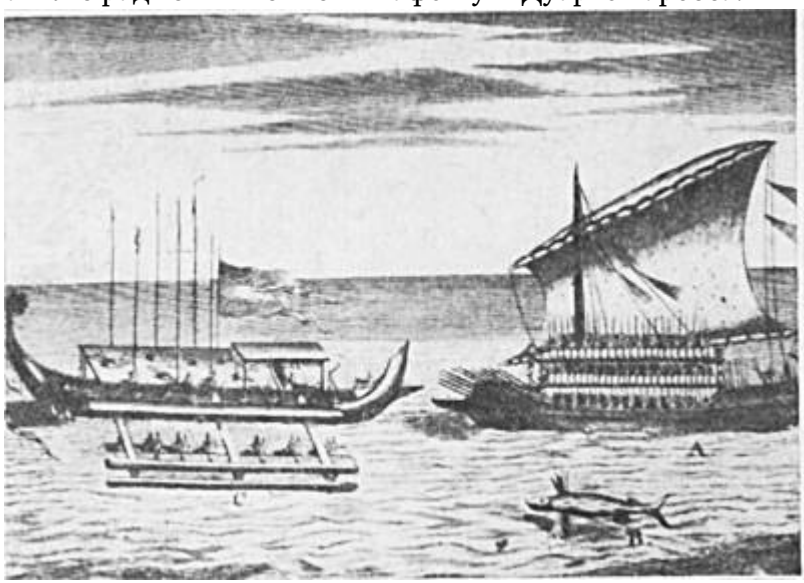
Раджа с удивлением смотрел на это, а потом, обратись к Энрике, сказал:

— Передай начальнику, что, по-моему, человек, защищенный таким образом, может сражаться с сотней бойцов.

— Ты прав, — ответил Магеллан. — Знай, о, раджа, — прибавил он небрежно, — что на каждом из наших кораблей есть двести подобных воинов.

Потом радже показали оружие испанцев, компас и мореходные карты, причем Магеллан объяснял, каким путем испанцы добрались до Филиппинских островов.

Прощаясь, молодой раджа попросил Магеллана послать на берег двух моряков: он хотел показать им селение. Командир отправил с раджой Антонио Пигафетту и Дуарте Барбоса.



Корабли жителей Малайского архипелага. А — боевой корабль короля Мадуры; В — летучая рыба; С — каркоа, или каркорра, короля Тернате.

Гравюра и надпись в книге, изданной в 1706 году.

Моряки сели в лодку островитян. Когда лодка причалила к помосту, молодой раджа вышел первым и, подняв руки к небу, приветствовал гостей в своем селении.

Итальянец и португалец в свою очередь подняли руки вверх и низко поклонились радже.

Моряков повели под тростниковый навес, где стояла длинная лодка, и усадили на ее корме. Раджа сел на скамью напротив, а вокруг встали воины с копьями и щитами в руках.

Подали обед — вареную свинину на деревянных блюдах и вино в чашах из кокосовой скорлупы. Прежде чем начали есть, из толпы вышел толстый человек и поклонился радже. Это был повар. Он отведал по кусочку свинины из каждого блюда и по глотку вина из каждой чаши, показывая этим, что в еде и питье нет отравы.

Потом начался шумный пир. Каждый раз, готовясь осушить чашу, раджа высоко поднимал ее правой рукой и протягивал левую, сжав ее в кулак, к самому лицу Антонио Пигафетты. Первый раз итальянец вообразил, что раджа хочет его ударить по лицу. Он отшатнулся. Все кругом засмеялись. Тогда Пигафетта понял, что таков был обычай на этом острове, и, когда сам пил, тоже подносил кулак к лицу раджи.

По краям навеса сидели маленькие барабанщики. Они с ожесточением били ладонями по узким, туго натянутым барабанам. Оглушительный грохот не прекращался во все время обеда.

После пира итальянец начал записывать названия окружающих предметов. Это очень удивило туземцев. Они никогда не видели, как пишут, и толпились вокруг Антонио, хором называя предметы, на которые он указывал, и восхищались, когда тот читал вслух написанное.

В другом конце навеса Дуарте при помощи жестов вел оживленную беседу с каким-то старым туземцем. Подоспело время ужина. Принесли свинину и рис в фарфоровых чашах.

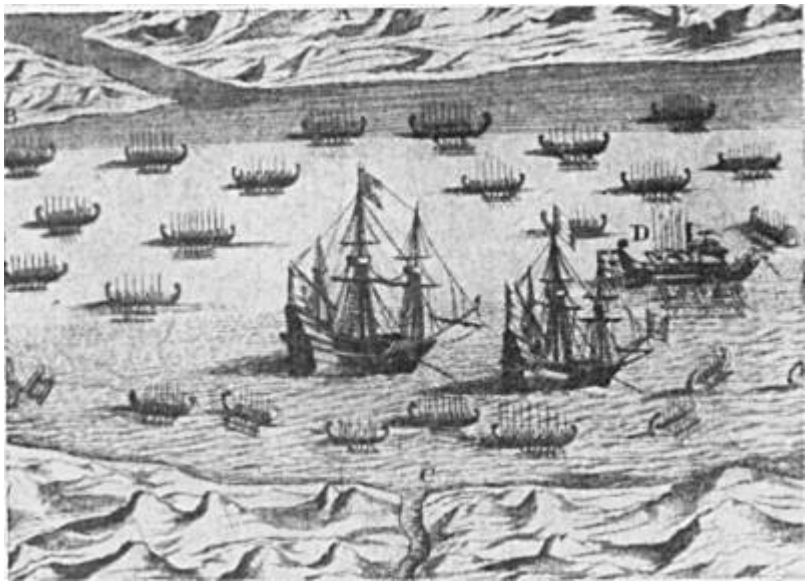
— Смотри, Антонио, — сказал Дуарте Барбоса, — мы попали в земли, где есть китайский фарфор. Я видел такой фарфор на Малакке. Значит она недалеко.

За ужином гостей усердно потчевали вином. Осторожный Антонио отнекивался, но Дуарте пил много и быстро опьянел.

Стемнело. Гостей повели спать в хижину на сваях. Пришлось подниматься по шаткой лестнице. В хижине горела небольшая масляная светильня, сделанная из скорлупы кокосового ореха.

С потолка свешивались яркие щиты, чучела каких-то птиц, череп кабана. Гостей уложили на мягкие цыновки. Провожатые вышли. Европейцы остались одни.

Дуарте Барбоса чувствовал себя, как дома: он снял доспехи, с наслаждением растянулся на низком ложе и скоро захрапел.



Европейские и туземные корабли у Молуккских островов. A — остров Тидор; B — пустынный остров между Тидором и Тернате; C — река, где расположен Легад; D — каркоа короля.

Гравюра и надпись в книге, изданной в 1706 году.

Итальянцу не спалось: он ворочался на своей цыновке и прислушивался. Ветер свободно гулял в хижине, проникая сквозь бесчисленные щели в полу, стенах и потолке. Светильня ярко вспыхнула и, зашипев, погасла.

Шелестели сухие листья на крыше, шуршали по полу ящерицы, внизу чавкали свиньи, из лесу доносился чей-то крик, вдали шумело море.

Антонио пытался разбудить португальца, но тот опал спокойно и крепко. Пигафетта долго лежал в темноте и лишь под утро забылся беспокойным сном.

Утром молодой раджа еще раз накормил гостей и проводил их до лодок.

Раджа рассказал, что неподалеку есть богатый, торговый город Себу. Он дал командиру кормчих, и корабли уверенно пробирались по лабиринту островов, островков, скал и мелей.

7 апреля испанцы увидели Себу. Город был очень похож на селение молодого раджи. Дома здесь тоже были построены на высоких сваях, часть домов стояла над водой, Но окрестности города были совсем другие. Вокруг высились белые известковые скалы. Вдоль берега тянулись коралловые рифы. Здесь было сухо и знойно.

Эскадра встала на якорь. Над бухтой прокатился грохот салюта, и на мачтах взвились пестрые флаги. Так Магеллан приветствовал повелителя Себу. Он послал на берег одного из

испанцев с переводчиком Энрике.

Посланных проводили во дворец — легкое здание из бамбука, расположенное в прекрасном саду. Их принял сам раджа Хумабона — маленький, очень тучный старик.

На нем был надет лишь передник из красной материи. Его обнаженное тело было украшено синей и красной татуировкой, а голову покрывал расшитый серебром синий платок. Дорогое ожерелье из жемчугов и серебра позвякивало на груди.

Он ел из белой чаши, запивая вином, которое он потягивал через тростниковую трубочку. Вокруг стояли полунагие приближенные, и среди них испанец с удивлением заметил старика в длинной белой одежде, молча поглаживавшего крашеную бороду. Это был араб — торговец, недавно приехавший из Сиама.

Раджа что-то тихо сказал стоявшему рядом юноше. Тот шагнул вперед и торжественно произнес:

— Мой повелитель, государь Себу, раджа Хумабона, велел узнать, кто вы и зачем прибыли в наши воды.

Посланец Магеллана ответил через переводчика:

— Господин мой, командир эскадры, служит самому могущественному государю на земле. Мы ищем Молуккские острова, но прослышали о радже Хумабона и решили посетить его город, чтобы приветствовать его и обновить запасы продовольствия и воды.

Юноша ответил от имени раджи Хумабона:

— Повелитель рад приезду чужеземцев, но настаивает, чтобы пришельцы заплатили пошлины за право торговли. Таков закон. Лишь на днях приходила джонка из Сиама, и ее хозяева полностью уплатили все налоги.

Посланец рассердился:

— Мой господин — капитан самого могущественного государя на земле! Ему не пристало платить за право торговли. Мы пришли с миром, но если ты, раджа, хочешь войны — быть войне!

В это время араб быстро подошел к радже и сказал ему тихо:

— Берегись, раджа, эти люди завоевали Малакку и Индию и теперь добрались до твоего города. Будь осторожен с ними.

Араб решил, что прибывшие — португальцы.

Раджа кивком головы поблагодарил араба и сказал, что посоветуется со старейшинами и даст ответ завтра. Посланцев накормили и отвезли на корабль.

Тем временем раджа Хумабона созвал совет. Сановники спорили и ссорились до глубокой ночи, а потом совет решил: силой одолеть пришельцев нельзя, — надо взять их хитростью.

Необходимо прикидываться их друзьями, уступать во всем, ослабить их бдительность, а потом, выведав слабые стороны, напасть на них врасплох.

Раджа Хумабона на другой же день стал выполнять решение совета. Он уже не вспоминал о пошлинах, прикидывался другом испанцев и обменивался с Магелланом богатыми подарками.

Когда испанцы заговорили с раджой о крещении, он изъявил полную готовность изменить веру. Раджу Хумабона торжественно крестили, назвав в честь короля Карлосом. Потом крестили его жену и придворных. В центре города поставили крест, и священник стал совершать там молебны.

В знак дружбы Магеллан и раджа Хумабона совершили обряд обмена кровью. Каждый надрезал себе руку, выдавил немного крови и, дав ее новому другу, вмазал в ранку полученную в обмен кровь.

От раджи и старого араба Магеллан узнал, что Молуккские острова недалеко.

Моряки свободно бродили по городу; часто туземцы зазывали их в гости и усердно потчевали всякими яствами.

Одна неприятность на время омрачила пребывание в Себу. Вновь, как и в Бразилии, исчез Дуарте Барбоса. На этот раз, помня бразильские похождения Барбосы, командир не очень беспокоился. Но новый его проступок заслуживал еще более сурового наказания. Ведь теперь Дуарте был капитаном «Виктории» и должен был показывать пример другим.

Дуарте пропадал двое суток и только на третьи, дождавшись вечера, потихоньку пробрался в свою каюту. Узнав, что Дуарте вернулся, Магеллан потребовал его к себе. Собрав всю команду, он сурово отчитал своего друга и тотчас же разжаловал его. Капитаном «Виктории» был назначен Кристобаль Рабелло.

Смерть Магеллана

«Слава Магеллана переживет его смерть».

Антонио Пигафетта, «Путешествие и открытие Верхней Индии, совершенное мною, Антонио Пигафетта, винчентским дворянином и родосским кавалером».

Армада надолго задержалась у острова Себу. Магеллан, узнав у раджи и арабского купца, что Молуккские острова недалеко, решил привести в порядок корабли перед последним переходом. Испанцы починили все повреждения на кораблях, залатали паруса и снасти.

Дружба с раджой Хумабона продолжалась. Пиры следовали за пирами. Раджа выразил готовность стать подданным Испании, а Магеллан поклялся защищать своего нового друга от всех врагов. Раджа и его советники решили воспользоваться этим.

26 апреля 1521 года раджа послал к Магеллану гонца и велел передать, что нуждается в его защите.

Магеллан поспешил на берег. Повелитель Себу ждал его в полутемной хижине. Командир застал у раджи гостя — высокого мрачного человека в грязном переднике. Кисть его правой руки была отрублена.

— Этот человек — мой родич и друг, — сказал раджа Хумабона, — его зовут Сула. Он вождь племени, живущего на островке Мактан, что виднеется вон там вдали. Он привез тебе в подарок двух коз. Сула давно уразумел благо вашей веры — он хочет креститься, стать подданным твоего короля и готов теперь же заплатить дань. Но на острове есть другой вождь — нечестивый, злобный Силапулапу. Он не только препятствует Суле платить дань твоему повелителю и мне, но собирается отнять у Сулы его землю, а потом напасть на меня. Теперь наступило время выполнить обещание. Пошли лодку с воинами, и с твоей помощью Сула сокрушит моего врага.

Магеллан решил, что он должен помочь новому подданному испанского короля.

— Хорошо, — сказал он. — Завтра я проучу этого человека.

Вернувшись на корабль, Магеллан отобрал лучших воинов и, проверив их латы и оружие, решил сам вести в бой своих людей.

Многие считали, что Магеллан напрасно вмешивается в распри островитян. Особенно резко протестовал против организации карательной экспедиции на Мактан Хуан Серрано. Он говорил: «Славы мы не добудем, добычи не получим, а дело может пострадать!»

Но Магеллан был непреклонен.

Он считал, что с тех пор, как раджа Хумабона принял христианство и стал подданным короля Карлоса I, его долг — долг командира испанской армады — защищать нового друга.

Прием европейцев повелителем острова Амбоина. A — правитель острова; B — браг короля Тернате; C — вице-адмирал и его переводчик; D — язычники; E — адмирал морей; F — дом коменданта; G — туземцы; H — трубачи.

Гравюра и надпись в книге, изданной в 1706 году.

— Мы не можем покинуть его в беде, — говорил он. — Было бы подлостью оттолкнуть руку друга, доверившегося нам и просящего о помощи.

Мысль о том, что раджа Хумабона затевает предательство, не приходила Магеллану в голову.

Когда все было готово, многие моряки стали уговаривать его, чтобы он не рисковал собой, во командир с улыбкой воскликнул:

— Полно, друзья, где это видно, чтобы пастух покидал свое стадо. До сих пор вы делили со мной все невзгоды и все радости плавания. Ничто не заставит меня теперь, когда все трудности позади, оставить вас одних во время боя.

Магеллан выступил в поход в полночь. Три шлюпки с испанцами шли впереди, а сзади плыло двенадцать лодок островитян. Сам раджа Хумабона с многочисленной свитой

отправился к берегам острова Мактан, чтобы посмотреть на сражение. На лодках горели факелы. Слышались удары гонга и тихое, медлительное пение рулевых.

Флотилия быстро пересекла пролив и подошла к Мактану. Было еще совсем темно, на берегу светились костры.

Магеллан попытался покончить дело миром. Он послал на берег одного из придворных раджи Хумабона и велел сказать Силапулапу и его подданным:

— Пусть Силапулапу и его люди признают власть повелителя Себу и его господина — короля Испании — и уплатят дань, тогда Магеллан станет их другом. Если же они будут упорствовать, то они узнают, как ранят наши мечи. Им придется познакомиться с ударами испанских копий, и испанцы сотрут их, как стирают пот со лба…

Посланец привез ответ жителей Мактана: «У нас тоже есть копья. Правда, они бамбуковые, с закаленными на огне остриями, но сражаться ими мы умеем не хуже вас. Подождите только до утра, когда прибудут наши союзники, и мы вас встретим достойно».

— Это — военная хитрость, — решил Магеллан. — Враги надеются, что мы сделаем наоборот и нападем теперь же, а они в темноте заманят нас в ямы и другие ловушки и перебьют поодиночке. Надо ждать рассвета.

Острова Бохол, Мактан и Себу. Рисунок в рукописи Антонио

Пигафетты.

Стали ждать. Шлюпки покачивались на воде. Испанцы тихо переговаривались между собой.

Наступил рассвет, раздался крик петухов. То приветствовали начало дня великолепные белые петухи — защитники от злых духов, взятые жителями Себу с собой на лодки. Крик петухов на лодках услышали петухи на берегу Мактана, и оттуда донесся ответный крик. В селении все засуетилось. Видно было, как нагие воины собираются вместе, как убегают в лес женщины и дети.

— Теперь пора, — промолвил Магеллан громко, так что его слышали на всех трех шлюпках. — Братья, — добавил он, — не пугайтесь множества наших врагов. Мы победим. Вспомните, что недавно капитан Эрнандо Кортес с двумястами испанцев победил триста тысяч индейцев.

С этими словами Магеллан первый выпрыгнул из шлюпки и по грудь в воде пошел к берегу. За ним последовали еще сорок восемь человек, а одиннадцать остались защищать шлюпки.

27 апреля выдался тихий, погожий день. Ветра почти не было. На море играла легкая зыбь.

Лодки жителей Себу расположились полукругом в некотором отдалении от берега, так что раджа Хумабона и его подданные могли следить за всеми подробностями столь любопытного зрелища, не подвергаясь ни малейшей опасности.

Магеллан крикнул товарищам, чтобы они были осторожнее. Он боялся ям, которые островитяне могли выкопать в песчаном дне у берегов острова. Небольшой отряд быстро подвигался к берегу. Испанцы шли, ободряя друг друга шутками. Наконец, они выбрались на длинную узкую отмель справа от деревни. Магеллан приказал обнажить мечи.

С берега тотчас же заметили высадку. Островитяне поспешили завязать бои. Их было очень много — около пятисот человек. Разделившись на три отряда, они с оглушительными криками напали на испанцев с разных сторон. Испанцы встретили жителей Мактана градом стрел и пуль из арбалетов и аркебуз.

Большинство моряков сражалось с жителями тропических стран не впервые. Обычно исход боя был предрешен заранее. Туземцы, не знакомые с огнестрельным оружием, приходили в ужас от грохота и огня, и часто первого же залпа бывало достаточно, чтобы сломить их сопротивление.

Но на этот раз вышло по-другому. Крики туземных воинов заглушали выстрелы испанцев. Островитян было слишком много: на место павших от испанских пуль вставали новые бойцы. Они забрасывали испанцев бамбуковыми копьями, закаленными в огне, и швыряли камни и песок в лицо врагам.

Продвижение испанцев приостановилось. Они сгрудились на длинной отмели. Чтобы отвлечь внимание островитян, Магеллан приказал пяти морякам незаметно обогнуть отмель и, пробравшись в селение, поджечь его.

Однако поджог селения привел к неожиданным результатам. Правда, часть воинов бросилась в селение и около хижин вступила в схватку с поджигавшими матросами. Только трое из поджигателей, израненные и избитые, смогли пробиться к отмели, где сражались испанцы. Двое были убиты на месте.

Главный отряд туземцев не тронулся с места, когда загорелось селение. Поджог лишь увеличил их ожесточение. Стрелы и копья еще чаще засвистели в воздухе. Испанцы сражались мужественно, но их окружили на отмели. Почти все были ранены.

Магеллан приказал медленно, в полном порядке отступать к шлюпкам, но внезапно моряки дрогнули и побежали по воде, поднимая брызги. Мы никогда не узнаем истинной причины того, что произошло в это мгновенье у берега острова Мактан. Большинству участников этого боя не суждено было вернуться на родину. Те же моряки, которые позорно покинули своего командира на произвол судьбы во время смертельной схватки, имели все основания молчать. Но невольно закрадывается мысль о том, что это внезапное бегство было подстроено врагами Магеллана — теми людьми, которых он когда-то простил после мятежа в бухте Сан-Хулиан.

С командиром осталось всего восемь человек. Один из оставшихся был мальчик-юнга. В числе этих восьми смельчаков был недавно назначенный капитаном «Виктории» Кристобаль Рабелло, Антонио Пигафетта и Хуан Серрано. Магеллан с товарищами отступали медленно, сохраняя полный порядок. Бой продолжался с еще большим ожесточением. Видя, что удары, направленные в голову, руки и грудь испанцев, не причиняют им большого вреда, потому что на испанцах были латы, туземцы переменили тактику и стали целиться в ноги отступающим врагам.

Первым упал юнга, пораженный тяжелым копьем. Магеллан бросился к нему, но было поздно. Один за другим стали падать испанцы. Погиб Кристобаль Рабелло; стрела попала в лицо Антонио Пигафетты, но, полуослепленный кровью, итальянец продолжал сражаться.

Бой тянулся уже около часа. Вода доходила сражающимся до колен. Бойцы островитян подбирали плававшие в воде копья и вновь бросали их в испанцев. Таким образом, они одним копьем, наносили до пяти ударов.

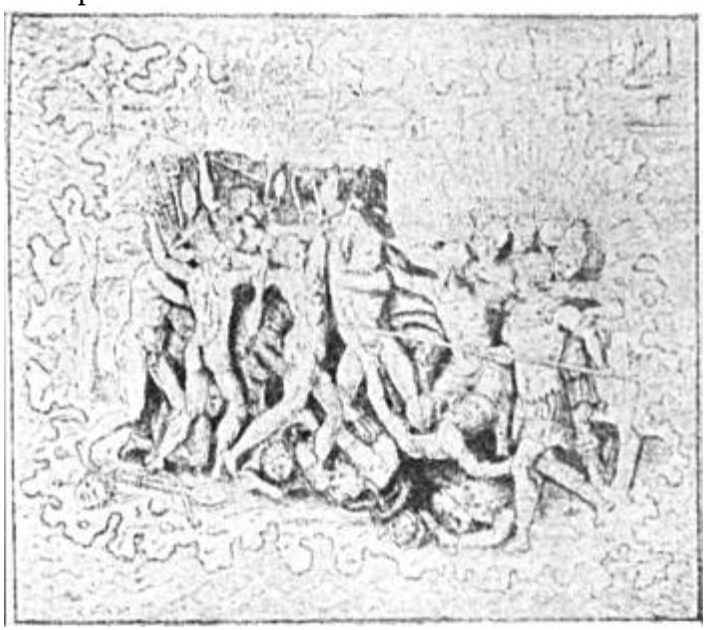
Туземцы обрушили все свои удары на Магеллана. Дважды тяжелыми копьями сбивали с его головы шлем. Стрела вонзилась ему в ногу, но он все еще сражался, ободряя оставшихся в живых товарищей.

Высокий туземец нанес командиру удар в лоб. Магеллан пошатнулся, но, тотчас же оправившись, пронзил врага копьем. Островитянин рухнул. Магеллан пытался вытащить копье, но оно крепко засело в теле павшего.

Нападавшие заметили это. Окружив Магеллана и оттеснив от него товарищей, они стали наносить ему удар за ударом. Его снова ранили в ногу, он упал, но опять вскочил и закричал товарищам, чтобы они спасались.

Новым ударом его сбили с ног, и он погрузился в теплую, ставшую красноватой, воду.

Островитяне столпились над ним, нанося ему последние смертельные раны.



Смерть Магеллана. Гравюра 1575 года.

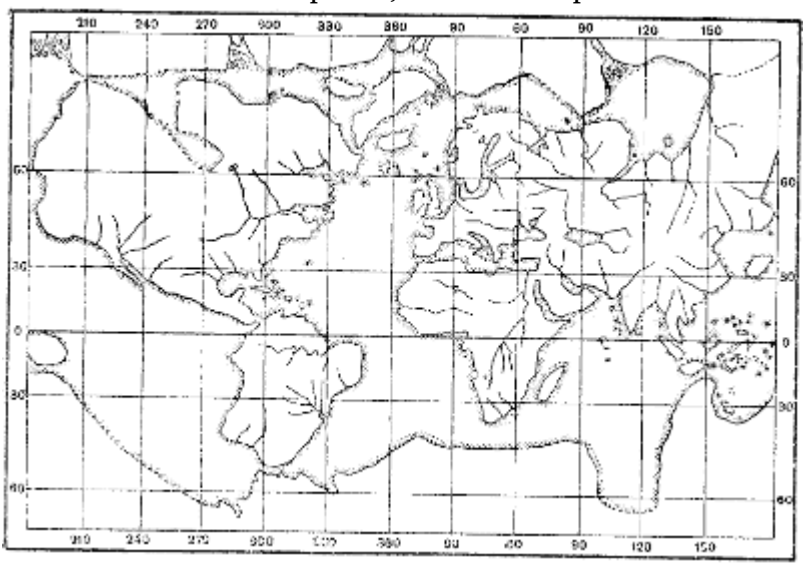
Его израненные соратники, видя, что командира спасти нельзя, бросились к шлюпкам, пытаясь уйти от преследовавших их островитян.

Так бессмысленно погиб Фернандо Магеллан, погиб, совершив замечательные открытия, — найдя пролив, названный позднее его именем, впервые в истории переплыв Тихий океан и открыв Филиппинские острова, — погиб в случайной схватке накануне достижения цели.

Правда, сам Магеллан не добрался до Молуккских островов и

не завершил кругосветного путешествия. Но под его руководством испанские моряки прошли самую трудную часть пути по неведомым морям, приобрели огромный опыт дальнего плавания и были подготовлены к тому, чтобы совершить последний путь по знакомой дороге.

Если мы поверим Аргенсоле, Тексейре и Овиедо и вместе с ними будем считать, что Магеллан, еще будучи на индийской службе, побывал на каких-то отдаленных тропических островах, расположенных за несколько тысяч километров к востоку от Малакки, — может быть, на Новой Гвинее, — то мы должны признать, что Магеллан первый объехал вокруг света. Остров Мактан, где он погиб, лежит восточнее тех мест, где, по словам старинных испанских историков, он побывал раньше.



Карта мира по Меркатору (1569 г.).

Его соратник Пигафетта писал:

«Слава Магеллана переживет его смерть. Он был одарен всеми добродетелями. Он выказывал всегда непоколебимую настойчивость среди самых больших бедствий. На море он сам подвергал себя большим лишениям, чем остальной экипаж. Сведущий, как никто, в чтении морских карт, он владел в совершенстве искусством кораблевождения, и это он доказал своим путешествием вокруг света, на что никто другой не отважился до него».

Человечества всегда будет помнить того, кто, вопреки сопротивлению невежд и козням врагов, проложил новые пути по океанам, открыл пролив, названный его именем, впервые в истории пересек Тихий океан, — того, кто отдал свою жизнь для

осуществления смелой мечты о первом кругосветном плавании.

Один из крупнейших русских географов, академик Ю. М. Шокальский, в статье, посвященной четырехсотлетию со дня смерти Васко да Гамы, говорит:

«Эпоха великих открытий — 1486–1522 гг. — переполнена подвигами и именами всякого размера и значения, но среди них выделяются три человека, деяния коих оценивались различно, хотя никто никогда не мог им всем отказать в первом месте среди многих деятелей данного времени.

Это в порядке времени действия: Колумб, Васко да Гама, Магеллан. Нам кажется, что и степень важности совершенного каждым из них подвига располагается в том же возрастающем порядке.

Заслуга Колумба в том, что именно он подал испанцам мысль плыть поперек океана, в широтном направлении. Трудность, им превзойденная, заключалась в командовании эскадрой иноплеменных судов. Однако остается совершенно неизвестным, что случилось бы, если бы на пути Колумба не лежала Америка, и его переход, длиной в две тысячи шестьсот морских миль, совершенный в двадцать шесть дней, обратился бы в стодневный и больше. Притом путь его оказался легким вдоль полосы восточного пассата.

Задача, решенная да Гамою, была куда труднее и смелее. Осмелиться отойти от семидесятилетнего обычая плаваний к югу вдоль берега Африки и избрать неизвестный путь вдоль меридиана посреди открытого океана, где надо было идти не прямо на юг, а извилистым путем, и все это на основании смутных данных, доставшихся да Гаме от предшественников, конечно, не есть результат только одной смелости.

Общая длина его пути до мыса Доброй Надежды от островов Зеленого мыса составляет три тысячи семьсот семьдесят миль, а переход занял девяносто три дня и, несмотря на то, был удачен.

Несомненно, этот подвиг уступает только Магеллану, другому португальцу, решившему еще более крупную задачу. Подумайте только, что представляло для этих мореплавателей — решиться принять то или иное направление их пути. Перед ними лежала полная неизвестность, и все зависело только от их решения.

Действительно, их дела воистину суть подвиги».

Вместе с Магелланом погибло восемь человек. Среди них был Кристобаль Рабелло, капитан «Виктории». Имя мальчика-юнги, мужественно сражавшегося рядом с Магелланом и убитого одним из первых, не дошло до нас. В списке команды он записан «сыном

галисийца».

Весть о гибели командира привела в отчаяние его спутников. Барбоса и другие, оставшиеся на кораблях, не стесняясь, порицали тех, кто своим поспешным бегством с отмели способствовал смерти Магеллана. Весь день на кораблях шли пререкания и перебранка.

После долгих споров моряки решили, что капитаном «Тринидада» будет Дуарте Барбоса, которого все считали преемником Магеллана; капитаном «Консепсиона» — Хуан Серрано; капитаном «Виктории» — Луис-Альфонсо де Гоес.

Хотел стать капитаном и Хуан Карвайо. Обиженный тем, что ему не дали корабля, он затаил недовольство.

Узнав о гибели командира, фактор и писец поспешили перевезти на суда все товары, которые испанцы выгрузили на берег для обмена с жителями Себу.

Но, казалось, все их опасения были напрасны. Ничто не изменилось в Себу. Моряков по-прежнему приветствовали на улицах, по-прежнему радушно угощали.

28 апреля на «Тринидад» явился раджа Хумабона. Поднявшись на корабль, он вдруг опустился на груду канатов и начал громко всхлипывать. Вскоре все его жирное тело стало сотрясаться от рыданий.

Моряки молча стояли вокруг. Потом Хумабона заговорил. Слова вырывались из его груди сквозь тяжелые рыдания. Он лепетал, что он в отчаянии оттого, что командир не устоял перед врагами, что никогда еще не видал он такого отважного воина, как покойный, что сама жизнь ему не мила с тех пор, как погиб его названный брат и лучший друг.

Дуарте Барбоса, молча щипавший какую-то веревку, угрюмо спросил:

— Скажи-ка лучше, старик, почему ты и твои воины спокойно смотрели, как убивали нашего Фернандо и других товарищей наших? Почему ты ему не помог, хотя он сражался ради тебя?

Рыдания раджи стали еще более громкими, а речь еще более бессвязной. С трудом успокоившись, повелитель Себу начал уверять, что он несколько раз порывался ввязаться в бой, но боялся разгневать командира. Перед высадкой на Мактане Магеллан не велел радже и его воинам выходить на берег и приказал оставаться в лодках, «чтобы им видно было, как сражаются испанцы». Если бы не запрет командира, войска раджи Хумабона вмешались бы в битву, и, вероятно, судьба Магеллана была бы иной.

Барбоса промолвил тихо:

— Нашего любимого командира и его товарищей ты не мог

или не хотел спасти. Позаботься хотя бы, чтобы враги вернули их тела, мы хотим похоронить их по своему обычаю.

Серрано громко крикнул:

— Да, скажи им, что мы отдадим все, что они захотят, за тела наших друзей.

Раджа заторопился. В самом деле, он сейчас же сам поедет на Мактан, он обязательно раздобудет тела павших!

Суетливо попрощавшись, повелитель Себу покинул корабль.

К вечеру на «Тринидад» приплыл гонец от раджи Хумабона. Раджа с прискорбием сообщал, что он посылал на Мактан своего приближенного и обещал дать любой выкуп за тела убитых. Но островитяне отказались от выкупа. Их вождь велел передать, что они никогда не согласятся выдать тело командира и других павших. Покойный был великим воином и мудрым вождем. Тело его должно остаться в селении Силапулапу, чтобы его боевой, не знающий страха дух вселился в молодых воинов Мактана. Голова его будет храниться в общем доме, как величайший трофей победы над испанцами.

Прошло три дня. Утром 1 мая раджа пригласил всех капитанов и других начальствующих лиц обедать и заодно осмотреть драгоценные камни, которые он приготовил в подарок королю Испании.

Опасаясь вероломства, Серрано уговаривал товарищей не ехать. Но Барбоса заявил: если не поехать, островитяне подумают, что испанцы испугались. Он первый прыгнул в лодку и стал звать товарищей. Тогда решили ехать все вместе.

Поехали двадцать четыре человека — все три капитана: Барбоса, Серрано и Гоес, главный кормчий Андрес Сан-Мартин, судья де Эспиноса, Хуан Карвайо и другие. Звали Антонио Пигафетта, но он отказался. Раненая стрелой щека его гноилась и болела. Итальянец остался на верхней палубе, сел у борта и стал смотреть, как отчаливают шлюпки, как пристают к берегу, как придворные раджи с поклонами встречают испанцев и ведут во дворец.

Стоял зной. Дул сухой, раскаленный ветер. Дальние известковые скалы, казалось, чуть колебались. Море было покрыто дымкой. На берегу все вымерло. Только маленькие черные птицы с криком проносились над самой водой да важно прогуливался по берегу роскошный белый петух с целой стаей кур.

Пигафетта задремал, убаюканный зноем, тихим поскрипыванием мачт и легким плеском волн.

Очнулся он от толчка. Перед ним стоял Хуан Карвайо и

Гонсало-Гомес де Эспиноса.

— Почему вы вернулись раньше времени? — вскочив, закричал итальянец.

— Нам кажется — островитяне что-то замышляют. Всюду воины в полном вооружении, женщины и дети исчезли. Мы решили убраться, пока не поздно, — сказал судья.

— Почему же вы не предупредили остальных? — опросил Пигафетта.

— Я звал с собой Дуарте, но он отказался, — отвечал Карвайо.

В это время с берега раздались крики. Моряки бросились к борту. Толпа островитян тащила связанного Хуана Серрано. Его камзол был разорван и весь в крови. На плече его краснела рана.

Моряки подняли якоря, и корабли подошли ближе к берегу. Пушкари стали стрелять из бомбард по селению.

Серрано рвался из рук конвоиров и кричал, требуя прекратить стрельбу и прийти ему на помощь.

— Все убиты во время пира, — донеслись слова Серрано. — Переводчик раб Энрике изменил нам! Он заодно с раджой! Спасите меня! Дайте за меня выкуп товарами, умоляю!

Многие моряки бросились было к трапам, но Карвайо, к которому перешло теперь командование, запретил кому бы то ни было трогаться с места. Серрано умолял Карвайо, напоминал ему, что они родственники, молил не поднимать паруса и уверял, что как только корабли тронутся в путь, его, Серрано, убьют. Испанцы стали требовать, чтобы Карвайо не оставлял товарища в беде. Но Карвайо грубо прикрикнул на них и велел поднимать паруса.

Видя, что вверх по мачтам полезли матросы и паруса начали надуваться, Серрано разразился проклятиями. Но корабли тронулись в путь, и скоро голос Серрано замолк[66].

Завершение экспедиции

«…Мы были так изнурены голодом и так плохо снабжены припасами, что много раз готовы были бросить корабли и устроиться на какой-нибудь земле, чтобы окончить там свои дни».

Антонио Пигафетта, «Путешествие и открытие Верхней Индии, совершенное мною, Антонио Пигафетта, винчентским дворянином и родосским кавалером».

Злополучный остров Себу скрывался из виду. Сначала моряки перестали различать селение, потом известковые скалы и прибрежный лес превратились в белую и зеленую полоску. Затем все растворилось в морском просторе.

Угрюмые моряки работали молча. Всех угнетала гибель товарищей. Многие считали, что Карвайо совершил позорное предательство, покинув на произвол судьбы Серрано и других товарищей.

Судья с писцом обходили корабли и составляли опись вещей погибших моряков. На «Тринидаде» хозяйничал Хуан Карвайо.

Через несколько часов корабли стали на якорях у остроконечного мыса острова Бохол. Созвали совет, чтобы обсудить, что делать, подсчитать людей и запасы. Выводы были печальные. На трех кораблях оставалось всего сто тринадцать человек. Много было раненых и больных. Стало трудно управлять кораблями — подъем парусов и лавирование отнимали очень много времени, потому что на каждом корабле было слишком мало матросов.

Осмотрели корабли. В самом плохом состоянии был «Консепсион», и моряки решили пожертвовать этим судном. Все ценное они перегрузили с него на другие корабли, сняли паруса и снасти, сорвали железные части, а потом подожгли.

Плавание армады Магеллана у Марианских, Филиппинских и Молуккских островов.

Теперь на «Тринидаде», которым командовал Хуан Карвайо, было шестьдесят восемь человек экипажа, а на «Виктории» — сорок пять человек. Капитаном «Виктории» выбрали судью де Эспиноса.

Начались скитания в поисках Молуккских островов. Путешественники плутали в лабиринте островов. Им было трудно определять местоположение судов, потому что один из лучших кормчих эскадры — Гомес — дезертировал еще у входа в Магелланов пролив, а другой — Андрес Сан-Мартин, а также Барбоса, который знал все секреты Магеллана, были предательски убиты раджой Хумабона.

Начальники часто ссорились между собой, каждый из них думал лишь о своей выгоде. Дисциплина на кораблях упала.

Испанцы покинули Себу так поспешно, что не успели запастись провизией и пресной водой. Несколько раз они видели деревни, но после пережитого в Себу боялись высаживаться на берег. Опять начался голод. Пробовали пополнить запасы провизии рыбной ловлей, но рыба ловилась плохо.

Вокруг тянулись безлюдные острова. Начались дожди.

Моряки, не видя конца скитаниям, поговаривали о том, что, пожалуй, из этой страны никогда не выбраться. Они вспоминали слова старинного путешественника Марко Поло, будто бы в этих местах расположены «семь тысяч четыреста сорок восемь островов, производящих ароматы», и говорили:

— Мы видели около двух десятков островов, а их почти семь с половиной тысяч. Никогда нам отсюда не выбраться. Быть может, лучше бросить бесполезные и изнурительные поиски, выбрать подходящий остров и обосноваться на нем навсегда.

Остров Борнео. Рисунок в рукописи Антонио Пигафетты.

Такие разговоры объяснялись тем, что сами командиры не очень твердо знали, куда они ведут корабли. Все расчеты знали только Магеллан, Барбоса и Андрес Сан-Мартин. Карвайо и де Эспиноса вели корабли наугад. «Тринидад» и «Виктория» бесцельно блуждали среди многочисленных островов.

Лишь к концу июня перед моряками открылся северный берег острова Борнео. На Борнео испанцам сначала повезло. Раджа города Бруней выслал навстречу гостям красивую пирогу с позолоченными носом и кормой. На корме трепетал голубой с белым флаг, украшенный павлиньими перьями, а сидевшие в пироге музыканты играли на волынках и трубах и били в барабаны.

Испанские корабли подошли ближе к городу, раскинувшемуся по обоим берегам мутной реки. Это был

странный город. Часть домов стояла на сваях. Одна половина города принадлежала радже-мусульманину, а на другой стороне реки хозяйничал раджа-язычник. Раджи воевали между собой, а страдали от этого жители злосчастного города.

Скоро выяснилось, что встретил испанцев раджа-мусульманин. Антонио Пигафетта поехал отвозить подарки для раджи и его приближенных.

То, что увидел итальянец на Борнео, еще раз убедило его в правильности расчетов покойного командира. По всему было видно, что острова, населенные первобытными племенами, кончились. Испанские корабли попали в страны иной культуры, в страны, тесно связанные с Индией, Явой и Китаем.

Утром моряков доставили во дворец раджи. Он был совсем не похож на бамбуковые хижины Себу и других островов. Большая кирпичная стена с бойницами окружала его. На стене было установлено свыше шестидесяти бомбард. Во дворе качались на виселице казненные преступники. Внутри дворца горели восковые свечи в серебряных канделябрах. По углам стояли фарфоровые вазы. В комнатах толпились придворные, совсем как в залах дворцов португальского и испанского королей.

Торжественная встреча европейцев повелителем одного из островов Малайского архипелага. Гравюра 1706 года.

Раджа принял послов в обитой шелком, завешанной парчой зале. Его окружали триста пестро одетых телохранителей.

Испанцы уже не требовали, как во времена Магеллана, безусловной покорности и подчинения королю Карлосу I. Сознавая свою слабость, они просили лишь разрешения торговать в городе раджи и запастись продовольствием и свежей водой.

Сами послы, измученные, обросшие бородами, в потрепанной одежде, не произвели большого впечатления на раджу. Не очень заинтересовали его и грошовые подарки моряков. Поэтому прием скоро кончился. Разрешив испанцам торговать на берегу, раджа приказал накормить послов богатым обедом и велел отправить их на корабль.

Но и на Борнео дело кончилось ссорой. Виноват в ней был Хуан Карвайо.

29 июля он напал на лодки, проходившие мимо кораблей. Много островитян было перебито. Моряки захватили четыре джонки, взяли в плен шестнадцать мужчин и трех женщин. В числе пленных был командующий всем флотом раджи. Раджа просил отпустить пленников, обещая в свою очередь освободить трех испанцев, которых он задержал в городе, когда началось морское сражение.

Но Хуан Карвайо, рассчитывая получить за пленников большой выкуп, отказался их освободить и вновь покинул товарищей о беде.

Лишь отойдя от Борнео, Карвайо узнал, что, вместе с другими моряками, задержанными раджой Брунея, на берегу остался его сын от индианки из Рио-де-Жанейро.

Вечером, втайне от остальных моряков, Карвайо договорился с пленным адмиралом раджи. Тот послал на берег за богатым выкупом, и ночью, когда все спали, Карвайо втихомолку отправил адмирала на берег.

Опять пришлось поспешно убираться из гавани. Корабли пошли вдоль берега Борнео. Карвайо искал удобного места для стоянки. Теперь он не стеснялся и при случае не гнушался пиратством, нападая на проходящие мелкие суда.

Однако пиратские «подвиги» не спасали от голода. В море лодки и джонки встречались не часто. К тому же испанцы не всегда находили на них продовольствие. Грабя беззащитные лодки, Карвайо боялся приставать к населенным берегам. Между тем голод все сильнее давал себя чувствовать. Кроме того, корабли очень нуждались в ремонте, особенно «Тринидад», который, налетев на мель, дал течь.

Наконец, добрались до небольшой, но укромной бухты, где Карвайо приказал бросить якорь. Начали ремонтировать корабли. Эта работа доставила морякам немало мучений: приходилось рубить деревья в густом тропическом лесу и тащить их к кораблям. Лес изобиловал колючим кустарником, а большинство моряков работало босиком, потому что взятая с собой из Испании обувь давно износилась.

Испанцы ловили рыбу и черепах, добывали устриц, охотились

на лесных птиц. Многие пробовали питаться незнакомыми плодами и заболевали; несколько человек умерло. Починка кораблей подвигалась медленно. Карвайо не умел организовать работу. Моряки его не любили за алчность, за жестокость, за то, что он, не задумываясь, бросал товарищей в беде.

В конце концов недовольные Карвайо моряки собрались на сходку. Карвайо пытался угрожать своим врагам, но ему не дали говорить. Постановили сменить Карвайо, а по прибытии в Испанию привлечь его к суду. Капитаном «Тринидада» избрали Гонсало-Гомеса де Эспиноса, а капитаном «Виктории» — Себастиана Эль-Кано.

Себастиан Эль-Кано. Статуя, поставленная на его родине, в городе Гетария.

Баск Эль-Кано был смелым и опытным моряком. Он много лет провел в плаваниях и хорошо знал мореходное дело. Сдержанный и молчаливый, Эль-Кано отличался большой осмотрительностью. Моряки не очень любили его, но уважали, как превосходного знатока мореплавания.

Новый командир принял меры, чтобы поскорее кончить ремонт кораблей, и поспешил тронуться в путь.

В сентябре де Эспиносе удалось захватить лодку с двумя гребцами. Оказалось, что эти люди знают дорогу на Молуккские острова. Де Эспиноса сообщил эту радостную весть Эль-Кано, и корабли круто повернули на юг.

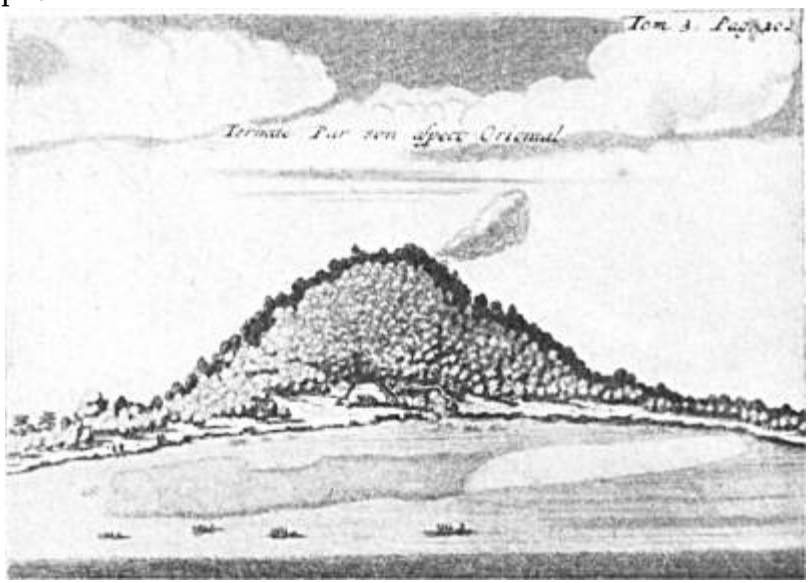
6 ноября вдали показалось несколько высоких островов.

— Молукки, — сказал лоцман, указывая вдаль. Эль-Кано приказал стрелять из пушек. Корабли расцветились флагами. Морякам выдали по чарке вина.

8 ноября 1521 года корабли бросили якорь в гавани острова Тидор.

Чудесные острова пряностей, на поиски которых была снаряжена экспедиция Магеллана, на первых порах разочаровали моряков. Молуккские острова мало отличались от бесчисленных, давно уже надоевших земель, мимо которых проходили корабли.

С берега виден был давно знакомый девственный лес, поднимавшийся у самого моря и покрывавший гористые острова Тидор и Тернате. Огромный вулкан Тидора был наполовину закрыт облаками. У берега ютилось селение: все те же свайные постройки, те же вытащенные на берег узкие лодки, те же свиньи и куры.



Остров Тернате. Гравюра 1706 года.

Но когда испанцы побывали на берегу и тидорский раджа показал им свои склады, они поняли, почему острова эти овеяны легендой, почему португальцы принимают все меры, чтобы не допускать к ним никого. Они увидели груды гвоздики, мускатного ореха, корицы, имбиря.

Испанцы начали скупать пряности. Торговые дела их процветали.

Однажды лодка, нагруженная гвоздикой, привезла пассажира. Это был худой и бледный человек в странной, полуевропейской, полуазиатской, одежде. Поднявшись на корабль, он заговорил вдруг по-португальски. Моряки тесно обступили пришельца и

жадно слушали его рассказ.

Португалец назвался Педро-Аффонсо де Лороса. Он прожил в этих местах уже десять лет, торговал пряностями, драгоценными камнями и рабами.

Де Лороса прибыл на Молуккские острова вместе с Франсиско Серрао. Он рассказал испанцам о судьбе этого лучшего друга Магеллана.

По словам де Лороса, Серрао со временем стал очень влиятельным человеком на Молуккских островах. Но король Маноэль относился к Серрао с присущим ему недоверием: он предполагал, по-видимому, что Серрао, оставаясь на Молукках, может стать опасным для португальцев. Когда армада Магеллана тронулась в путь, Маноэль решил, что надо всеми способами воспрепятствовать встрече двух друзей на Молуккских островах. Он с полным основанием мог ожидать, что обиженный Франсиско Серрао тотчас же примкнет к своему другу и поможет ему укрепить испанское влияние на Молуккских островах.

Маноэль не стал медлить и велел губернатору Малакки послать эскадру на Молуккские острова. Командиру эскадры Тристао де Менезешу было приказано привезти Серрао с Молуккских островов добром или силой. По обыкновению, Серрао соблазняли всякими наградами, обещали дать ему всевозможные титулы. В конце концов Франсиско Серрао дал увезти себя. Но, попав на Малакку, Серрао вскоре узнал, что на него собираются надеть кандалы и отправить в Индию с первым отплывающим туда кораблем.

Тогда Франсиско Серрао решил бежать. Он сговорился с несколькими недовольными португальцами, нанял китайскую джонку и ночью покинул Малакку. Добравшись до Молуккских островов, Серрао опять занялся торговлей пряностями, но порвал всякие сношения с португальцами и даже уговаривал властителей Тернате и Тидора искать покровительства испанского короля.

Португальцы отправили на Молуккские острова новую эскадру под командованием Тристао де Менезеша. Тогда Серрао во главе туземных отрядов оказал решительное сопротивление португальцам. Когда Менезеш попытался высадиться, произошла стычка, и восемь португальцев было убито. Менезешу пришлось отказаться от попытки захватить Молуккские острова. Но перед отъездом он поручил одной туземной женщине отравить Франсиско Серрао. Та выполнила его задание, и через двадцать дней после отъезда Менезеша Серрао умер.

После смерти Серрао де Лороса остался жить на Молуккских островах. Узнав о появлении «Тринидада», де Лороса поспешил на Тидор, чтобы предложить испанцам свои услуги. Он рассказал

им, что португальцы охотятся за кораблями Магеллана, и советовал как можно скорее убраться подальше от Молуккских островов, пока не прибыли боевые корабли португальцев.

Молуккские острова. Рисунок в рукописи Антонио Пигафетты.

Капитаны испанских кораблей ускорили погрузку и 18 декабря поспешили выйти в море.

Первой двинулась в путь «Виктория», но когда на «Тринидаде» подняли якорь, то обнаружилось, что судно опять дало течь. Вода заливала трюм. Где-то была пробоина. Пришлось вернуться обратно в гавань острова Тидор для ремонта.

Так как повреждение не удавалось найти, пришлось завести «Тринидад» на мелкое место, перегрузить все товары на один борт, накренить корабль и таким образом обнаружить и зачинить повреждение. Но, обследовав весь корабль, капитаны пришли к неутешительным выводам: «Тринидад» не мог выдержать трудный переход по Индийскому и Атлантическому океанам.

Решено было, что «Виктория» пойдет вперед одна, а «Тринидад» после ремонта вернется обратно через Тихий океан и доберется до берегов Панамы, где в то время уже обосновались испанцы.

Сорок три человека решили плыть с Эль-Кано на «Виктории», пятьдесят три решили остаться на Тидоре, чтобы после починки «Тринидада» плыть через Тихий океан обратно.

21 декабря 1521 года моряки корабля «Тринидад»

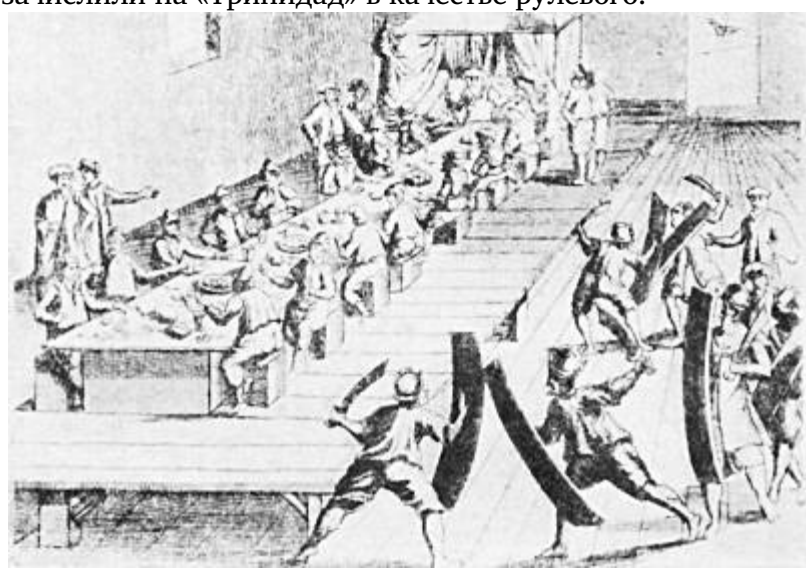
попрощались с моряками «Виктории». Почти все считали, что «Виктория» предстоит неизмеримо более трудный и опасный путь, чем «Тринидаду».

Но случилось по-другому. Страшная судьба ждала моряков «Тринидада». После отъезда «Виктории» начался ремонт «Тринидада». Однако по-настоящему отремонтировать корабль не удалось. Пришлось часть пряностей и испанских товаров оставить на Тидоре под охраной пяти моряков.

В числе этих пяти, оставшихся на Тидоре, был и Луис да Молино — тот самый, который являлся одним из активнейших участников бунта, но искупил вину, послужив орудием казни Кесады, своего господина.

14 февраля 1522 года умер Хуан Карвайо, который должен был плыть кормчим на «Тринидаде». Вместо него кормчим стал Леон Панкальдо.

Лишь 6 апреля «Тринидад», груженный пятьюдесятью тоннами гвоздики, мог отравиться в свое последнее плавание. Когда корабль покинул Тидор, на нем было сорок восемь моряков. В числе их был и португалец Педро-Аффонсо де Лороса. Его зачислили на «Тринидад» в качестве рулевого.



Повелитель Тернате показывает европейцам во время пира военные игры. Гравюра 1706 года.

Покинув Тидор, корабль взял курс на северо-северо-восток. Так началось шестимесячное блуждание «Тринидада» по незнакомым морям Индийского и Тихого океанов. По расчетам моряков, кораблю пришлось бы пройти до берегов Панамы лишь тысячу восемьсот лиг (десять с половиной тысяч километров). На самом деле расстояние, отделявшее в то время «Тринидад» от

Панамы, составляло шестнадцать с половиной тысяч километров.

В апреле началась непогода. Ветры все время отклоняли корабль на север от намеченного курса, так что к началу июня «Тринидад» оказался у Марианских островов.

Моряки не знали дороги, и корабль без цели носило по морю. Свежая провизия кончилась. Появилась цынга. В августе 1522 года, после шестимесячных блужданий по океану, корабль находился в открытом океане на 42° северной широты, то есть лишь немного южнее нынешнего Владивостока. Было холодно. Пять дней бушевал шторм. Грот-мачта «Тринидада» сломалась, почти все паруса были порваны; морякам пришлось срубить бак; надстройка на корме была разбита волнами.

Цынга косила моряков — они питались лишь рисом и водой; не один нашел свою могилу в водах океана. Не зная причин этой смертоносной болезни, они одно время думали, что их тела гложут черви. Чтобы убедиться в этом, они разрезали на мелкие куски труп одного из погибших, но червей не нашли и по-прежнему не знали, как бороться с ужасной болезнью. Бывали недели, когда почти все лежали вповалку и корабль беспомощно носился по волнам.

Капитан решил возвращаться назад. Повернули на юг. Управлять кораблем было трудно. На «Тринидаде» не хватало матросов. Де Эспиноса и Панкальдо сначала собирались добраться до Марианских островов, чтобы добыть свежей провизий. Но и эти острова они не могли найти в безбрежном океане. По-прежнему блуждал корабль по бескрайней водной пустыне, по-прежнему умирали моряки.

Наконец, добрались до небольшого кораллового острова, где нашли прекрасный источник пресной воды. Команда могла отдохнуть и оправиться.

Но когда собрались уезжать, выяснилось, что трое моряков, измученные бесконечным плаванием, дезертировали. Пришлось отправиться в путь без них. Де Эспиноса и Панкальдо решили возвратиться на Молуккские острова. Снова началась неравная борьба со штормами, опять цынга стала губить моряков.

В конце октября 1522 года, после долгих поисков и блужданий, «Тринидад» вновь подошел к Молуккским островам. Когда корабль отправился в путь, на нем было сорок восемь человек; во время бессмысленных скитаний по дальним морям двадцать семь погибли от болезней и лишений, а трое дезертировали.

Пока «Тринидад» блуждал по неведомым морям, на Молуккские острова пришла португальская эскадра под командой Антошу да Бриту, которому было приказано встретить эскадру

Магеллана у Молуккских островов и погубить или захватить в плен участников экспедиции.

Явившись на Тидор, португальцы, несмотря на то, что между Испанией и Португалией был мир, захватили в плен оставшихся для охраны складов пятерых моряков «Тринидада» и конфисковали запасы пряностей.

Узнав об этом от туземцев, Гонсало-Гомес де Эспиноса отправил послание командиру португальской армады, обосновавшемуся на острове Тернате. Он просил Антониу да Бриту немедля оказать помощь. Опасаясь, что штормы разобьют «Тринидад» о прибрежные скалы, испанцы завели судно в небольшую бухну и стали ждать.

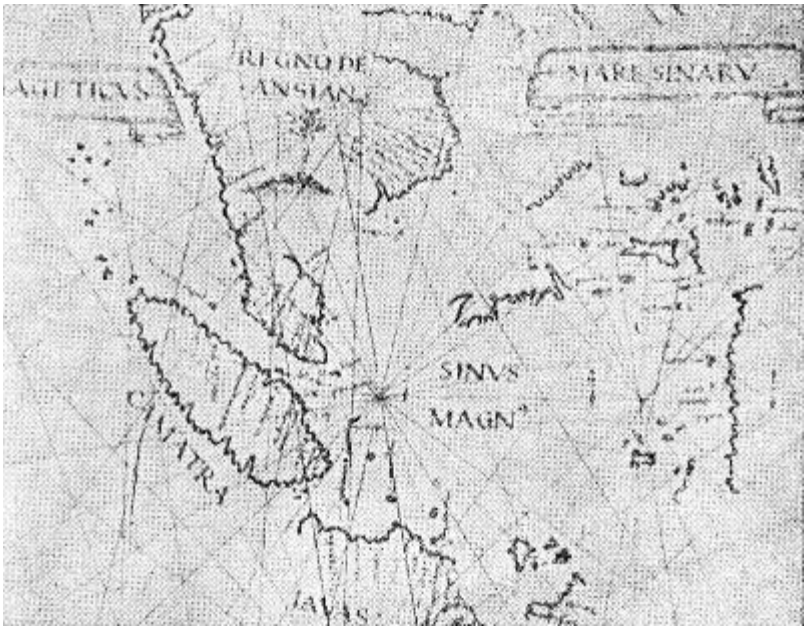
На другой день португальцы прислали свежих фруктов и кокосовых орехов, а через несколько дней быстроходная каравелла подошла к «Тринидаду», и на борт корабля поднялся, сверкая новенькими доспехами, сам Антониу да Бриту. Он был поражен тем, что, вместо мощной армады Магеллана он увидел одно, еле державшееся на воде грязное и запущенное судно с восемнадцатью больными и измученными моряками.

Поднявшись на «Тринидад», да Бриту прежде всего прошел в каюту капитана и велел унести на португальскую каравеллу мореходные карты, приборы для определения местонахождения, судовые журналы корабля «Тринидад» и испанские флаги. Гонсало де Эспиноса пытался протестовать, но да Бриту резко оборвал его.

— Будьте довольны, — сказал он, — что вы не висите на рее.

Испанцев свезли на берег и посадили в тюрьму, где уже сидели те моряки, которых португальцы застали на Тидоре. Почти все были больны. Португальцы начали разгружать «Тринидад», но не успели. Налетел шторм, и злополучное судно разбилось о камни. Его обломки пошли на сооружение португальской крепости.

Двадцать один моряк с «Тринидада» просидели на Тернате четыре месяца в тесном и темном бараке, служившем им тюрьмой. Почти все были в ножных кандалах. Их гоняли на самую тяжелую работу — дробить камни, пилить лес и строить из обломков «Тринидада» крепость. Да Бриту нарочно оскорблял и унижал испанцев на глазах у островитян. Он хотел, чтобы на Молуккских островах самое имя испанцев вызывало презрение. Перерезать испанцев да Бриту не решался. Как никак, между Испанией и Португалией были дружба и мир.



Карта Малаккского полуострова и Малайского архипелага, составленная Диего Рибейро в 1529 году.

К тому же португальский военачальник хорошо знал своего повелителя. Он не сомневался в том, что, если испанское правительство станет требовать наказания виновных в насильственной смерти людей с «Тринидада», Король выдаст его, да Бриту, с головой.

Поэтому он предпочел, чтобы лихорадки, дизентерия, цынга и другие спутники тюрьмы в португальских колониях сделали то дело, которое он не решался поручить палачу своей армады.

Но с португальским дезертиром Педро-Аффонсо де Лороса он не стал церемониться. Да Бриту писал королю, что де Лороса заслужил смертную казнь, как изменник, «и еще из-за других причин, слишком низменных, чтобы о них докладывать вашему величеству».

Однажды всех испанцев, закованных в ручные и ножные кандалы, вывели на площадь перед тюрьмой. Собралось множество островитян. Под грохот барабанов привели де Лороса. Одетый в красное глашатай громко огласил приговор, и палач отрубил португальцу голову.

Лишь в конце февраля 1523 года да Бриту отпустил с острова Тернате семнадцать моряков «Тринидада». Четырех он решил навсегда оставить на острове. Это были священник, исполнявший также обязанности писца, лисенсиат[67] Моралес, конопатчик де Басасаваль, плотник мастер Антон и кормчий Хуан-Баутиста де Понсевера, про которого да Бриту писал португальскому королю: «Это самый искусный из всех; он уже служил и прежде на

кораблях вашего величества».

Эти люди могли пригодиться португальцам на Молукках. Кроме того, кормчий и писец слишком много знали. Отпускать их на родину было опасно.

Но и те семнадцать, кого выпустил из своих когтей да Бриту в феврале 1523 года, не сразу попали на родину. Очевидно, португальские власти в колониях одобрили установку да Бриту: «Если не палач, то болезнь и лишения». Португальцы отвезли семнадцать «Тринидада» на остров Банда, где подданные португальского короля скупали мускатный орех. Здесь моряков продержали в сыром и душном сарае четыре месяца, а потом повезли в Малакку. По дороге несколько человек бежало на туземных лодках. Эти люди пропали без вести.

В Малакке португальцы вновь посадили испанцев в тюрьму и продержали их еще пять месяцев. Да Бриту оказался прав. Лишения и болезни делали свое дело не хуже палача.

Наконец, в марте 1524 года восемь оставшихся в живых матросов «Тринидада» привезли в Индию, в город Кочин. Туда же вскоре привезли Моралеса.

Испанцы просили, чтобы их отослали на родину, но португальцы под разными предлогами затягивали отправку моряков в Испанию. Испанцы, не зная, как сообщить о себе на родину, голодали, просили милостыню.

В 1524 году вице-королем Индии был назначен великий мореплаватель, открывший некогда морокой путь в Индию, престарелый Васко да Гама.

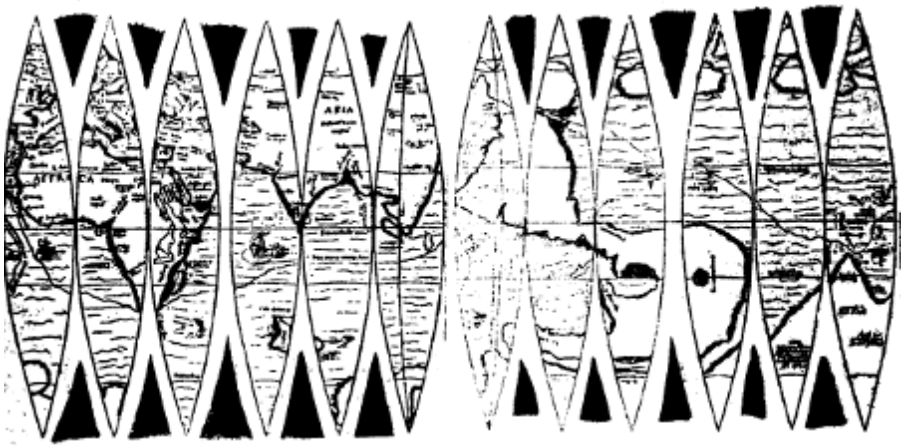
Де Эспиноса и его товарищи с большим трудом добились, чтобы грозный адмирал Индии принял их. Они надеялись, что моряк Васко да Гама окажется человечнее португальских чиновников.

Оборванные, измученные моряки смиренно просили отпустить их домой. Но Васко да Гама был жестоким и властным человеком. Он понимал, что перед ним стоят люди, совершившие одно из замечательнейших путешествий. Однако он помнил также, что эти люди открыли, наконец, великую тайну португальцев — нашли дорогу на Молуккские острова.

Ведь именно он, прославленный моряк, негодовал на короля Маноэля за то, что тот вовремя не отрубил голову Фернандо Магеллану. Васко да Гама не стал долго раздумывать. Выслав испанцев из комнаты, он приказал оставить их навсегда в Индии, а капитана велел вновь посадить в тюрьму.

Васко да Гама скоро умер, и новый губернатор освободил де Эспиносу из тюрьмы. Но португальцы все еще не отпускали моряков на родину.

По-прежнему моряки с «Тринидада» голодали и просили милостыню на шумных и веселых улицах Кочина. Еще двое умерло. Осталось шесть человек.



Сегменты глобуса 1523 года, приписываемого Иоганну Шёнеру и изображенного на картине Ганса Гольбейна младщего «Посланники» (1533 г.). На этом глобусе нанесен маршрут Магеллана и его спутников.

Все меньше и меньше оставалось в живых людей с корабля «Тринидад». Все же двум морякам удалось забраться в трюм португальского корабля, уходившего в Европу. По дороге один из моряков умер, а другой, Леон Панкальдо, после многих приключений добрался до Лиссабона, но здесь генуэзца бросили в тюрьму.

В Индии остались капитан Гонсало-Гомес де Эспиноса, матрос Гинес де Мафра, немец мастер Ганс и священник лисенсиат Моралес. Прошел 1524 год; в жизни этих четырех людей не было перемен. Одежда их совсем износилась: у них был один плащ на четырех — его носил тот, кому нужно было пройти по улицам города днем. Остальные целый день сидели в своей лачуге на окраине Кочина и покидали ее, чтобы добыть еды, лишь в сумерки.

Однажды де Эспиноса увидел знакомого моряка. Но тот не сразу узнал в худом, измученном человеке, одетом в лохмотья, гордого судью армады Магеллана. Разговорились. Моряк должен был скоро отправиться в Европу, и де Эспиноса уговорил его доставить письмо испанскому королю.

Письмо писали на рассвете. Вечером боялись жечь огонь, а днем могли прийти португальские чиновники, которые после бегства Леона Панкальдо и его товарища каждый день приходили проверять, все ли четверо на месте.

Мафра и мастер Ганс караулили, а лисенсиат Моралес писал

под диктовку неграмотного капитана.

«Величайший и могущественный господин, — диктовал тихо де Эспиноса, — ваше светлейшее величество должно знать, что случилось со времени отъезда „Виктории“»… Далее де Эспиноса кратко рассказал о злосчастном плавании «Тринидада», о пленении оставшихся в живых членов его экипажа португальцами и о конфискации испанских товаров. «И фактора вашего величества, — продолжал капитан, — и четырех других посадили в тюрьму, и то же произошло со мной и с моими людьми; нас оскорбляли и называли ворами, говоря: „Увидим, кто здесь хозяин, — король Португалии или испанский король“».

Капитан остановился и прислушался. Солнце уже стояло высоко, но кругом было тихо. Слышались лишь шаги индусских женщин, спешивших к родникам за водой. Он стал диктовать дальше, рассказал о мытарствах моряков по тюрьмам восточных городов, о смерти товарищей и прибавил: «Ваше светлейшее величество должно знать, что, когда губернатор, которого назначили вице-королем Индии[68], узнал о моем присутствии в Кочине, он велел меня схватить, оскорблял меня и угрожал мне отрубить голову, а другие, сказал он мне, будут повешены…»

Капитан помолчал, а потом начал вновь диктовать: «За те двадцать семь месяцев, в течение которых я нахожусь в руках португальцев, много раз мне приходилось вымаливать себе пищу… отсутствие еды причиняет нам больше лишений, чем заключение. С нами обращаются хуже, чем в Варварии[69]. Я целую руку вашего светлейшего величества и прошу вас положить конец этому положению и освободить нас из неволи. Пусть не считает ваше величество острова Молукки, Банда и Тимор не имеющими цены, ибо это три лучшие драгоценности: Молукки — из-за гвоздики, Банда — из-за мускатного ореха и Тимор — из-за сандалового дерева. Да знает ваше величество, что среди всех открытий нет ни одного другого острова, где были бы подобные плоды, и это так же верно, как и то, что все это принадлежит вашей короне».

Потом де Эспиноса продиктовал Моралесу сведения о тех мерах, которые предпринимали португальцы, чтобы удержать за собой Молуккские острова, о вооруженных силах португальцев на Молукках, о толщине стен португальской крепости на Тернате.

Капитан не знал, что делается на родине. Может быть, там затевают новую экспедицию на Молуккские острова. Тогда его сведения о военных силах португальцев на Востоке будут очень ценными для испанского правительства.

«Я кончаю мое письмо, — диктовал капитан, — ибо Таймон, подданный королевы доньи Леоноры, который посетил эти места

в качестве капитана, знает все хорошо и даст вашему величеству полный отчет обо всем, что здесь делается, так что вы можете подарить его своим доверием, ибо он до сих пор служил своему королю верно. Этот человек, Таймон, мне поклялся не брать в руки оружия до тех пор, пока не расскажет всего, что здесь с нами случилось, вашему величеству. Кроме того, дал он мне именем вашего величества немного денег, ибо видел, в какой мы нужде. Я прошу ваше величество уплатить ему это из моего жалованья».

Капитан кончил.

— Все? — спросил священник.

— Все, — ответил капитан. — Пишите: «Кочин, 12 января 1525 года», и дайте мне подписать.

Медленно, с трудом подписав: «Ваш верный вассал Гонсало-Гомес де Эспиноса», капитан встал, сложил письмо и пошел в условленное место на базаре, где его ждал знакомый моряк.

Письмо де Эспиносы добралось до Испании, и после настойчивых требований испанского правительства португальцы отпустили из Индии моряков с «Тринидада».

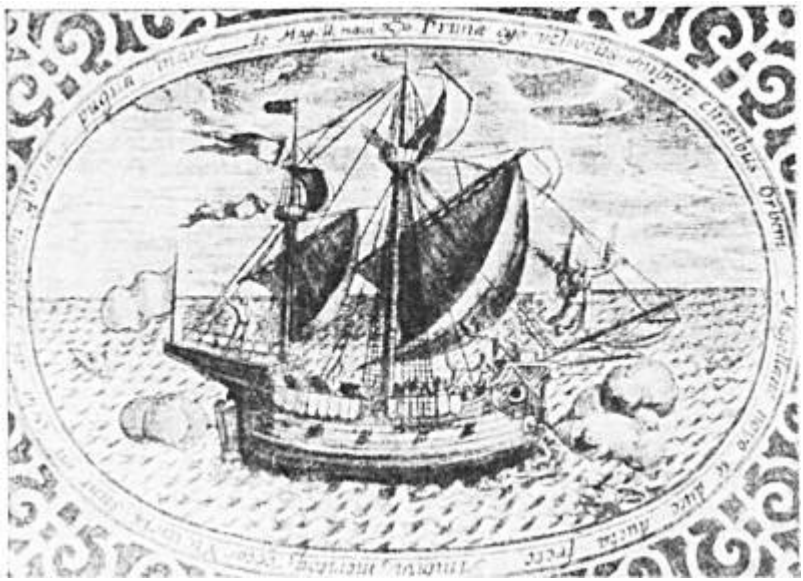
В июле 1526 года Гонсало-Гомеса де Эспиносу и его товарищей привезли в Лиссабон.

Но на этом мытарства моряков с «Тринидада» не закончились. Несчастных бросили в лиссабонскую тюрьму, и они просидели там семь месяцев. За это время умер еще один моряк — немец мастер Ганс. Лишь три моряка злосчастного корабля «Тринидад» добрались в начале 1527 года на родину.

Но и в Испании Гонсало де Эспиносе и его товарищам сначала не посчастливилось. Чиновники короля Карлоса I отказались выплатить им жалованье за те годы, пока они были в плену у португальцев. Они считали, что капитан и его товарищи «не могут претендовать, что в это время они служили Испании».

Лишь после долгих хлопот и просьб моряки с «Тринидада» получили все, что им причиталось. Де Эспиноса получил потом почетную и ответственную должность королевского инспектора кораблей, отправлявшихся в Индию. Еще в 1550 году шестидесятилетний де Эспиноса работал в Севильском порту и проверял готовность к плаванию каждого корабля, отплывавшего за море.

По-иному сложилась Судьба «Виктории».



Изображение корабля «Виктория». Гравюра XVI века.

21 декабря 1521 года «Виктория» покинула Тидор. На ней было сорок три моряка и тринадцать островитян. Корабль вез дорогой груз — тридцать пять тонн пряностей: гвоздики, корицы, мускатного ореха.

Эль-Кано взял курс на юг.

Антонио Пигафетта научился говорить по-малайски. Он подружился со стариком-лоцманом, взятым с Тернате, и по ночам, когда на корабле было тихо, расспрашивал его о заморских диковинах.

Итальянец все записывал в свою тетрадь: названия островов, мимо которых плыл корабль, имена раджей, списки товаров, которые можно достать в этих местах, обычаи туземцев, смутные, искаженные и запутанные сведения о Китае и сказки дальних морей.

Около месяца плыла «Виктория», лавируя между зелеными островами и пережидая непогоду в бухтах, защищенных от ветра горами.

26 января 1522 года «Виктория» прибыла на остров Тимор, славившийся сандаловым деревом. За этой дорогой древесиной в Тимор съезжались корабли, джонки и ладьи из Китая, Аннама, с Малакки, Явы, Суматры и далеких островов. На Тимор для обмена на сандаловое дерево привозили ткани, железо, иглы, топоры.

Испанцы купили немного сандалового дерева, чтобы захватить с собою на родину образцы. Но важнее всего было запастись провизией. Осмотрительный Эль-Кано знал, что дальше придется плыть в открытом океане, потому что по берегам — на

Малакке, в Индии и Африке — хозяйничали португальцы. Чтобы не попасться португальцам, капитан «Виктории» должен был не только обходить портовые города Индийского океана, но стараться идти в стороне от облюбованных португальцами морских путей через океан.

Сделав запасы воды и провизии, «Виктория» 11 февраля 1522 года покинула Тимор. Этот маленький корабль пересек Атлантический океан, потом преодолел просторы Тихого океана. Теперь ему предстояло переплыть Индийский океан.

Девяносто восемь дней плыла «Виктория» по Индийскому океану, и девяносто восемь дней моряки не видали берегов, если не считать необитаемого острова, открытого ими 18 марта. Они не запаслись солью, и мясо, взятое на Тиморе, испортилось. Пришел к концу рис, стала затхлой вода. Опять начала гулять по кораблю цынга.

«Виктория» плыла медленно, потому что корпус корабля оброс раковинами и водорослями. Кроме того, на судне было много больных, и управление кораблем становилось с каждым днем труднее и труднее.

Наконец, 9 мая на рассвете с корабля увидели африканский берег. Смелые моряки «Виктории» победили Индийский океан, как победили раньше Атлантический и Тихий. Но эта победа далась не легко. Многие были больны, несколько человек умерло. Эль-Кано собирался высадиться и поискать провизии и воды. Но все время дул штормовой ветер. Обрывистый берег был дик и негостеприимен. Негде было бросить якорь. «Виктория» пошла вдоль берега. Эль-Кано искал гавани, но ее все не было.

На корабле поднялся ропот. Многие, особенно больные, предлагали отправиться в город Мозамбик и сдаться на милость португальцев.

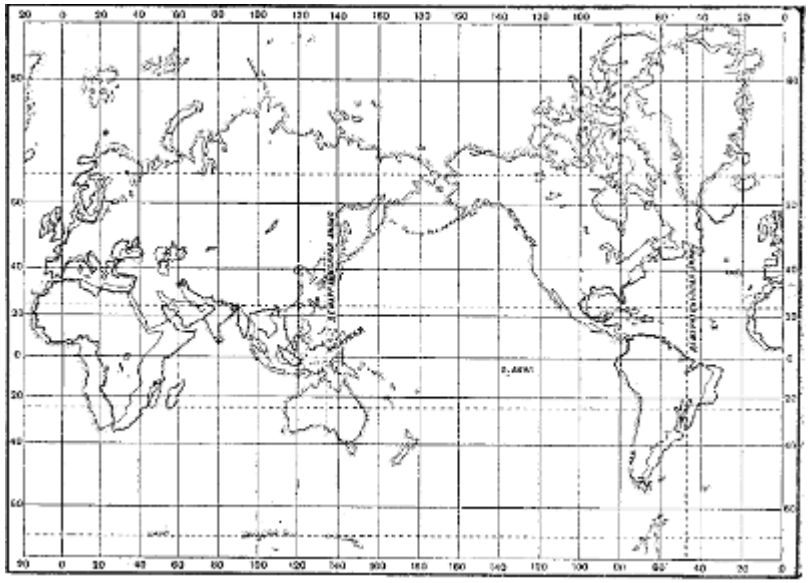
— Все равно, лучше будет, чем помирать в открытом море, — кричали они.

Но Эль-Кано, Пигафетта и другие говорили, что честь должна быть дороже жизни, что стыдно, будучи почти у цели, отдаваться в руки португальцев, что вряд ли те ласково примут людей, поставивших своей задачей раскрыть секрет островов пряностей и выполнивших эту задачу.

С большим трудом Эль-Кано уговорил моряков плыть в Атлантический океан.

10 мая показались черные горы мыса Доброй Надежды.

Когда Бартоломеу Диаш открыл этот мыс, он назвал его мысом Бурь. Позднее шторм, разыгравшийся у мыса Бурь, потопил корабль, на котором плыл Диаш, и смелый моряк погиб у открытого им мыса.



Карта мира по Рибейро (1529 г.).

На этой карте отражены результаты экспедиции Магеллана. Контуры материков, изображенных на карте Рибейро, даны жирной штриховкой. Истинная конфигурация показана линией с пунктиром.

И на этот раз мыс Бурь оправдал свое название. Много дней провела «Виктория» со спущенными парусами у мыса. Противные ветры, переходившие в штормы, не пускали корабль в Атлантический океан.

Пигафетта пишет: «Мы оставались в виду мыса девять недель со спущенными парусами из-за западных и северо-западных ветров, дувших беспрестанно и окончившихся ужасной бурей. Мыс Доброй Надежды лежит под 34°30′ южной широты, в тысяча шестистах лигах от Малаккского мыса. Это самый большой и самый опасный среди всех известных на земле мысов».

Воспользовавшись временным затишьем, Эль-Кано обогнул мыс.

Взяли курс на север и поплыли по Атлантическому океану. Так плыли пятьдесят дней. От цынги умерло тринадцать моряков «Виктории» и восемь островитян, взятых с собой испанцами на Молуккских островах. Провизия приходила к концу. На корабле обнаружилась течь. Решили зайти на Сао-Тьяго — один из островов Зеленого мыса, чтобы купить провизии и негров-рабов. Эль-Кано думал поставить негров к насосам и заставить их круглые сутки откачивать воду.

Эль-Кано строго приказал морякам, чтобы они не проболтались, откуда плывет «Виктория». Он боялся, что португальцы, узнав, что в Сао-Тьяго пришел единственный из

кораблей Магеллана, которому удалось побывать на Молуккских островах и почти завершить кругосветное плавание, постараются захватить корабль и задержать его команду. Капитан велел всем говорить, что корабль возвращается из Америки.

Однако эта уловка не помогла. Правда, испанцам сначала удалось обмануть португальцев, и те разрешили капитану «Виктории» обновить запасы провизии и воды. Но 15 июля моряки попытались купить негров и неосмотрительно предложили в обмен гвоздику и имбирь. Ни гвоздики, ни имбиря в Америке не было, и португальцы поняли, что испанский корабль возвращается с Молуккских островов.

Португальцы тотчас же захватили шлюпку с «Виктории», находившуюся у берега, и бросили в тюрьму ее команду — двенадцать испанцев и одного островитянина с Тидора. Они пытались задержать и «Викторию», но Себастиан Эль-Кано приказал поднять паруса и поспешил покинуть гавань Сао-Тьяго.

Опять поплыли по Атлантическому океану. Провизии было мало. Многие болели, двое умерли. Но теперь смелые моряки плыли по знакомому морю. Невзгоды и лишения не страшили их.

6 сентября 1522 года, через тысячу сто двадцать два дня после того, как эскадра Магеллана покинула Испанию, «Виктория» вошла в знакомый порт Сан-Лукар.

Герб, пожалованный Себастнану Эль-Кано после его возвращения из первого кругосветного плавания.

Эль-Кано велел выстрелить из пушек и поднять флаги. Восемнадцать моряков «Виктории», совершившие впервые в истории кругосветное плавание, молча смотрели, как приближаются родные берега.

Так окончилось это замечательное плавание. Лишь ничтожная кучка смельчаков завершила дело, начатое Магелланом. Большинство моряков погибло в пути. Погиб и сам командир, бесстрашный Фернандо Магеллан.

Но первое кругосветное плавание сыграло огромную роль в культурном развитии человечества, в развитии его географических познаний. В плавании Магеллана ученые эпохи Возрождения усмотрели неопровержимое доказательство того, что земля — шар. И действительно, после Магеллана всякие споры об этом прекратились.

В начале XVI века европейцы (португальцы у азиатских, а Бальбоа у американских берегов) впервые добрались до величайшего водного пространства земного шара — Тихого океана. Но они странствовали лишь на его окраинах. В домагеллановских картах от устья Ла-Платы до Явы простиралось колоссальное белое пятно. Магеллан и его спутники нанесли на карты Патагонию, Магелланов пролив, Тихий океан, Филиппинские и Молуккские острова.

В результате плавания Магеллана были впервые установлены правильные размеры Азии; на прежних картах Азия простиралась гораздо дальше на восток — вплоть до того места в Тихом океане, где на самом деле находятся Гавайские острова.

Путешествие Магеллана имело огромное значение в истории мореплавания; по открытому Магелланом пути в Тихий океан устремились новые корабли. Последователи Магеллана изучили американское и азиатское побережья Тихого океана, открыли множество островов и проложили новые пути для регулярных плаваний через Тихий океан.

Победив Тихий океан, Магеллан завершил дело Колумба, пересекшего Атлантический океан, и Васко да Гамы, проложившего морокой путь в Индию и далее на Восток. Рушились старые, узкие рубежи. Перед человечеством открылись огромные горизонты. Из замкнутых морских бассейнов человечество выходило на широкие просторы океанов.

Основные даты жизни Магеллана

1480 г. (предположительно) — рождение.
1505 г., 25 марта — отплытие в Индию.
1505 г., 27 августа — прибытие в Индию.
1509 г., 2 и 3 февраля — участие в битве при Диу.
1509 г., 19 августа — отплытие на Восток вместе с Секейрой.
1509 г., 11 сентября — прибытие эскадры Секейры в Малакку.
1510 г., январь — возвращение в Индию.
1510 г., 10 августа — выступление на военном совете в Кочине.
1510 г., ноябрь — участие в осаде и взятии Гоа.
1511 г., июнь — август — участие в осаде и взятии Малакки.
1513–1514 гг. — возвращение в Португалию.
1517 г., 20 октября — прибытие в Севилью.
1519 г., 20 сентября — отплытие армады Магеллана из гавани Сан-Лукар.
1520 г., 31 марта — прибытие в бухту Сан-Хулиан.
1520 г., 21 октября — открытие Магелланова пролива.
1521 г., 27 апреля — смерть Магеллана.

Гальего, Васко-Гомес — часто называемый просто «португальским участником плавания». Его рассказ сохранился в замечательной книге Джованни-Баттиста Рамузио «Плавания и путешествия», опубликованной на рубеже XVI и XVII веков. В записках Гальего всего три страницы. Записки озаглавлены: «Рассказ португальца, спутника Одоардо Барбоса на корабле „Виктория“ в 1519 году».

Библиография

1. Антонио Пигафетта, Впервые вокруг света (путешествие Магеллана). Перевод и примечания Б. П. Дитмара. Издательство Брокгауз и Ефрон. Ленинград. 1928.

2. «The First Voyage Round the World, by Magellan. Translated from the Acounts of Pigafetta and other contemporary Writers. Accompanied by Original Documents, with Notes and an Introduction by Lord Stanley of Alderley». London. Printed for the Hakluyt Society, MDCCCLXXIV.

3. Oscar Koelliker, Die erste Umseglung der Erde durch Fernando de Magellanes und Sebastian del Cano 1519–1522. München und Leipzig. R. Piper und Co. Verlag. 1908.

4. J. Denucé, Magellan. La question des Moluques et la première circumnavigation du globe. Tome IV des Publications in 4°de l'Academie Royale de Belgique. Bruxelles. 1911.

5. F. H. H. Guillemard, The Life of Ferdinand Magellan and the first circumnavigation of the globe, 1480–1521. London. 1890.

6. Arthur Sturges Hildebrandt, Magellan. Johnathan Cape, Ltd. London. 1925.

7. Pigafetta, Relation du Premièr Voyage autour du Monde par Magellan 1519–1522. (Recueil de Voyages et de Documents pour servir à l'Histoire de la Géographie depuis le XIII jusqu'à la fin du XVI siècle). Paris. 1923.

8. George E. Nunn, Magellan's route to the Pacific. «Geographical Review» XXIV, p. 615–633.

9. Eude E., La Lettre d'Antonio de Brito, capitaine de la fortresse de Ternate au roi Portugal Dom Joao III (1523). «La Géographie», t. XLIX, № 1–2. 1928.

10. Hümmerich, Die erste deutsche Handelsfahrt nach Indien 1505–1506. München und Berlin. R. Oldenburg. 1922.

11. J. Kohl, Geschichte der Entdeckungsreisen und Schiffarten zur Magellan's Strasse und zu den ihr benachbarten Ländem und Meeren. Berlin. 1877.

12. G. E. Dawson, The Line of Demarcation of Pope Alexander VI in a. d. 1493 and that of the Treaty of Tordesillas in a. d. 1494. «Proceedings and Transactions of Royal Society of Canada». 1899.

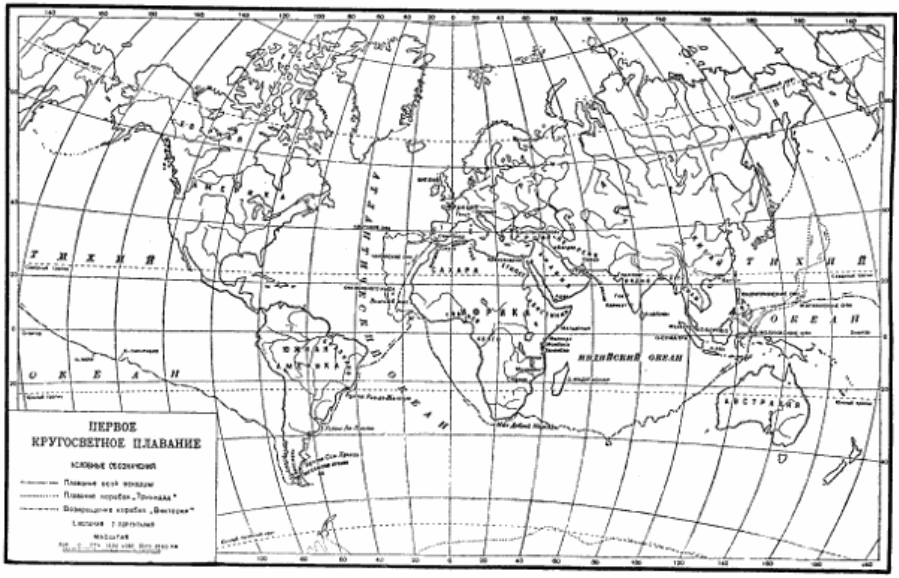
13. Aug. Baum, Die Demarkationlinie Papst Alexander VI und Ihre Folgen. Koln. 1890.

14. O. Peschel, Die Teilung der Erde unter Alexander VI und Julius II. Dunker. Leipzig. 1871.

15. «Narratives of the voyages of Pedro Sarmiento de Gambir to the Straits of Magellan, translated and edited by Clements

R. Markham». London. Printed for the Hakluyt Society. MDCCCXCV.

16. K. G. Jayne, Vasco da Gama and his successors, 1460–1580. Methuen and Co, Ltd. London. 1910.



notes

Примечания

1

К. Маркс, Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 98. Госполитиздат, 1940 г.

2

Д’Ангиера, Петер-Мартир (1455–1526) — итальянец, служивший с 1488 года при испанском дворе. Побывал в Египте. В своих сочинениях «De rebus oceanicus et orbe novo decades» и «Opus epistolarum» он описал историю открытия и исследования новых стран.

3

Между прочим, во время этого плавания Кабраль случайно открыл Бразилию.

4

Подробнее об открытии Америки см. книгу Г. Ревзина «Колумб» в серии Жизнь замечательных людей, вып. 20, 1937 г.

5

К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, стр. 29. Госпилитиздат, 1939 г.

6

Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XVI, ч. I, стр. 61–62.

7

Армада — название всякого вооруженного флота в Испании и Португалии в те времена.

8

Астролябия — прибор для определения высоты небесных светил над горизонтом. Установив высоту у какого-нибудь светила в определенное время дня или ночи, мореплаватель по специальным таблицам определял местоположение корабля. Астролябия впервые вошла в употребление в Португалии в царствование Жоао II, во второй половине XV века.

9

Корреа, Гаспар — автор чрезвычайно интересной летописной истории Индии, написанной в 60-х годах XVI века. Корреа провел много лет в португальских колониях в Индии. Его книга, является первоклассным источником по истории португальской колониальной державы XVI века.

10

Бомбарда — один из самых ранних видов артиллерийского орудия. Корпус ее сваривался из длинных железных полос и скреплялся железными обручами. Из бомбарды стреляли каменными, а иногда и свинцовыми ядрами.

11

Румами, или ромеями, — на Востоке звали византийцев. Впоследствии это название перешло на захвативших территорию Византии сельджукских султанов, а потом и на турок-османов.

12

Аркебуза — старинное фитильное ружье, употреблявшееся в XV и XVI веках. Аркебузы были очень тяжелы, и из них стреляли, поставив их на козлы.

13

Д’Альбукерк, Аффонсо (1453–1515) — знаменитый португальский военачальник, заложивший основу колониального могущества Португалии. Взял Маскат, Гоа, Малакку, Ормуз.

14

Каннанор — крупный порт в южной Индии, на Малабарском (западном) побережье.

15

Гуджерат — полуостров в северо-западной Индии. В середине XVI века жители Гуджерата вели обширную морскую торговлю с приморскими городами Южной Азии и Восточной Африки.

16

Ормуз — один из крупнейших портов средневековой Азии. Находился недалеко от входа в Персидский залив, рядом с тем местом, где ныне расположен иранский порт Бендер-Аббас.

Большинство старинных путешественников (Марко Поло, Афанасий Никитин, Дуарте Барбоса, Людовико ди Вартема и др.) в самых восторженных выражениях описывают богатство и красоту Ормуза, который в прошлом был крупнейшим портом, посредничавшим в торговле Индии с Персией, Малой Азией и Европой.

17

Каликут — город на западном побережье Индии. В конце XV века был крупным портом. Был первым индийским городом, куда попал Васко да Гама в 1498 году во время своего первого плавания в Индию. Позднее португальцы поссорились с повелителем Каликута Заморином, и Каликут сделался главным врагом португальцев в Индии.

18

Чаул — приморский город на западном берегу Индии. В старину был оживленным портом.

19

Диу — остров и город в Индийском океане, отделенный от Индостана проливом. Расположен под 20°35’ северной широты и 68°43′ восточной долготы. В 1509 году д'Альмейда разбил около Диу соединенный флот египтян, венецианцев, индусов и других врагов Португалии. В 1535 году португальцы захватили Диу.

20

Сервантес, Дон-Кихот.

21

Кочин — порт в южной Индии, на Малабарском (западном) побережье. Раджа Кочина был союзником португальцев; в Кочине существовала португальская крепость. Этот город был одним из опорных пунктов португальского могущества в Индии.

22

Фариа-и-Суза (1590–1649) — португальский историк, очень усидчивый и плодовитый, но не всегда точный автор. Жил в то время, когда Португалия была под властью Испании, и писал на испанском языке.

23

Баррош, Жоао, де — португальский летописец. Имел доступ к архивам Лиссабона, и поэтому в его книге есть много ценных документов. Его книги опубликованы в середине XVI — начале XVII века.

24

Горес — так называли в те времена португальцы Формозу и острова Риу-Киу.

25

Камбай — порт в северо-западной Индии. Ныне входит в состав Бомбейского резидентства. В старину Камбай славился своей кустарной промышленностью. Товары из Камбая находили широкий сбыт во всей Южной Азии и Восточной Африке.

26

Дабул — город на западном берегу Индостана. В 1509 году Франсиско д'Альмейда, в отомщение за гибель своего сына дом Лоренсо, подверг Дабул страшному разгрому. Старая индусская поговорка гласит: «Пусть мщение франков обрушится на тебя так, как оно обрушилось на Дабул».

27

Аден — город, лежащий на аравийском берегу, неподалеку от слияния Красного моря и Индийского океана. В XIV–XV веках Аден был крупным транзитным пунктом, через который осуществлялась торговля Египта с Индией.

28

Шехр, или Эсшехр, — город в пятистах километрах к востоку от Адена на аравийском побережье. Был крупным портом еще во времена Марко Поло (XIII век).

29

Джидда, или Джедда, — аравийский порт на берегу Красного моря. Служит портом Мекки. В старину была крупнейшим портом Красного моря. Джидду часто называли тогда «Матерью городов».

30

Коромандель — юго-западное побережье Индии.

31

Пегу — старинное царство, находившееся в Бирме, на восточном берегу Бенгальского залива. В 1753 году захвачено бирманцами, а в 1855 году — англичанами. Так же называлась и бывшая столица этого царства. Город расположен в семидесяти километрах к северо-востоку от нынешней столицы Бирмы — Рангуна.

32

Коморин — крайняя южная оконечность Индостана.

33

Португальцы имели обыкновение сжигать корабли, которые по той или иной причине приходилось где-нибудь бросить. Делалось это для того, чтобы враги португальцев не могли воспользоваться брошенным кораблем.

Hugh Clifford, Futher India, being the story of exploration from earliest times in Burma, Malaya, Siam and Indo-China. London, 1904.

35

Эррера, Антонио (1555–1625) — известный испанский историк. Написал несколько книг, посвященных испанским и португальским открытиям.

36

Аргенсола, Бартоломео (1566–1631) — испанский историк. Опубликовал в 1603 году «Историю завоевания Молуккских островов».

37

Тексейра, Педро — португалец, путешествовавший по Востоку в 1600–1601 и 1603–1605 годах.

Hamy, L'oeuvre géographique des Reinel. «Bulletin de Géographie Historique et descriptive». Paris, 1891, p. 141.

39

Овиедо-и-Вальдес, Гонсалес-Фернандо (1478–1557) — испанский историк и путешественник, написал «Генеральную и натуральную историю западной Индии», первые двадцать книг которой опубликованы в 1534 году, а остальные тридцать — в 1783 году.

40

Бальбоа Васко-Нуньес — испанский конкистадор. Находясь на атлантическом побережье Панамского перешейка, он узнал от туземцев, что за горами лежит огромное море. Бальбоа пересек Панамский перешеек и в 1513 году открыл Тихий океан (он назвал его «Великим южным морем» в отличие от Атлантического океана, который называли «Великим северным морем»). В 1517 году наместник Панамы Педрариас Давила, завидовавший Бальбоа, казнил его по заведомо ложному обвинению в «государственной измене».

K. G. Jayne, Vasco da Gama and his successors, 1460–1580. Methuen and Co, London, 1910.

42

По испански — Fernando de Magallanes, поэтому правильнее было бы писать Магальянес. Но неправильное написание «Магеллан» так прочно укоренилось не только в русской, но и во всей мировой литературе, что менять его не имеет смысла.

43

Кортесы — так называлось в средневековой Испании собрание сословных представителей, игравшее в те времена очень большую роль. После объединения Испании под властью Фернандо Арагонского и Исабели Кастильской Арагон и Кастилия сохранили автономию и, в частности, были сохранены отдельные арагонские и кастильские кортесы.

44

Комунерос — под этим названием известно восстание горожан в Испании, к которым присоединились некоторые дворянские группы. Восстание это происходило в 1520–1521 годах и было разгромлено королевскими войсками.

45

Лас-Касас, Бартоломео (1474–1566) — священник. Был горячим защитником индейцев и неоднократно заступался перед испанским правительством за американских туземцев. Написал в защиту индейцев несколько сочинений.

Гомара, Франсиско-Лопес (1510 — около 1560) — испанский историк, описавший завоевание Вест-Индии и Мексики.

47

Мараведи — старинная испанская монета, введенная еще маврами. Сначала чеканилась из золота и серебра, а впоследствии также из меди.

48

Гоеш, Дамиао — один из самых интересных летописцев Португалии. Написал хронику царствования короля Маноэля.

Фонсека.

Кулеврина — разновидность бомбарды (см. бомбарда).

51

Фальконет — старинное артиллерийское орудие, стрелявшее свинцовыми ядрами. Наряду с бомбардой, чаще всего употреблялось для вооружения боевых кораблей.

52

Квадрант — прибор, служивший для определения высоты небесных светил.

53

Этого человека звали в Португалии Жоао Серрао. Но, перейдя на испанскую службу, он, подобно Магеллану, переделал свое имя и фамилию на испанский лад.

54

Панкальдо, Леон — часто просто «генуэзский кормчий» — участник первого кругосветного плавания. Его записки называются: «Плавание и путешествие, которое совершил Фернандо де Магеллан из Севильи в Малуко в 1519 году». В конце их есть приписка: «Это переписано из записной книжки генуэзского кормчего, который плыл на вышеуказанном корабле и записал все путешествие так, как оно изложено здесь. Он прибыл в Португалию в 1524 году с дом Амрике де Менезеш. Благодарение господу». Судя по всему, эти записки были отобраны у Леона Панкальдо португальцами на острове Тернате.

55

Максимилиан Трансильванский — секретарь императора Карла V (он же испанский король Карлос I). В письме к епископу Зальцбрукскому от 22 октября 1522 года (то есть вскоре по возвращении «Виктории») он подробно рассказал о первом кругосветном плавании. Максимилиан Трансильванский беседовал со многими участниками плавания, и его рассказ представляет поэтому большую ценность. Его письмо было опубликовано в январе 1523 года в Кельне под заглавием «Письмо Максимилиана Трансильванского преосвященному кардиналу Зальцбрукскому, очень приятное для чтения, относительно Молуккских островов, а также о многих других чудесах, которые обнаружило последнее путешествие испанцев».

Эта речь дошла до нас в изложении Максимилиана Трансильванского, который вообще довольно подробно рассказал о мятеже. Интересно, что участники плавания, оставившие свои записки, стараются затушевать все, что касается мятежа. Так, в записях Франсиско Альбо о мятеже нет ни слова. Очень кратко говорит о нем Леон Панкальдо. Даже пунктуальный Пигафетта посвятил мятежу несколько строк, причем перепутал важнейшие факты.

Альбо, Франсиско — был в 1516 году королевским кормчим. Он принимал участие в плавании Магеллана в качестве кормчего второго класса (contra raaestre). Его корабельный журнал сохранился в одном из испанских архивов. Он озаглавлен «Корабельный журнал путешествия Фернандо де Магеллана в поисках пролива от мыса Сант-Аугустин. Франсиско Альбо. 1519».

57

Арбалет — метательное оружие в виде лука, где тетива натягивалась при помощи особого приспособления.

58

Гуанако — жвачное млекопитающее одного рода с ламой и вигонью. Относится к семейству верблюдов.

59

«Pata» — по-испански нога, «patagon» — ножища. Интересно, что на самом деле рослые патагонцы отличаются удивительно маленькими, изящными ногами и руками Надо думать, что Магеллан и его спутники видели патагонцев обутыми в их огромные неуклюжие сапоги из шкур гуанако.

Интересно, что виселица эта стояла еще в 1578 году, когда бухта Сан-Хулиан сделалась местом новой трагедии. Английский пират и путешественник Френсис Дрейк, совершивший второе кругосветное плавание, остановился в этой мрачной бухте для того, чтобы судить за измену своего ближайшего помощника Томаса Даути, занимавшего на корабле примерно такое же положение, как и де Картагена. Даути было предложено или вернуться в Англию, чтобы там подвергнуться суду, или остаться в Сан-Хулиане. Даути выбрал второе и, подобно де Картагена и де ла Рейна, был навсегда оставлен в Сан-Хулиане.

То есть в Магеллановом проливе. Современники по-разному называли открытый Магелланом пролив. Сам Магеллан и Андрес Сан-Марин называли его проливом Всех Святых; Пигафетта — Патагонским проливом; один из португальских второв проливом Виктории. Даже в 1580 году путешественник Сармиенто называл этот пролив проливом Божьей матери, хотя уже в 1525 году в инструкции, данной путешественнику Себастиану Каботу, упоминается Магелланов пролив.

62

Мыс Желанный лежит у западного входа, а мыс Одиннадцати Тысяч Дев — у восточного входа в Магелланов пролив.

63

Этот рассказ Антонио Пигафетты нашел отражение в рисунке J. Stradanus'a, изображающем, как корабль Магеллана выходит в Тихий океан (этот рисунок воспроизведен в нашем издании). Слева изображена Огненная Земля в пламени и дыму. Справа сидит фантастического вида туземец, глотающий стрелу.

В настоящее время за архипелагом удержалось наименование Марианских островов. Это название острова получили в честь жены испанского короля Филиппа II — Марии Австрийской.

Это название не привилось. Долго архипелаг имел два имени: португальцы, приезжавшие туда из Индии, называли его «Восточными островами», а испанцы, попадавшие в воды архипелага с востока, после того, как пересекали Тихий океан, «Западными островами».

Но в 1543 году их переименовали в Филиппинские острова в честь наследника испанского престола, который потом царствовал под именем Филиппа II и прославился, как один из самых жестоких, фанатически-религиозных и самовластных тиранов в истории.

Позднее выяснилось, что не все были убиты во время кровавого пира на острове Себу. Через несколько лет, во время плавания Альваро де Сааведра из Америки на Молуккские острова, писец армады Франсиско Гранадо встретил на одном из островов некоего Себастиана де Пуэрта. Тот рассказал, что на испанцев напали внезапно, по сигналу раджи Хумабона. Моряки сражались мужественно и дорого отдали свою жизнь. Но туземцам все же удалось схватить живыми восемь человек, которых они продали в Китай и на дальние острова.

67

Лисенсиат — человек, окончивший университет, не получивший ученой степени, но допущенный к чтению лекций.

Де Эспиноса имеет в виду Васко да Гаму.

69

Варварией в старину называли нынешние Марокко, Алжир и Тунис. Варварийские берега приобрели дурную славу из-за многочисленных усеивавших их пиратских гнезд. В устах испанцев и португальцев Варвария означала тягчайшую неволю. В одном из варварийских городов томился в неволе Сервантес.